

С Н Ы

Киа Шиму

Шиму Киа СНЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68975019

SelfPub; 2023

Аннотация

«Реальность – одна из ипостасей сна». Хорхе Луис Борхес. Насколько возможно потеряться в реальности, настолько возможно потеряться во сне. И те действия, совершаемые нами в сновидениях, способны отражаться после пробуждения, только осознать этого мы никогда не сможем...

Шиму Киа

СНЫ

Март

I

Слишком теплой выдалась зима. Поэтому те снежные лучи солнца спокойно перешли в еще более жаркий первый месяц весны. Снега, из всех трех всадников стужи, никто не взял с собой, а значит, таять просто нечему. Такая зима ужасна, ведь вместо белоснежного покрова- грязь и непонимающие вставать им или снова засыпать растения. Кажется, сейчас зима, но слишком тепло для метели и стуж. Многие боялись столь ранней весны, потому что все говорило об очень жарком, но не менее радостном лете, а это отнюдь не самая приятная новость для тех, кто при малейшем повышении температуры тела попросту начинает топиться в собственном поту и задыхаться от раскаленного воздуха.

Многие жители города еще не перешли на легкие кофточ-ки, под которыми летние маечки, так и школьники еще ходят в рубашках с длинным рукавом. Ветер не резал своим холодом лицо, он уже нежно, хоть и с хладнокровной неопытностью, гладит весь мир, заставляя чувствовать свою легкость, юность и свежесть. Слишком приятный март был в этом году: грязь засохла, сырость не сдавливала легкие, а солнце начинало все больше и больше греть макушки, приказывая

снимать шапки у всех прохожих, идущих по своим делам. Такое состояние природы магией воскрешает жизни многих людей, погрязших в суетной обыденности, оно приковывает к себе внимание чужих глаза и дерзко говорит всему миру: «Посмотрите! Какое же чудесное возвращение вашей желанной юности»— а остальные только и могут, что, открыв в восхищении рот, очаровываться красотой окружающего их мира. Весна- это особый праздник, когда и старец, и младенец воскрешаются и начинают по-другому дышать, ощущая удивительный и для кого-то давно забытый запах беззаботной молодости, а молодым чувствуется аромат амбициозного будущего и далекого мечтания.

Школьники в белоснежной парадной форме с черными брюками, юбками толпой заходили в большой зал местного дома культуры. Архитектура данного учреждение была шаблонная и скопированная у общего плана построения подобных зданий. Сегодня наступило время всеобщего оживления, ведь в небольшом городе объявляют долгожданный конкурс, не самый престижный, но желанный, потому что многие молодые и не очень музыканты могут показать себя. Такая инициатива была предложена правительством, чтобы найти очередной самородок из самых глухих углов страны. Оттого это не просто очередной конкурс, а возможность сделать свою жизнь насыщенной и подарить себе славные годы жизни.

Вокруг был шум, суета и приятное волнение. Музыканты

со своими коллективами и без готовились: повторяли репертуары, репетировали всем оркестром, настраивали свои голоса и инструменты, все вместе нервничали, смеялись, тайно мечтали о картинах невероятного успеха, поддерживали друг друга, ссорились. Куда не пойдешь, слышишь звуки самых различных гитар, балалаек, того, маракасов и других удивительных музыкальных инструментов, также раздавались крики шаловливых ребят, стуки барабанов, шагов и хлопков, хоровое пение, и все это происходило в отдельных кабинетах, а в общем плане, дом культуры представлял из себя настоящий улей со своими сотами, где пчелы вместо меда творят искусство, наполняющее души несвязанных людей особой атмосферой всеобщего дела и конкуренции.

В одной комнате, где обустроился коллектив народных инструментов северно-азиатской культуры, волнение происходило не из-за предстоящего выхода на сцену, а совсем из-за другого. Большинство музыкантов, держа свои инструменты на руках, смирно сидели на своих местах в помещении и следили за быстрыми шагами нервного дирижера Андрея. Высокий, довольно крупный мужчина 27 лет бродил по небольшому свободному пространству в центре между пультом руководителя и пюпитром баянистов и долго ругался себе под нос. Потом резко остановился и посмотрел на сидящего паренька с короткими встрепанными белыми волосами, держащего балалайку в руках. Испуганный столь злобным и раздраженным взглядом коллеги, паренек согнулся под тем

несравнимым давлением, прессующим душу.

–Где он?– грозно пробасил своим окрепшим голосом Андрей.

–Не знаю,– выдохнул испуганный паренек.

–Цуль, ты говорил, что приведешь отменного барабанщика, который „идеально впишется в наш коллектив”. Так?

–Так.

–И где он?

–Не знаю!

–Ты ему звонил?

–Звонил.

–Что отвечал?

–Что уже рядом с ДК.

–Ну и где он?!– вспыхнул дирижер.

–Он же сказал, что не знает,– прозвучал голос домристки, вставшей с места и подошедшей к нервному руководителю оркестра, чтобы успокоить его.– Ты опять зря нервничаешь, Андрей. Еще неизвестный порядок выступающих, а ты уже раздражаешься и кричишь.

Дирижер вздохнул, а Цуль немного расслабился, видя, что ситуация стабилизировалась.

–Поэтому я и нервничаю. Мы можем быть первыми в списке выступающих, а барабанщика нет.

–Может, он задержался где-то или потерялся,– мягко сказала высокая и худая девушка. Андрей задумался.

–Да, ты права. Тогда, Цуль, сбегай и поищи его. Если не

вернешься вовремя и не приведешь барабанщика, то будешь слушать игру Амфисы до скончания времен, будучи без рук.

–Хорошо,– сглотнул паренек.

–Беги.

Цуль положил инструмент и, пробираясь через сидячих музыкантов, пулей вылетел из комнаты.

На пороге стоял юноша в белой, выправленной рубашке, и уже пятую минуту завораживающе куда-то глядел. На табурете, в тесной комнате, сидела девушка в платье, украшенном узорами различных цветов, а изящную и юную талию обхватывал черный ремешок. Ее плечики были прикрыты, а тонкая, короткая, изящная шея блестела своей белоснежной кожей. Спина, однако, сторблена совсем не грациозно, но длинные волосы, мягкие и гладкие, приковывали внимание. Она играла на гитаре и пела, смотря в приоткрытое окно, откуда был вид на голые с зимы деревья, которые пытались закрыть обзор на город, но отсутствие зелени на ветках мешало полному скрытия пейзажа, и сквозь тонкие пальцы веток можно было увидеть мокрые крыши домов, еще не отошедших от серых красок теплого февраля, однако яркое солнце старалось все исправить и наполнить кирпичный пейзаж светом и радостью. Легкий мартовский ветер, который был еще холодным, залетал в комнату, тревожа занавески, заставляя их колыхаться под пением музыканта, порывы воздуха попадали ровно в такт мелодии и лишь украшали репетицию девушки, принося в голову мысли о магических свой-

ствах грациозной певицы. Ее длинные каштановые волосы вместе с легкими и белоснежными занавесками двигались под четкое щипание струн пальцев, приглашая солнце участвовать в легком танце мартовского дня.

Комната была небольшой, но вещей повсюду разбросано было очень много: чехлы, рюкзаки, кофты, обувь и многое другое- однако в душном, но проветриваемом помещении находилась лишь эта прекрасная незнакомка, чье лицо скрыто музыкой, платьем, солнцем и волосами. Юноша стоял, смотрел, слушал и восхищался, пока сзади люди суетливо спешили куда-то. Паренек был невысок и очень неприметлив. Уверенности в нем не было, да и сам он из стеснительных, чье внимание уделено очень далеким и непредсказуемым вещам. Он не знал, какую мелодию исполняет девушка, хотя очень хотел потом найти композитора где-нибудь. Да и не имело это значения, ведь ему важно было почувствовать голос певицы, потому что она пела душой. Этой его зацепило. Не каждый способен обнаружить душевное пение, ведь оно очень легко скрывается за харизмой исполнителя, который думает совсем о другом, нежели о тексте и смысле песни. А этот юноша понял и смог прочувствовать сигналы нутра музыканта. Это всего лишь репетиция.

Но нет ничего вечного в действия людей, так как сами люди, к счастью, не вечны, и произведение подошло к концу. Она повернулся к юноше и сильно удивилась, а слушатель смогу разглядеть лицо незнакомки. Острые черты ее про-

филя, которые образовывали треугольник, но мягкие щеки слегка расширяли портрет, делая мимику ее приятной, свежей, милой. Глаза, большие, азиатской формы имели магическое свойство захватывать смотрящего в тайные пучины этих простых карих очей, в которых не надо искать скрытого смысла или фокусироваться на отдельных красотах палитры зрачков; монотонность и прямая истина удерживали свидетеля, оттого невероятный взор этой девушки являлся даже опасным, потому что затягивал надолго. Бледная кожа, сверкавшая уже при свете солнца, олицетворяла хрупкость тела, его грацию. Маленький, миниатюрный нос делающий вместе с таким же небольшим ротиком с пышной нижней и тонкой верхней губами удивительное разнообразие и своевольное очарование. А длинные, несобранные волосы прикрывали уши. Девушка удивленно смотрела на незнакомца и застыдилась. Юноша, продолжая стоять в оцепенении, решил что-то сказать, но его ломанный голос явно не желал показываться после столь бурного впечатления и хотел просто бездельничать. Получилось неловкое «А...», которое исчезло в шуме ветра, ворвавшегося в комнату. Они смотрели друг на друга- одна со стыдом, другой с восхищением. Так бы они продолжали лицезреть друг друга молча и неловко, если бы не...

–Джои!– крик. Цуль наконец нашел того, кого искал и схватил парня за руку.– Пошли! Ты где был? И почему ты тут стоишь?– он заглянул в комнату, где сидела удивленная

девушка, и сказал.— Извините за беспокойство.

Два парня быстро исчезли. Джои, ведомый Цулем, старался успеть за быстрым другом. Прохожие, ошеломленные быстрой парочкой, в последний момент уворачивались от прямолинейного Цуля. Они бежали, а стены здания пролетали мимо глаз юношей. И ведь кто знал, что Джои является по своей музыкальной специальности барабанщиком, да и вообще кто мог догадаться, что этот скромный и робкий молодой человек, с короткими черными волосами и пышными бровями, чей взгляд вечно уходит на отстраненные предметы, явно не желая иметь дело с любым собеседником, оказывается что-то смыслит в такой незамысловатой науке- музыка. Джои был как водянистое тесто, из которого трудно сформировать что-то с виду вкусное и привлекательное, но этот персонаж- я думаю- куда интереснее, ведь он не надоедает, не угнетает, не кричит, а смирно живет, жалуется на свою бессмысленность и никак не желает исправиться, оттого и любопытно, почему наш скучный скромняга получил такое почетное звание главного героя. Или не он главный герой вообще...

Родители Джои были самыми обыкновенными представителями среднего класса: хорошие, невзрачные, спокойные, не богатые, но и не бедствуют, имеют двухэтажный домишко в жилом районе, где все здания одинаковы: построены по планировке государства- нутро жилища зависело уже от фантазии жильцов и их предпочтений, но этой уникально-

сти не видно, за одинаковыми стенами. Родили сына без каких-либо интригующих историй. Джои рос спокойным ребенком, который, однако, в компании местных ребят легко мог стать настоящим лидером. Все было, как и полагается в детстве, беззаботно и славно. Начало школьного пути тоже никак не переменяло мальчика в ту закрытость, которая теперь таится в нем. Но что же повлияло на такие перемены?

Во всяком городишке существуют и бедные, и чистые, и промышленные, и деловые, и все-все-все районы, где люди, даже единой крови, меняются кардинально. И бывает же такое, что ребенок потерялся. А что думает он? Ему страшно, любопытно или весело? Что чувствует он, когда блуждает по незнакомым ему ранее улицам, не понимая, в каком новом мире оказался, хотя привычный ему перекресток, где узнаются каждое дерево, кустарник, дом, находится на параллельной улочке? Хочет ли и плакать или внимательно озираться по сторонам, неуверенно ступая по новому тротуару? Наш Джои мог бы ответить на все эти вопросы, если бы помнил не только тот самый важный для него момент в жизни, повлиявший на его характер более всего. Он тоже заблудился, играя с ребятами в прятки, и решил удивить всех, убежав дальше обыкновенного, ведь в условиях игры никто не ограничивал площадь территории- все основывалось на негласном кодексе материнского наставления «не убегать далеко». Все дома были одинаковы, но улицы отличались своими деталями: кое-где разбит цветник вдоль забора, кто-то

сделал навес, где-то яма поглубже, а где-то стоит лавочка, кто-то не докинул мусорный мешок, почему-то под забором валялся неизвестный мужчина и громко стонал от чего-то. Незаметно для Джои чистые улицы сменились грязными районами городка. Повсюду были слышны крики, споры, пьяные завывания и вои обедневших людей, были видны сломанные дороги, заборы, машины, разбитые стекла и бутылка, а вонь могла сравниться с любой уборной после вечера в баре, где все собрались в пятницу, чтобы торжественно с похмельем закончить это сложную неделю. Джои шел, осматривая все не то чтобы с интересом, а точнее с каким-то осознанием реальности в глазах, словно перед ним не в первый раз открывается та жизнь, которая присутствует в бодрых ночах любого поселения в национальный праздник. Он проходил мимо всех пьяных зевак, наблюдавших с любопытством за мальцом, смело шагающим по столь неблагоприятному району. То ли от вежливости, то ли от уважения, которое неожиданно охватило всех невежд, все пропускали его, пожимая плечами. Но вдруг нашего героя что-то привлекло: шум, доносящийся откуда-то спереди, скрываясь за крышами сырых домов. Столбы света взлетали в воздух, застилая звезды. Джои очаровало такое необычное явление, и он шел к уже намеченной цели, гадая по пути, что же ждет его в этом непонятном свете, откуда исходит гул людей и таинственное, очень громкое и устрашающего совместное пение. Идя по зову, он ловко перебегал улицы и перекрестки, словно не раз

бывал в этих и вовсе не заблудился, играя в прятки, а решил прогуляться в столь поздний для ребенка час. Гул становился все громче. Джои знал: скоро он увидит источник всего этого ночного безобразия, какое нарушило привычную тишину спокойного городка. Столбы света становились все выше и ярче, помимо неорганизованного ора многочисленных людей, стали проявляться какие-то грязные, шумные ноты и четкие быстрые стуки, будто кто-то барабанит по бочке в саду. До заветной тайны оставался поворот. Огромная толпа людей сгустилась рядом с большим шатром, от которого и исходил хаос, привлечший внимание мальчика. Джои смело прыгнул в толпу орущих мужиков, надеясь рассмотреть все поближе. Окружающие, как загипнотизированные дружно метали своими головами в такт громкой и страшной музыке. Так бы и пробивался юный герой сквозь джунгли темных штанов, если бы чьи-то большие, мокрые, мозолистые руки не подняли тушку ребенка вверх. Джои увидел перед собой просторную, как океан, толпу людей, так же поднявшие все свои руки вверх и громко ликовавшие, радуясь чему-то. Он устремил свой взгляд на тот самый большой шатер, захвативший разум всех вокруг, включая самого мальчика. Внутри источника безобразия стояли люди с странными штуками в руках. Один из них громко и безобразно что-то сказал на всю площадь, и публика восторженно ему ответила гулом и свистом. Снова началась страшная музыка, и все замахали руками и головами. Но Джои смотрел только на

одного инициатора шума- мужчину, окруженного разными бочками, по которым он яростно бил палочками и извлекал тот самый четкий и быстрый стук, от которого сам невольно начинаешь стучать в такт сердцем. И в память нашему герою залез именно этот барабанщик с заинтересованным лицом, готовым еще раз ударить по натянутой коже, но в глазах его виднелась печаль, вызванная то ли личными проблемами, то ли другими происшествиями, и этот взгляд мальчик запомнил надолго.

Да, именно это спонтанный, грязный, шумный рок-концерт и изменил жизнь Джои, именно барабанщик и этот грохочущий инструмент определил смысл его жизни. А ведь в соседнем квартале, под фасадом местного дома культуры выступал духовой оркестр, который ничуть не меньше повлиял бы на бедного мальчика, вот только музыка у них слишком правильная, слишком тихая...

Мальчик смотрел концерт до самого конца на руках у незнакомца, который ласково что-то сказал ему, о чем последний, разумеется, не помнит, и затем опустил ребенка на землю. Джои то ли кивнул, то ли поблагодарил доброго мужичка и ушел обратно домой. И странно еще, что он спокойно дошел до дома, словно, опять же, и не терялся вовсе, знал наизусть весь город, как каждую игрушку в шкафу. Родители тогда впервые обругали своего сына, но сильно не наказывали и отправили спать. Именно после этой истории сам Джои стал меняться. Он все больше вспоминал эту страш-

ную, безобразную музыку, этих грязных и шумных людей вокруг, это большие и мокрые руки, державшие его маленькое тело, и этого барабанщика... Чем больше Джои думал об этом, тем больше уходил в себя, его центр внимания переключился с беззаботного окружающего мира на неокрепшую детскую душу. Впервые он попросил родителей купить ему что-то (до этого он никогда ничего не просил, как-то всего ему хватало): барабаны. Родители долго думали над этой просьбой, мучая Джои: ему стоило больших усилий выдвинуть столь серьезное предложение. Благо, ему не отказали. Правда, пришлось поменять интерьер в доме, чтобы поместить габаритный музыкальный инструмент в небольшой комнате, но это все не так важно. Мальчик наконец-то смог воссоединиться с тем, что ему интересно. Он тут же приступил к обучению игре. Сначала просто бессмысленно бил по барабанам, придумывая композиции и своей юной головы, и они были настолько ужасными, что родители просто не могли вытерпеть такую какофонию. Отец решил сделать комнату более изолированной от шума, а мама помогла найти мальчику уроки в интернете. И тут все стало серьезно. Джои неожиданно глубоко погрузился в изучение этого инструмента, все реже выходил на улицу, потерял друзей, проводил целые дни в комнате. В таком юном возрасте стать затворником - это худшее детство, но данный путь выбрал сам мальчик. Родители беспокоились о социальном будущем своего сына, но видели, с каким любопытством и страстью

ребенок отдается своему делу и решили его не трогать. Однако не мог Джои вечно сидеть в четырех стенах, и школа заставляла его выходить из своего музыкального храма. Он совсем отвык от общества и никак не мог найти ту волну, с которой способен был бы выйти на контакт с такими же, как и он людьми. Ему стало тяжело. Он осознал, что на свежем воздухе его легкие сжимаются под давлением взглядов окружающих, который просто невольно оглянулись на него и что в доме ему будет просто комфортно жить. Казалось, ситуация у нашего затворника критическая, в общество выходить обязательно, однако там ему плохо, но один человек помог Джои обрести кислородный баллон под давлением приматов. Это тот самый Цуль, с которым герой этой главы бежал, став для него единственным другом.

Остановившись возле кабинета, юноши немного отдышались.

—Где тебя черт носил?— спросил Цуль.

—Я...,— начал Джои.

—Засматривался на девчонок,— продолжил паренек.

—Какие поспешные выводы,— тихо сказал барабанщик. У него всегда был тихий голос: весь шум ушел в руки с палочками.

—Будешь оправдываться потом, пошли.

Большая дверь скрипнула, обидна привлекая внимание на зашедших. Все, кто был в помещении, включая дирижера, обернулись в сторону входа. Цуль уверенно и гордо зашел,

довольный своей находкой, а Джои скромно поглядывал на всех, жутко боясь незнакомого окружения. К ним тут же подошел руководитель оркестра.

—Я уж думал: пропали мы,— облегченно сказал он, а затем обратился к нашему герою.— Добрый день,— промолвил, пожимая руку,— очень рады видеть вас...

—Джои Донтан,— сказал Цуль.

—А! Джои, приветствуем! Спасибо, что отозвались на нашу просьбу и решили помочь нам.

—Не за что...,— тихо отвечал робкий парень, смущенный таким пристальным и обходительным вниманием.

—Раз уж ударник нашелся, думаю, пора идти на распорядок номеров,— предложил дирижер, посмотрев на девушку, сидящую с домрой в руках и рассматривающую новенького. После слов мужчины она кивнула.

—Да, надо бы,— уверенно и спокойно сказала девушка. Внешность ее довольно странная: лицо не было таким уж красивым, с одного ракурса с ее пышной прической, где каждый локо имел завитушки, необыкновенный профиль ее приобретал объемный и глубокий вид, в котором таится тайное, но на дне очень просто, детское, а посмотришь с другого ракурса— черты лица становятся черствыми, бедными, а ранее пышная шевелюра небрежно становится мешающим и устрашающим элементом всего внешнего вида. Но оспаривать то, что в глазах этих есть гибкий ум, никак нельзя. Стан ее худощавый и не имеет никакой женской грации и элегант-

ности Но голос, признаться честно, привлекает своей строгостью и контролем не только себя, но и окружающих. А имя этой странной дамы Алина.

—Отлично! Тогда все желающие могут пойти вместе с нами.

Желающими оказались почти все в кабинете, кроме Джои и Цуля. Когда последняя нога переступила через порог, вмиг наступила тишина.

—Ну, что,— разрезал безмолвие бойкий голос Цуля,— покажи мне все,— он пристально посмотрел на своего друга. Джои ответил не менее вызывающим взором, не слишком присущим его характеру.— Твое место вон там,— пальцы паренька указывали на скромный уголок, где располагались все нужные инструменты народному оркестровому ударнику.

Герой подошел к наказанному месту, оценивающе рассматривая весь арсенал, который находился рядом.

—Малая, бочка, крэш... Скучно, скучно...

—Тебя это останавливает?

—Смотря, что вы играете.

—Не как?

—Как вы играете- меня не слишком волнует. Симбиоз- ваша проблема.

—Как скажешь. Посмотри, еще в коробке должны быть побрякушки,— Цуль взглядом указал на картонную коробку, в которой раньше хранилась обувь: логотип производителя выделялся.

Джои заинтересовано взглянул внутрь указанной коробки и стал по очереди доставать разные музыкальные инструменты. Первым делом на свет появился крупный деревянный ободок, с одной стороны обтянутый мембранной, какая есть на барабанах, по бокам же звучали маленькие тарелочки.

–Бубен?– спросил барабанщик.

–Все верно,– улыбнулся Цуль.

Дальше Джои вытащил странный инструмент, состоящий из деревянных пластин, связанных сверху ниткой. Их звук был похож на трель.

–Что это за агрегат?

–Трещотки.

–У вас и такое есть?

–Мы же все-таки народный оркестр.

–Какой народ хоть представляете?

–Народы восточной Европы.

–Почему именно эти народы?

–Музыка славян завлекает. Интересное и звонкое звучание их инструментов многогранно. Одна балалайка ничем не хуже скрипки, если же не лучше по функциональным возможностям. Эту музыку невозможно описать, ее нужно слушать... Да и многие в оркестре имеют корни восточных славян, так что неудивительно, что мы играем именно такую музыку.

–А почему ты здесь?– Джои спрашивал это, изучая тре-

щетки.

–Во-первых, корни. Во-вторых, меня отдали учиться играть на балалайке родители, но потом я и сам прочувствовал этот инструмент и сблизился с ним.

–И как долго ты в этом оркестре?

–Девять лет.

–Тебе не надоело?

–Ничуть.

Джои отложил трещотки и продолжил доставать новые инструменты. Следующими он достал ложки.

–Хорошо. Что это- я знаю

–Ну и отлично,– Цуль расслабленно откинулся на спинку стула.

–А где ваш бывший барабанщик?– теперь Джои звонко бил деревянным инструментом.

–Заболел прямо перед мероприятием.

–Как просто.

–Мы не детективное агентство, что расследует преступления. Члены нашего оркестра не подвергались покушениям.

–Откуда тебе знать?

–Я бы первым устроил такое покушение.

–Это точно.

Ложки теперь лежали рядом с трещотками и бубном. Далее зазвучал треугольник.

–О, мне нравится,– Джои, как маленький, стал активно бить металлической палочкой по инструменту.

—Я рад, что ты оценил,— усмехнулся Цуль.

—А это что?— герой достал коробочку с вырезом внутри. Одна грань его была неровной и состояла из многочисленных бугорков, деревянных зубцов.

—Коробочка.

—Понятно. В коробке больше ничего нет,— ударник заглянул туда.— Только какие-то сломанные инструменты.

—Тогда я тебя слушаю.— Цуль положил балалайку себе на колени.

—Дай сначала обустроить все.

Опытный барабанщик стал развешивать все нужные инструменты в понятном и удобном только ему положении. Треугольник висел справа от руки, а «крэш»— как назвал ее Джои- или тарелки на обыкновенном языке здешних оркестрантов, поставил так, что они находились на расстоянии чуть согнутой левой руки. Малый барабан расположился по центру, теснясь с бочкой чуть правее. Джои поставил еще один стул слева от себя, чтобы положить на него народные инструменты. Как-то так выглядело это все. После минуты прицеливания палочками, наконец, Джои начал играть.

Первые звуки оказались пробными, чтобы удостовериться в правильном расположении барабанной установки, оттого они такие небрежные, бессмысленные и режущие уши. Затем уже пошли трели: Джои начал часто бить по всему, что есть вокруг. Стуки кажутся нам одинаковыми: глухими, точными и громкими- мы не задумываемся о нотах стука. Да,

это не клавишные или струнные, которым необходима нотная грамотность. Но барабаны- это тоже мелодия. В зависимости от того, по чему ты будешь барабанить, звучание окажется различным. Стук об стол различается от стука по ковру, потому что поверхности разные, а, следовательно, и ноты. Так же и с барабанами. Они настолько простые, но тонкие в своем звучании, что играть на этом инструменте- целое познание такого понятия «звук» в естественной его среде. Джои не просто стучал по разным музыкальным инструментам, он играл мелодию. Сначала это слышалось обыкновенно, но стоило барабанщику найти ту волну, на которой слушатель может чувствовать то, что чувствует музыкант, и ухватиться, поймать ее, как обычное «трам-па-ра-ра-рам» превращается в свою симфонию, понятную тем, кто настроился тоже на эту частоту. Игра Джои зацепила Цуля. Белобрысый юноша дождался того, чего ожидал от своего друга. Душевной игры. Он потихоньку сам стал подыгрывать на балалайке, но делал это так осторожно, словно боялся напугать дикого зверя на охоте. И пока я предлагаю оставить молодых музыкантов чувствовать свою игру и немного зациклиться на другом.

Вы уже знаете, что Цуль стал единственным человеком, кто подружился с Джои. Возможно, для кого-то такая дружба банальная, неинтересная, для кого-то желанная, но нельзя осуждать чужие взаимоотношения, если они никак не касаются вас. Судьба свела этих двух юношей случайно: они ста-

ли одноклассниками. Сначала никто ни на кого не обращал внимания ввиду полной противоположности их характеров: Джои замкнутый и скромный, а Цуль общительный, энергичный, обаятельный. Продолжавшиеся беззаботное детство второго и ранние взрослые чувства первого, которые привели носителя в задумчивого одиночку. Они никак не могли пересечься. Но Цуль стал настолько обширной душой компании, что уже не мог не игнорировать закрытый нрав Джои и решил начать с ним общаться, а дальше сквозь постоянные преграды, холмы, противоречия и ссоры им все же создать общий язык и сдружиться. Помимо полной противоположности, у них были свои тараканы в голове. О тараканах Джои мы уже знаем: преданность барабанам, раннее взросление и закрытость, однако у нашего белобрысого паренька куда более глубокие ямы души, которые никак не обнаружить даже при тесном сближении. Он куда больше бедный ребенок с очень непростым характером.

Когда начинает разрушаться жизнь? С детства. В юном возрасте труднее всего определить вектор дальнейшего пути новорожденного человека, потому что при появлении на свет направление бесконечное количество. «Дети- зеркало родителей», – и это подтверждает влияние воспитания на будущее ребенка. Чем хуже воспитание, тем хуже будет жизнь младенца. И наш Цуль изначально был лишен должного родительского внимания: его родители- типичные пьяницы- уже в пятилетнем возрасте отдали его в детский дом, посчи-

тав сына «ошибкой, о которой стоит забыть». Первые годы его жизни были похожи на постоянное неосознанное переживание пытки угнетения самооценки. Разумеется, ранний ад вывел Цуля с счастливого пути- его состав слез с рельс и по инерции пошел вглубь леса, не успев толком пристыковаться с вагонами опыта, которые удержали бы его от ужасного социального и жизненного падения. Удача улыбнулась позже: мальчика усыновили после месяца в детском доме, где белокурый ребенок впервые увидел таких же, как он ребят: биологические падальщики никогда не выпускали сына из дому, сжигая его в своем негативе и злобе. Однако первая встреча со сверстниками была отголоском прошедших кругов ада. Все гнобили Цуля за цвет волос, эти глупые мальцы считали новенького каким-то неестественным, не таким как они. «Лучше бы ты не родился», – порой малыши могут подбирать слова настолько ужасные и смертельные, что самый язвительный урод будет унижен и обижен, однако от внутренней смерти Цуля спасала непонимание сказанных угнетателями слов. Он просто не мог осознать всех чувств, заложенных в многочисленных проклятиях.

Я искренне благодарен тому, кто сидит свыше, благодарен судьбе, благодарен всем тем, кто соединил Цуля с новыми родителями. Отчим был музыкантом, успешно играющим на скрипке, а мачеха- конструктор легковых автомобилей, и оба этих человека являются самыми чудесными и прекрасными на этом свете. Они, взяв бедного мальчика под свое крыло,

сразу стали ухаживать за ним и перевоспитывать его, меняя мировоззрение ребенка, почти утонувшего в непонимании, ужасе и отчаянии. Маленький Цуль так удивлялся всем ласкам и заботам вокруг себя, что полностью отрицал их, новых родителей и наступившую хорошую жизнь с потерянным детством. Новые попечители спокойно терпели все выходки, недовольства и отрицания своего пасынка, зная об ужасном прошлом его и с улыбкой следи за ним и его изменениями. Отчим сразу отдал любимого мальчика в местную школу искусства играть на балалайке (скрипок не хватало на всех учеников, а желающих на балалайке было слишком мало, поэтому ребенка и отдали на это направление), а мачеха позаботилась о школе. Все отвергал Цуль, мучительно избавляясь от гнилой кожуры, подоженной всемирным негативом к нему, но наконец, лист обелился, слезы горя и ужаса испарились, оставив место грезам счастья, а в глазах постепенно стало появляться Солнце. Аккуратно и тщательно беловолосый юноша стал контактировать с обществом, и так ему это понравилось, что из мальчика вышел тот самый бодрый и веселый, с каким мы и познакомились, Цуль. Но в белом листе остались черных порезы. Прошрое и быстрое взросление сыграли свою роль в этой бедной душе. Цуль с ранних лет стал осмысливать жизнь, имея на это свои окрепшие не по годам, но юный по опыту взгляды. Он видел спасение «хорошего» общества в истреблении «плохого», но понимал, что нужно начать с малого: поменять свое окружение, которому

он собирался навязывать свои идеи. И тут перед юношей, который решил примерить эту маску правосудия и истины, возникла первая проблема в его амбициозном плане: поиск тех самых «плохих» и «хороших». Цуль знал, что душа человека куда сложнее, чем кажется на первый взгляд, но ведь он имеет дело с детьми. А дети настолько невинные, что колодезь в их сердца еще не образовалось, так что оставалось просто сдружиться со всеми (что было непросто, но куда проще, чем со взрослыми) и начинать обучать своих последователей. Похоже на совсем уж недетские игры. Среди детей, только-только вступивших в стадию подростков, уже было видна их принадлежность к «плохому» обществу, и Цуль собирался как можно скорее исправлять его. Но вот как исправлять тут уже не узнаем не я, не мы, никто, кроме самого проповедника, который, возможно, имел даже планы кого-нибудь убить, однако никаких жертв не было и вряд ли будет, потому что судьба свела беловолосого злодея с Джои. Мы знаем, они нашли общий язык, сдружились, но главный герой был до того сложным человеком, что Цулю было очень сложно определить, что же скрывается за этим робким скромнягой. Долго метался проповедник между определением данной личности к лику святых или к темным силам. И в один из дней Цуль решил посетить дом Джои, чтобы окончательно решить, куда же деть этого непонятного одноклассника и что с ним делать дальше. Зайдя в комнату своего товарища, Цуль увидел барабаны и почему-то очень удивился, что у такого

тихого парня, такой громкий инструмент, который никак не сочетался с его видом и уж тем более с характером. Тогда беловолосый паренек уже пять лет отучился в музыкальной школе, куда его пристроил отчим, успел проникся музыкой, уважал всех музыкантов, потому что сумел по-настоящему полюбить этот вид искусства и научился чувствовать звуки. Он попросил Джои сыграть на барабанах. Слушая быстрые удары палочек, имеющие свои отличительные тембры и звучания, Цуль был поражен, что бездушный стук способен задеть чувства, и ему открылись новые виды на музыку. Товарищ скромняги понял, что он ошибся в Джои и мог так же допустить такую же оплошность при оценивании других, несправедливо занеся их в черный список. Наш беловолосый товарищ осознал, что хорошее есть в плохом и его прежнее мировоззрение было категорически ложным и необоснованным, подкрепленным неопытными травмами детства, а еще он дивился, что мелодия стука способна так менять человека и вдохновился своим новым настоящим другом. Цуль снова поменялся, став таким, каким мы его видим сейчас, осторожно подыгрывающим своему товарищу-барабанщику, которому бесконечно благодарен за открытые глаза и которые ничего об этом не знают.

Они прекратили игру. Джои краем глаза увидел локоны длинных волос, убегающих прочь, но не придал этому особого значения и аккуратно положил палочки на мембрану. Цуль облегченно выдохнул и тоже оставил в покое свой ин-

струмент, став с места и потянувшись.

– Да, ты не растерял чувства ритма, – расслабленно и с каким-то душевным удовольствием сказал балалаечник.

– Оно уже сроднилось со мной, – усмехнулся Джои.

– Точно.

Послышались быстрые топота, и в комнату ввалились все, кто уходил услышать распорядок выступлений.

– Ну что? – поинтересовался Цуль.

– Девятые, – ответил дирижер, зашедший самый последний. – У нас есть время отрепетировать, так что все по своим местам!

Ребята стали усаживаться за свои инструменты. Андрей важно подошел к Джои, неся пульт и папку с нотами. Он поставил все за малым барабаном и негромко стал объяснять нашему герою:

– В основном партии не такие сложные. Открой, пожалуйста, «Интермеццо» в самом конце.

Джои взял с пюпитра папку, на которой черным маркером было написано: «Ударные». Листы страниц были засунуты в небольшие файлы и с надписями, на которых вместо привычных нот были изображены какие-то крестики, точки и другие знаки, более понятные музыканту, не знающему теорию. Вот появилось то самое «Интермеццо». Партии были написаны ручкой.

– Ты понимаешь, что здесь написано? – поинтересовался дирижер.

–Ну...да...– скромно ответил Джои.

–Хорошо, я покажу тебе, когда играть. Я пока проведу настройку, а ты разберись в своих партиях, пожалуйста.

–Да, хорошо.

Дирижер отошел, а Джои погрузился в изучение крестиков, палочек, точек и смысла этих клякс. Пока наш герой упорно и трудолюбиво разбирался в нотах, впереди слышались поочередные звуки струнных инструментов, которые немного смешно от непривычного тона поднимались по ступенькам полутонов и останавливались на той ноте, которая оказывалась знакомой и привычной в своем звучании. Слегка уйдешь выше нужную тональность, ниже- то же самое. Это дело абсолютного слуха, где главным является опыт.

–Итак,– Андрей поднял дирижерскую палочку вверх,– открываем „Интермеццо“,– зазвучали перелистывания страниц.

–А разве мы не «Полноте, ребята!» будем играть?– спросил кто-то из оркестра.

–Нам сказали исполнить одно произведение, а «Полноте, ребята!» у нас получается как «цыганочка» какая-то, поэтому приготовились!– все опустили свои инструменты в готовое положение, пристально смотря на палочку.

Взмах. Джои стал отбивать ритм, но у него не получилось с первого раза, зато со следующего, когда Цуль играл свою партию с нужным темпом, барабанщик подстроился под общую игру. Там-там-там-там... Та-та-та... Довольно простой.

Произведение было крайне интересным, а кульминация его заставляла дрожать от яркой игры всего оркестра. Новые член коллектива внимательно следил за действиями и знаками, готовый в нужный момент сыграть свою часть. И у него, пускай немного неточно, но довольно похвально выходило. Признаюсь, герой наш талантливый музыкант, но он сам об этом не знает.

Финальные три ноты, последняя из которых кончила «Интермеццо», прозвучали тихо, замечательно. Дирижер опустил руки и воскликнул:

–А теперь на сцену!

Сразу началась суета и шум: оркестр брал свои инструменты, стулья, пульта, нота и покидал кабинет, создавая неорганизованную толпу. Вот последний человек, словно песчинка в песочных часах, исчез в дверном проеме, а Джои только собрал все трещотки, коробочки, бубны в коробку и грустно вздохнул, ведь все это ударное доброе нужно было перенести только ему одному. Взяв малый барабан, наш музыкант уже приготовился к долгим и тяжелым походам туда-сюда с инструментами в руках, как вдруг в комнату вбежал Цуль.

–Андрей, Миша, возьмите тарелку и бочку, я заберу коробку!– вместе с беловолосым другом в комнату вбежали два стройных паренька и мигом унесли нужные инструменты. Цуль подхватил коробку и сказал:

–Пошли, я покажу тебе, где сцена.

И они пошли. Джои был невероятно счастлив, что ему не придется носить всю установку самому, и благодарил своего лучшего товарища за такую прекрасную и ценную услугу. Он старался успеть за шустрым балалаечником, сворачивая и следуя за ним по коридорам, один из которых упирался в открытую дверь, куда и повел главного героя Цуль. Небольшая лестница, сворачивавшая влево- и друзья оказались за кулисами огромной сцены, освещенной яркими прожекторами, на которой танцевали хореографы, громко топая ногами и активно бегая от шторы до шторы. Джои сразу был опьянен местом, где оказался. Когда ты смотришь выступление из зала, ты видишь обложку, но стоит заглянуть за кулисы, то все меняется кардинально: радостные лица на сцене меняются тревожными взглядами, уверенные движения нервной тряской. Такие разные, но все же единые места. Уже готовился новый номер: хор девушек стоял и ждал выхода. Прекрасные девицы были одеты в одни и те же бархатные платья, которые в самом низу превращались в полупрозрачную дымку. Они нервничали, постоянно двигались, шепотом разговаривали и не могли остановить свой взгляд на чем-то конкретном. Они не сидели в креслах, стоящих вдоль стен за главной кулисой, а ждали выхода. Джои смотрел на них, и ему передавалась та тревога, какая бывает перед шагом на всеобщее обозрение и на растерзание оценке зрителей твоих талантов. Впереди столпились ребята из оркестра, разбирающие стулья. Герой с другом подошли и поставили инстру-

менты рядом с уже прибывшими тарелкой и бочкой. Противный холод в руках усугублял резкое понижение уверенности ударника. Цуль, видя нервозность своего друга, положил ему руку на плечо и сказал:

—Все будет нормально. Это не расстрел, так что успокойся и посмотри выступление остальных за кулисами, а сам сосредоточься.

Джои так и сделал. Сев на лавочку, стоявшую еще вдоль стены, наш герой смотрел на концовку выступления танцоров и посматривал на волнение девушек. Его мысли были хаотичными и невнятными. Он думал то о том, то о другом, но не за что было сознанию зацепиться. Беспорядок в голове убрали аплодисменты и уход хореографов со сцены.

Наступила очередь певиц. Ровными колоннами с двух сторон, они выходили из-за кулис, похожие на пух, плывущий рядами по небольшому пруду где-то в глубине небольшой рощи, разрезанной речушкой, устилающей берег камнями и песком. Три ряда юных девиц выстроились по росту: от самых низких к высоким. И вдруг на сцену со стулом и гитарой в руках вышла та самая девушка, сидевшая в небольшом помещении и певшая приоткрытому окну, которую увидел Джои и, вновь узнав знакомую незнакомку, обомлел. Его глаза непривычно жадно запоминали очертания ее стана, а руки дрожали и предательски потели от еще большего переживания, совмещенного с нервами будущего выступления. Сердцебиение разрывало грудь и шею, а уши не слышали ни-

какого шума, который творился за сценой ввиду обильного шепота будущих выступающих. Мурашки злобной щекоткой, словно волны, набирали силу в руках и уходили в ноги, мешая нашему герою усидеться на вмиг ставшей неудобной скамейке. От переживаний, мыслей и чувств барабанщика спас громкий звук стука ножки стула о пол. Девушка села и положила на свои колени гитару, настроив стойку с микрофоном.

–Хор «Девы» представят адаптация песню рок-группы Ra... Radio... Radiohead Cree... «Creep»,– по всему залу прокатился монотонных голос одного из членов жюри, который в сторону прибавил, забыв выключить микрофон.– Ну и названия...

Затишье. Девушка поправила что-то на гитаре, обернулась к хору, кивнув головой о готовности к началу выступления, затем вернулась в прежнее положение, зажала нужный аккорд и начала играть. Небольшой и тихое гитарное вступление- хор запел:

When you were here before

(Я утопаю)

Couldn't look you in the eyes

(В этих глаза)

You're just like an angel

(Ведь ты словно ангел)

Your skin makes me cry

(На небесах)

You float like a feather
(Ты просто порхаешь)
In a beautiful a world
(Где-то там надо мной)
And I wish I was special
(И все напрасно)
You're so fuckin' special
(Ты слишком прекрасна)

But I'm creep. I'm weirdo
(А я лишь пыль, если честно)
What the hell I'm doing here?
(Боже, что я здесь забыл?)
I don't belong here
(Мне здесь не место)

I don't care if it hurts
(Я хочу измениться)
I want to have control
(Стать сильной душой)
I want perfect body
(И красивое тело)
I want a perfect soul
(Чтоб быть рядом с тобой)
I want you to notice
(Что бы ты замечала)

When I'm not around
(Что меня рядом нет)
You're so fuckin' special
(И все напрасно)
I wish I was special
(Ты слишком прекрасна)

But I'm creep. I'm weirdo
(А я лишь пыль, если честно)
What the hell I'm doing here?
(Боже, что я здесь забыл?)
I don't belong here
(Мне здесь не место)

Все эти строки хор пел так спокойно, волшебно и нежно, что невольно окутываешься в это пение, укрываясь мягкими и высокими нотами, которые идеально и слаженно брали все певицы. Казалось, большего ждать не придется, но хор удивил еще больше:

She's running out again
(И вновь она поет)
She's running out
(И исчезает)
Run, run, run, run
(Прочь, прочь, прочь, прочь)

Такие высокие и протяжные ноты были исполнены громко и ярко, а потом затишье. Петь начала девушка с гитарой, легонько и не менее красиво. Джои не спускал с нее взгляда и еще больше восхитился поразительной незнакомой.

Whatever makes you happy

(Но это неважно)

Whatever you want

(Что манит тебя)

You're so fuckin' special

(Ты слишком прекрасна)

I wish I was special

(И все напрасно)

But I'm creep. I'm weirdo

(А я лишь пыль, если честно)

What the hell I'm doing here?

(Боже, что я здесь забыл?)

I don't belong here

(Мне здесь не место)

I don't belong here...

(Мне здесь не место...)

Конец. Девушка встала и поклонилась. С зала слышались редкие хлопки зрителей. Тихо, молча, незаметно, хор спорхнул со сцены, многие певицы со слезами грусти и пе-

чали шли за кулисы. Джои не прекращал смотреть на стул, который остался на сцене и который вскоре убрали, но он продолжал настойчиво смотреть в одну точку. Из далекого состояния нашего героя вывел Цуль щелчками пальцев перед носом:

– Не спи. Наш выход. Готов?

Джои вздрогнул, отвлеченный от чувственной задумчивости, и как-то боязливо посмотрел на Цуля. После опознание своего лучшего друга нервно вздохнул.

– Да, – тихо ответил барабанщик.

– Точно? – ухмыльнулся беловолосый парень.

– Наверно, – робко сказал наш герой.

– В любом случае, – Цуль положил руку на плечо Джои, – этот конкурс – проверка наших сил, а ты вообще гость, приглашенный в последний момент, так что успокойся и не переживай. Все будет хорошо.

– Надеюсь...

– Пошли, – товарищ пошел к своему инструменту, чтобы вместе со стулом и пультом с папкой выйти на сцену.

Джои встал. Многие уже расставили стулья, пюпитры с нотами и инструменты на сцене, выход оркестра был не таким грациозным, как хора, однако и размах у музыкантов больше. Наш барабанщик посмотрел на весь свой инвентарь и решил начать с бочки. Взяв ее, он пошел на сцену, от которой его отделяли несколько шагов. На встречу Джои бежали несколько ребят, они прихватили оставшиеся инструменты и

так же быстро поставили все на пол. Герой посмотрел на эту беготню, и в груди у него что-то сжалось от огромного давления, появившегося именно в этот момент. Руки дрожали. Колени подкосились, дыхание участилось, сердце снова било все тело изнутри, холодные капли пота непослушно падали на одежду. Сделав волнующий вдох и выдох, Джои вышел из-за кулис, ослепленный многочисленным и разноцветным светом. На деревянном полу, покрытом сверху серым лаком, было холодно. Здесь бушевал свой особенной сквозняк, морозящий выступающих. Зала не было видно, словно больше ничего не существует, кроме этой сцены, ничего, кроме этих людей, вышедших из-за кулис, за которыми существует тот привычный мир, но на сцене... его нет. Джои обходил всех сидящих, волнуяюще смотрящих на барабанщика. Он поставил бочку, сел на уже поставленный стул и стал щериться в уже приготовленные ноты. Паника. Паника охватывала несчастного новичка, впервые очутившегося на холодном полу пред границей мира, за которой пустота. В голове бардак. Ноты расплывались перед глазами, погружившись под жидкость непонятого происхождения. Дрожащие руки взяли палочки, растерянные глаза посмотрели на дирижера, стоявшего прямо на границе конца реальности. Андрей поднял руки. Все приготовились. Сейчас оркестр будет играть свою музыку для никого.

Взмах. Игра началась с четкого вступления Джои. Руки его дрожали, но по уже выработанной технике не подводи-

ли своего хозяина. Ноты расплывались перед глаза еще из-за яркого света прожекторов. Остальные инструменты вступили вслед за ударными. В голове нашего героя стали кружиться разные мысли, мешающие к полному сосредоточению: «Какой темный зал... Что же там дальше в партии? Точно ли у меня есть ноты? Как странно, что я здесь, хотя час назад был дома. Руки дрожат. Успокойтесь! Спокойно! Ты отыграешь этот номер и уйдешь, забыв обо всем...»

Вдруг Джои вспомнил незнакомку. Невозможно забыть ее черты... Ее пение убрала окружающую музыку на второй план. Он потерялся. Не слышит мелодии, только ее голос, и руки начинают подыгрывать не тому. Джои замечал раздраженные взгляды музыкантов, они были чем-то недовольны. Он понял, чем... Но он не мог прекратить играть, слышать ее пение, слышать то, что он слушал обычно, не мог убрать какофонию в своих ушах, закрыть их. Шум не отпускал его, яркий свет не отпускал его, незнакомка не отпускала его... Руки Джои не останавливались, он взглядом осматривался в поисках хоть какой-нибудь помощи, но встречал лишь злобные, раздраженные, печальные глаза своих коллег.

Вдруг он встретился с растерянным Цулем, который продолжал играть, но опечаленно и непонимающе смотрел на своего друга. Шум в голове Джои только усилился, подпитываемый стыдом и страхом. Он не мог смотреть на грустное лицо своего лучшего друга и продолжил осматриваться. Тяжелый, строгий, угрожающий взгляд Андрея полностью сло-

мил Джои, и он прекратил играть. Руки, наконец, остановились творить хаос, а голос незнакомки стих, оставив нашего героя в несправедливом и жестоком одиночестве. Шум предательски исчез. Осталась лишь играть оркестра, продолжавшего пытаться скрасить выступление концовкой, но без барабанов все было пусто...

Как только прозвучал последний аккорд, Джои встал и убежал. Убежал со сцены, убежал от границы перед пустотой зрительского зала, который его не принял, убежал от тех взглядов, которые он предал, убежал от шума в ушах, убежал от ее голоса, убежал от барабанов. Коридоры пытались остановить его, но внезапно открывающиеся двери слишком коротки, чтобы дотянутся, а поворот предсказуемы, чтобы загнать героя в угол. Вновь удивленные глаза ловили лишь бегущий силуэт, а слезы незаметно падали на пол, и кто подумает, что это слеза, а не какая-нибудь вода, случайно пришедшая из приоткрытой бутылки неаккуратного человека. Кто поймет незнакомца, если он сам для себя является незнакомцем?

Предательский, быстрый топот бегущих туфель привлекал лишнее внимание к горю несчастного. Джои хотел исчезнуть из этого мира, появившись в спокойном рае, где его слезы обретут смысл, ведь их никто не будет сдерживать от стыда, страха и одиночества. Конечно, все это преувеличение чувств, но как же оно мучительно.

Быстро забежав в кабинет и взяв свои вещи, наш герой

быстро помчался прочь от этого здания, где он ощутил что-то новое, которое всегда хотелось почувствовать ему, но странные стуки, ставшие подло нервными, все испортили, омрачив первый опыт игры на сцене. Позади слышались топота догоняющих ребят, поэтому Джои ускорился, надеясь, наконец, выбраться отсюда. Многие коридоры были уже позади, кабинеты остались неизученными, а прохожие так и не удостоились скромного и разочарованного взгляда паренька, стремительно искавшего свободы. Джои бежал к парадной двери, большой и стеклянной, минуя колонны, преданно сдерживающие тяжесть всего здания на себе и оберегающие просторный вестибюль, красивый и мраморный. П слышалось прощальное закрытие двери. Теплый ветерок шевелил еще голые ветки. Небо было ясным, и лишь небольшие облака выстраивали свой рельеф на небосклоне, постоянно меняющийся и уникальный. Солнце слепило всех, кто решил насладиться голубым чудотворцем, оставляя слегка вытянутые тени на Земле. Расстегнутый пиджак Джои вдруг с кем-то столкнулся. Слезы мешали видеть что-либо, и наш герой упал на теплый асфальт. Протерев свои глаза, расстроенный юноша еще больше застыдился и виновато посмотрел на свою жертву. Обомлел. Напротив него так же сидела та самая незнакомка, причина суеты его мыслей и души. Она была все в том же платье, обтянутом в области талии ремешком. Ее лицо удивленно смотрело на героя, и какое же оно было красивое. А глаза... Они темные, словно самое черное

в мире, и глубокие, будто в них и есть весь этот мир. Девушка смотрела этими прекрасными глазами на неуклюжего юношу и спросила:

–Ты тот барабанщик из оркестра?

–Д... да,– скромно и стыдливо ответил Джои.

–ты видел мою репетицию в комнате?

–Да...

–Ты так прекрасно играешь!– незнакомка приблизилась к сидящему на асфальте Джои.– Твоя игра- это настолько удивительно и прекрасно! Жаль я не смогла посмотреть твоё выступление с оркестром. Уверена: ты был великолепен!

Джои опустил голову.

–Как тебя зовут?– неожиданно спросила девушка.

–Джои...– тихо промолвил герой.

–А меня Лиу!– она протянула руку. Джои скромно ее пожал. Ручка девушки было очень мягкой и нежной.

Постепенно взгляды прохожих, смотрящих на странную сидящую парочку, стали давить на их совесть. Они встали и отошли от места падения.

–Ты не хочешь играть вместе со мной?– спросила Лиу.

–Что?– Джои впервые слышал такие предложения, которые поразили его своей спонтанностью, легкостью и неожиданностью.

–Ты будешь играть со мной?– спокойно повторила вопрос девушка.

–Во что?

—Ну, я буду с гитарой петь, а ты на барабанах подыгрывать.

—Не знаю,— ошеломленный Джои не понимал: почему этот день такой насыщенный.

—Твой оркестр не будет против, что я тебя заберу?

—А...,— Джои засмутился от такого вопроса и отошел на пару шагов от девушки.

—Я имею в виду, что мы создадим свой дуэт.

—А,— спокойно выдохнул юноша.— Не знаю...

—Где ты учишься?

—Ну,— Джои назвал учреждение.

—Понятно. Это будет далековато от моей школы,— она задумалась, а затем спросила, озаренная идеей.

—А ты ходишь в школу искусств или в дом культуры?

—Никуда не хожу...

—Как так?— не понимала девушка.

—Я дома играю на барабанах.

—А оркестр?

—Они меня позвали выступить вместо другого, он заболел.

—О! Так ты свободен! Чудесно! Тогда будем собираться в музыкальной школе. Ты не против?

—Я...,— Джои хотел отказать, но был слишком робок, чтобы что-либо ответить.

—Дай свой номер телефона.

—Зачем?— сейчас бедный юноша был не человеком, а пустой доской для резки овощей, где вместо еды на нем режут

постоянные вопросы, разговоры, диалоги и долбят по голове, а он не понимает и просто принимает все, как есть.

–Как зачем? А связываться мы как будем?

–Ну... да...

Джои с трудом промямлил цифры своего телефонного номера, уже не осознавая, кто он, где он, что это такое и почему вокруг него все двигается.

–Отлично!– Лиу улыбнулась и стала смотреть куда-то за спину герою.– Я позвоню тебе, и ты подойдешь к музыкальной школе, хорошо? А сейчас мне надо бежать. Удачи!

Девушка, звеня каблуками, побежала на встречу тем самым певицам из хора, которые были одеты уже в свою будничную одежду и радостно звали Лиу.

Джои лишь тупо смотрел им вслед. Чувства тревоги, стыда и страха не исчезли, они разбавились чем-то теплым, светлым, странным, так еще сверху засыпаны быстрым развитием всего происходящего. Спокойная, размеренная, одинокая и однообразная жизнь этого тихого паренька в одно мгновение стала насыщенной, полной юности и чувств. Ему было это незнакомо.

«Лиу, какая ты удивительная»,– думал герой и был не прав, ведь она самая обыкновенная, такая же тихая и робкая, но под действием сцены, выступления, успеха, всеобщей радости и успеха опьянела и стала куда эмоциональнее и открытой, что нередко случается с каждым, кто выйдет из-за кулис, станет на границу между реальностью и пустотой и

раскроет свои чувства перед незнакомыми существами, равнодушными к душе чужого, заставив их обратить внимание на свою маленькую натуру, находящуюся одну перед гранью всего.

Дул, на удивление, теплый мартовский ветер, полностью растопивший все отголоски зимы. Солнце нагревало землю, делая первый месяц весны еще более теплым. На некоторых голых ветках деревьев уже виднелись ярко-зеленые почки. Джои продолжал смотреть в одну и ту же точку, где уже не было Лиу. Вздохнув, герой повернулся и медленно пошел домой, надеясь, что больше никогда не вернутся в это здание, где он вновь ощутил жизнь.

Этот год будет необычайно насыщенным.

II

Ничего далее не произошло. Проснувшись на следующие день, Лиу вспомнила Джои, и ее охватил стыд. Как она, такая скромная и робкая девушка, смогла сказать незнакомому парню такие распутные слова? Лиу понимала, что раз уж сказано, то надо выполнять: взять телефон, позвонить ему, пригласить в школу искусств и порепетировать. Но хочет ли она этого? Хочет она работать с тем, кого никогда не видела прежде? Разумеется, нет, но надо же было сказать, что она отказывается от своих слов, извиняется и прощается навсегда. И снова этот чертов телефон. В списке его номер поме-

чен обыкновенным именем «Джой». И вот нажать на кнопку вызова она не могла целых два месяца до мая, все время вспоминая этого паренька и начиная его ненавидеть. У нее появилась какая-то заноза в душе, и про это она не могла рассказать своей подруге Марго, до этого ведавшей ей все свои переживания, однако не все способен рассказать человек, находящийся под пытками внутреннего давления. Лиу всегда было тяжело откровенничать с ней, потому что в детстве она потеряла отца, а нагружать ее еще своими проблемами было мучительно для нее самой. И вот девушка была в муках целых два месяца из-за своей робости и неуверенности нажать на одну кнопку телефона. Но ведь с ней всегда такое было.

Лиу родилась в семье, которая переехала в этот маленький городок еще до ее рождения. Отец и мать ничем не отличались, был примерными гражданами и хорошими работниками. Когда героиня появилась на свет, это стало настоящим праздником, ведь первенец- истинное чудо. Детство девочка проводила беззаботно и спокойно, как и подобает обыкновенному ребенку. Друзья у нее были, но чем старше становилась Лиу, тем больше ее товарищи уходили своими жизненными путями, в которых не было ее ввиду неприметности, обыкновенности и предсказуемости. Это повлияло на нее: она была сообразительной и поняла, что все временно, что нет ничего вечного. Такая философская истина была дана юной голове, возвышая ее детское сознание на ступень выше

в моральном развитии по сравнению со сверстниками, что отдаляло девочку от остальных, потому что, как это бывает со всеми гениями в этом городе, они становятся изгоями из-за своей уникальности или скрытого морального превосходства: обычные просто не хотят признавать и понимать таланты других, они любят общительных, открытых и добрых, потому что в таких добряков любят за их открытость, доброту, отсутствие секретов, тайн и потаенных смыслов. Когда твой социальный статус становится изгоем общества, ты сразу отчисляешься от уроков социального взаимодействия, а значит, приобрести этот необходимый навык - осознание потребности общества, его темные стороны и корни - у тебя нет возможности, и ты тонешь в этом безжалостном шторме социального непонимания. Но как это так: обычная жизнь, но не обычная девушка - значит, совсем необычная жизнь была у девочки, ведь так? Смотря что вы ставите за ноль в системе жизни под названием «нормально»: для кого-то постоянные поездки и суэта - это нормально, для кого-то постоянное лежание на диване - это нормально, а вот жизнь Лиу удовлетворяла двум этим системам отсчета «нормально», поэтому я так и описал минувшие года девушки. Если вы спросите насчет Джои или Цуля, то я, думаю, там можно увидеть точки или целые отрезки, не входящие в эту среднюю прямую, которую удовлетворяла жизнь Лиу, и изменившие жизни двух людей в этом городке.

Вернемся же к жизни Лиу. В школе все было, опять же,

нормально. Однако учителя видели в девочке эту часть зрелости и между собой восхищались философскими мыслями ребенка, оказывая свою симпатию к ней в виде бережного, но тщательного обучения. Лиу росла умной девочкой, одинокой, но особой страсти к учебе она не испытывала, просто не хотела разочаровывать людей, как это всегда делают обычные дети, уважающие взрослых. Весь ее настоящий интерес был прикован к музыке, который зародился от простого просмотра по телевизору выступления симфонического оркестра. Она восхитилась им. Родители, внимательные и любящие, записали своего ребенка в местный кружок пения, а дочка с радостью ходила туда, признаваясь в любви отцу и матери каждый день. Преподавательница была доброй женщиной, но довольно строгой к пению. Так во время обучения выяснилось, что таланта у Лиу к пению нет, по словам учителя. Ей сложно давались мелодичные песни с быстрой сменой характера и даже монотонные партии, где нужно петь только одну ноту. Она просто не понимала, как нужно правильно петь и постоянно попадала под всеобщую критику не только учителя, но и у своих подруг, кроме Марго, эта девочка постоянно сочувствовала героине, так что впоследствии они подружились. В качестве платы за такую несправедливость, у Лиу случайно открылся дар к игре на музыкальных инструментах: она быстро выучила нотную грамоту и смогла отобразить всю теорию на игре на гитаре. Девушка сразу стала главным аккомпаниатором хора и обрела свою роль в

коллективе, чему была очень рада.

Странно, но получить ту общественную роль, которую желаешь не так-то просто, как кажется это на первый взгляд. Нельзя просто захотеть и быть им, быть движимым одной мечтой и мыслью о своем персонаже в этом. Как бы это при- скорбно не звучало, но надо трудиться, хотя не хочется. Лиу тоже трудилась. Трудилась бороться с обыденностью, кото- рая сулила ей обычной жизнью, она сама построила свой фундамент на постижение таких звезд, какие до этого ни од- но поколение видело по телевизору, читало в газетах, слы- шало от других. Девушка нашла свою роль- музыкант, и что же она чувствовала во время своего становления? Все. Сов- пало многое: перемены внешнего окружения, перемены фи- зиологии, перемены в душе- сплошные перемены полностью поменяли привычный ход жизни обыкновенного человека, живущего в центре, наверно, самого нормального. Лиу стала взрослой. А вместе с годами подошло осознание и понима- ние каждого момента дня. Девушка благодаря гитаре поти- хоньку научилась петь, сама того не замечая. Никто не знал об этом, пока Марго случайно, как Джои, не услышала ти- хое пение девицы, специально пришедшей заранее на вы- ступление. Такое внезапное разоблачение секрета укрепило их дружбу, а потом и весь хор об этом узнал, потому что не каждая подруга молчалива и способна хранить тайны. Без- условно, Лиу злилась на Марго, но все равно простила. Затем и вовсе наступило выступление в доме культуры, где героини-

не впервые доверили партию певицы, завершающей песню. Она волновалась, долго репетировала одна, пока остальные участницы хора были заняты своими делами вне кабинета. Во время одной репетиции Джои и встретил ее. И влюбился. Да, влюбился спонтанно и наивно, но сердцу не прикажешь, да и юноша этого не понял. А Лиу только удивленно смотрела на незнакомца, да начала переживать сильнее, за кулисами чуть в обморок не упала, но села, сыграла, спела и справилась. А дальше окрыленная успехом наткнулась на нашего героя. Ну, дальше вы все знаете. В общем, для Лиу этот день не был столь знаменателен, как для Джои, потому что особых перемен в переустройстве морального мира не произошло. А вот после уже девушка, словно после похмелья, очнулась из забвения и на нее накатились все чувства и переживания. Джои же вспоминал месяц свою новую знакомку, которая так и не звонила ему, печалая и огорчая его, а потом смирился со всем и забыл о ней, погруженный повседневной своей жизнью.

Такие вот мужчины, имеющие куда больше сторонних мыслей и мало концентрирующихся на себе. Не судите их, да и в принципе никого не судите, потому что суд еще придет, лучше думайте о себе.

Наступил май, а после мартовского приятного тепла пришла летняя жара.

Джои собирался уходить домой, взяв портфель, однако

его окликнул Цуль:

–Джои! Постой!

Быстро и весело подбежав, беловолосый юноша спросил прямо, без каких-нибудь прелюдий:

–Пойдешь гулять?

–Что?– на секунду мир вокруг Джои остановился от неожиданного предложения

–Ну, пойдешь в парк погулять?

–Когда?

–В воскресенье.

–Зачем идем?

–Просто погулять,– Цуль этот вопрос не очень понял.

–Будет странно, если двое юношей будут гулять просто так, будучи наедине.

–В каком смысле двое юношей?

–Гулять же будем я и ты, а это странно.

–Нет,– протянул беловолосый паренек,– гулять идем не только я да ты.

–А кто?

–Мой друг, который взял с собой своего брата и его друга, а еще подруга моя- Марго, которая тоже прихватит свою подругу.

–Боже, что за древо поколений,– отчаянно вздохнул Джои.– Я тем более отказываюсь.

–Да хватит тебе!– Цуль подбадривал своего друга.– Сходи, проветрись, может, найдешь себе новых друзей...

–Мне тебя хватает,– перебил Джои и встал, чтобы уйти, но беловолосый паренек его остановил.

–Да, но я один стану скучен, а тут разнообразие.

–Ты и скучен? Разнообразие? Мне хватает его в жизни благодаря тебе.

–Я польщен, но ты вечно загоняешь себя в четыре стены, с одной дверью. Выйди в свет!

–Не собираюсь я выходить в такой свет.

–В какой?

–Ужасный!

–С чего ты взял?

–Хватит того, что по свету бродят люди!

–Понимаю, но не все же люди ужасны. Эти хорошие ребята, тебе понравятся.

–Нет. И еще раз нет,– отрезал Джои и высвободился из хватки друга.

–Хотя бы просто посиди в начале и уйди, если захочешь,– отчаянно тянул разговор Цуль.

–Почему я тебе так резко понадобился? Ты же гулял все это время без меня.

–Потому что я знал, что такие люди тебе не по душе.

–А те будут?

–Да!

–С чего ты взял?

–Думаешь я тебя не знаю?– Цуль пристально смотрел на Джои. Барабанщик немного оступился.

–Почему ты думаешь, что они мне понравятся?

–Потому что они такие же маленькие люди как ты, как я.

–Ты собираешься устраивать кружок социально-изолированных?

–Не шути, я серьезно. Я хочу, чтобы ты имел немного больше знакомых, чем я.

–Я благодарен тебе за твои старания, но...

–Да хватит колебаться!– Цуль неожиданно разгневался и взял Джои за плечи.– Просто возьми и пойди! Тебе ничего не стоит! Почему ты такой упертый?

Джои испугался, зажался, посмотрел на разгневанное лицо своего друга и в страхе ответил:

–Хорошо... Пойду...

Цуль очнулся. Отпустил друга.

–Хорошо. В воскресенье в парке возле статуи.

–Ладно...

Беловолосый паренек первый вышел из кабинета.

Огромный монолитный памятник «Свобода», изображающий подвиг трех солдат, был посвящен событиям восстания униженных народов, которые имели мало прав и образовали низшее сословие в государстве. Центром восстания стал этот городок. Да, вы удивитесь, но в этом месте обыденности, скуки и спокойствия были свои лихие времена, когда летопись поселения пополнялась каждый день новыми событиями. Это сейчас в стране все уладилось, а в городке

наступили тихие времена, но в прошлом все было куда веселее. Война унесла большое количество жертв. Битва за городок, где стоит мемориал, стала одной из самых тяжелых и жестоких в конфликте. Жители помнят подвиг храбрых ребят, освободивших их дом, и делают подобные постаменты.

Возле памятника на лавочке под высоким раскидистым деревом сидел Джои, пришедший заранее запланированного и думавшего, что же было с Цулем такое, что он так агрессивно пытался его заставить прийти сюда. Никогда еще его друг не показывал такой гнев, который он видел в его глазах. Видно, Джои еще мало знает Цуля. Это печалило его. Он вспоминал тот момент и ничего не понимал. Зачем Цуль пригласил его на эту прогулку? Почему ему должны понравиться именно эти люди? Все было странно и непонятно. Но Джои сидел и незаметно для себя погрузился в эту атмосферу расцветающего Мая, который царил вокруг. Теплый ветер медленно качал зеленые кроны деревьев, вокруг радостно бегали дети с родителями, а на небе, словно с картины, ярко светило солнце, прикрытое одним из армады белых облачков, плавающих в голубом небе. Смотря наверх, сразу ощущаешь облегчение и радость внутри, а чувствуя поглаживание ветра, невольно улыбаешься от непонятного удовольствия. Быть свидетелем такого теплого чуда- это самая прекрасная роль, которая могла бы быть у человека. Джои невольно закрывал глаза и погружался в свои мысли, который ничуть не отличались от внешнего мира. Но время шло. Положенный час

уже пробил, а никого не было. Не зная, что делать, наш герой, встревоженный отсутствием Цуля, решил уходить, потому что смысла ждать того, чьим участником быть ты не желаешь, нет. Джои встал и уже собирался ступить шаг, но услышал крик.

–Джои!– это Цуль шел и махал рукой.

Побег отменяется. Наш герой остановился и стал смотреть на приближающегося друга. Когда же беловолосый юноша протянул руку, Джои ее пожал.

–Долго ждешь?

–Да.

–Ты чего так рано?

–Ну...

–Волнуешься?

–Немного.

–Успокойся,– Цуль потрепал друга по плечу,– все пройдет хорошо. Ты главное не убегай.

–Когда захочу, тогда и уйду. Помнишь?

–Да-да,– паренек сморщился.– Только не надо уходить, как только человека увидишь, дикарь.

–Почему ты такой агрессивный?

–Я?– удивился Цуль.– Совсем нет.

–Врешь...

–Цуль привет!– к товарищам шла компания из трех ребят. Слева стоял хорошо сложенный невысокого роста с узким за-

думчивым лицом, на котором все было маленькое: нос, уши, рот, глаза. Он молча смотрел себе под ноги и о чем-то думал, думал, думал. В центре возвышался высокий с виду очень наглый и худощавый парень, который окликнул Цуля. По его лицу легко можно было бы дать ему роль задиры и хулигана, но слабое тело ставило это утверждение под вопрос. Справа же шел самый средний по росту член группы. Юноша был чем-то похож на центрального внешне, но сам где-то летал в облаках, осматривая аллею вокруг. Они ровным шагом подходили к нашим друзьям.

—И вам привет,— ответил Цуль. Он каждому юноше пожал руку и повернулся к Джои.— Это мой знакомые: Сон,— он указал на задумчивого парня, затем на тощего,— Сэм и его брат Даниэль,— мечтательный взор улыбнулся насмешливо.

—Добрый день,— Джои скромно кивнул.

—Ждем дам и идем гулять.

—Как скажешь,— сказал Сэм.

Между юношами завязался свой разговор, в котором Джои не имел своего места. Проклятие скромных- преграда в общении. Но если смотреть на мир под определенным молчаливым углом, то можно обнаружить совсем другое общество. Если присмотреться к глазам, прислушаться к шепоту, тебе откроется новый, истинный человек, носящий вуаль притворства, и чем темнее ткань, тем слышнее шепот. Джои, наблюдая за разговором ребят, как-то отвлекся от всех переживаний, который окутали его, как только он услышал пер-

вый незнакомый голос. Он не чувствовал себя одиноко, ему случайно удалось найти ту панораму, в которой чувства его расцветают, а навыки робкого человека имеют смысл. Все произошло так внезапно, резко, плавно, что границы до и после не существовало вовсе. Даже сам Джои ничего не понял, он просто сел на лавочку и слушал рассказы ребят, не думая ни о чем. Наш герой нашел свою частоту всеобщего радио, где ему было комфортно плыть по течению.

Вдруг все обернулись и смотрели в одну сторону, махая кому-то рукой. Джои повернулся и замер. В сарафане желтого цвета, изящно плавающего над тротуаром и туфельках, тихо цокающих по плитке, шла Лиу, ведомая бойкой и активной девушкой с яркими рыжими волосами, частыми веснушками на щеках и чудесной улыбкой с пышными губами. Джои чуть не упал с лавочки. Его сердце резко заколотилось, словно двигатель вдруг завелся и заревел, испугав нашего героя. Он посмотрел в ее глаза, которые неуверенно смотрели на пол, и в них не было той радости, счастья, тепла, юности, а царила какая-то забота, тоска и тягость. Джои это заинтересовало, но активно махающая руками незнакомка сбила концентрация барабанщика. Девушки подошли к группе, а юноши так и зацвели при виде прекрасного пола, за которым можно ухаживать.

–Марго, где же вы опаздывали?– возмутился Цуль.

–Дамам свойственно опаздывать,– бойко и весело сказала незнакомка.

–Главное, что вы пришли. Давайте я вас познакомлю,–
Цуль указал на жизнерадостную девушку.– Это Марго,– та
смешно пародировала реверанс и взял за руку Лиу.

–А это Лиу, моя лучшая подруга,– и улыбнулась. Лиу сму-
тилась и убрала взгляд.

–Приятно познакомиться!– неуклюже пожал руку девуш-
кам Сэм.

–Рад встрече,– Даниэль поклонился, изображая кавалера,
а Сон молча оглянул их взглядом. Джои сидел на лавочке.

–Куда пойдем?– спросила Марго.

–Думаю, к фонтану, а там посмотрим.

–Решено!

Вдруг взгляд Лиу встретился с Джои. Она испугалась, за-
дрожала. Ее окатил стыд. Девушка не хотела вспоминать про
него, потому что ей было совестно за свое некультурное по-
ведение перед юношей, поэтому она быстро убрала взгляд.
Джои пристально следил за ней, пытаясь понять, что же та-
кое происходит со смелой, немного наглой и громкой Лиу,
которую он первый раз увидел перед домом культуры, сидя
на теплом асфальте в мартовский день.

–Вперед!– Марго утащила с собой Лиу, за ней последова-
ли Сэм и Даниэль, а Цуль подошел к Джои.

–Что с тобой?– с интересом спросил паренек.

–Ничего...

–Пошли.

Прогулку в парке нельзя описать, если рядом с тобой интересные и уютные люди. Так и время, которое провела вместе эта группа ребят была комфортной, обыденной и милой. Сначала все чувствовали смущение, теснение, боялись друг друга, но потом привыкли и стали куда более открытыми. Оттого описывать данное событие неинтересно и скучно. Куда лучше будет рассказать, что наш Джои постоянно был напряжен своими мыслями. Казалось, он один не наслаждался прогулкой, однако и Лиу тоже все время находилась в задумчивости. Они оба были погружены мыслями друг о друге, но не понимали это. Пока остальные поделились на маленькие незаметные группы, где каждый находил более оптимальную и комфортную компанию: Сэм, Даниель и Сон; Марго и Цуль- наша парочка, сама того не замечая, ментально проводила друг с другом психологическую прогулку, где вместе они пытались отыскать ту связь, которую имеют настоящие друзья. И знаете, что самое странное? У них это получилось. Не промолвив друг другу ни единого словечка, они крепче остальных сцепились узами взаимного уважения и дружбы. Это настоящая суперспособность, я считаю. Лишь бросая стремительные взгляды, они полностью открылись. Их двери в комнаты личностей воссоединились в одну проходную, которая всегда открыта. И это стало настоящим чудом и откровением для обоих.

А Цуль следил за Джои. Он сам не знал, почему так агрессивно заставил прийти своего друга на эту прогулку, возмож-

но, день не задался. Однако паренек был удивлен, что Джои постоянно переглядывается с красавицей Лиу. Цуль видел, что это взгляды многозначительны и крайне сложные, и тут его осенило, что между ними выстроилась та самая ментальная связь, которая рождается между незнакомыми социально, но близкими душевно людьми, называемая вечной дружбой. Это удивительная встреча двух людей, которая связала их жизни до самой смерти.

Смеркалось. Ребята стали расходиться. Первыми ушли Сэм, Даниель и Сон. Потом ушла Марго, Цуль собирался идти с ней, но подошел к Джои, который уже оборачивался домой и сказал:

–Заговори с ней.

–Что?– удивленный Джои не понял его.

–Скажи хоть пару слов, иначе все пропало.

–Но...

–Пошел,– паренек подтолкнул друга, а сам пошел с Марго домой.

Джои подошел к Лиу, сидящей на лавочке и смотрящей на кроны деревьев, блестящих от закатного солнца, сел рядом и стал думать.

–Слушай,– первой сказал Лиу,– приходи завтра в музыкальную школу.

–Хорошо,– ответил Джои.

–Думаю, после завтрашнего дня мы друг друга не отпу-

стим.

Девушка быстро встала и убежала. Джои смотрел ей вслед, обдумывая последние слова, затем встал и пошел домой. Что-то голова у него сегодня болит. Он никогда не испытывал такого вдумчивого диалога с незнакомой девушкой. Ему нужно выспаться перед завтрашним днем.

III

Здание музыкальной школы было старым и не раз переделанным не одним поколением. Его настенные узоры, сделанные из разукрашенного кирпича, изображали различные музыкальные инструменты, художников, музыкантов, танцоров, которые стоят в позах, подобных греческим рисункам на вазах. Множество талантов выпустила школа и продолжает это делать и по сей день. Это учреждение- гордость всего городка, а дети- гордость всей страны. Такое величие и престиж все же никак не сочетались с потрепанными стенами и старыми окнами с дверьми. Геометрическая форма здания не отличалась новаторскими архитектурными идеями, хотя из этой коробки вышло немало талантливых архитекторов. Нет треугольной крыши, вместо нее- обычная ровная поверхность, называемая потолком. С виду музыкальная школа- это просто старый большой дом с интересными кирпичными узорами, но ничего более в нем интересного снаружи нет.

Джои стоял возле двери в школу, его отталкивали дети,

спешившие на урок, а он стоял и не мог зайти. Подумав немного, барабанщик попытался всмотреться внутрь. Дети забегали в гардероб, оставляли верхнюю одежду, переодевались и быстро бежали в коридоры. Охранник, сидя за столом с монитором, оглядывал всех и здоровался с пришедшими. Виднелись полки, на которых стояли кубки, фотографии, медали- многолетние достижения школы. Вздохнув, Джои открыл дверь и вошел в здание. Станный теплый запах его тут же окутал. Сырой мрамор, лежащий на полу, и деревянная мебель создавали аромат чего-то уютного, домашнего, но торжественного, слова ты заходишь в древнюю кладовую, хранящую в себе историю чего-то значительного. Охранник посмотрел на нового юношу. Джои поздоровался с ним, тот кивнул, а наш герой прошел мимо него прямо в коридор первого этажа. В нем было немногочленно: кто-то на уроках сидит, кто-то просто в кабинете любит проводить время на переменах, а самые маленькие бегали по этажу, играя в догонялки. Джои медленно шел, оглядывая двери в кабинеты, на которых висели таблички с номером помещения. Два больших столба, стоящих посреди этажа, удерживали на своей голове тяжелую верхушку здания. Джои дошел до лестницы на второй этаж. Поднимаясь по ней, он встречал сидящих на подоконнике большого окна музыкантов, репетирующих свои партии. Ступив на пол второго этажа, наш герой продолжил поиски. Звук балалайки вдруг стал слышен за одной дверью. «Класс балалайки». «Вот где Цуль учится», – поду-

мал Цуль, послушал еще немного игру балалаечника и продолжил свое исследование. На стенах висели работы художников- выпускников музыкальной школы. Они были разной тематики, разного жанра, разной идеи, разных цветов.

–Джои!– тихо кто-то позвал барабанщика.

Лиу стояла за углом и махала рукой Джои. Герой подбежал к ней.

–Пойдем за мной,– девушка поманила парня за собой. Тот покорно следовал за ней.

Вдруг на всю школу раздавались постоянные грохоты, топот, стуки. Исходила это какофония из отдельного кабинета, находящегося рядом с большой дверью, ведущей неизвестно куда и парадной лестницей. Это хореографы репетируют свой новый номер, оттого такой шум. Лиу же словно не заметила грохоты и подошла к большим дверям, открыла их, заглянула и позвала Джои. Барабанщик вошел.

Это был актовый зал. Сцена, стоящая внизу и длинные ряды зрительного зала. На стенах висели прожекторы, из окон лился свет майского солнца. Здесь было пусто и тихо. Лиу закрыла дверь на ключ.

–Здесь будет пусто еще пару часов.

–Зачем ты меня позвала?

–Чтобы сделать тебе предложение.

–Какое?

Лиу медленно стала спускаться по ступенькам, находящимся по бокам зрительного зала, вниз. Она молчала.

–Почему я тебе нужен именно здесь?

–Ты боишься этого места?– вдруг отрезала девушка, спускавшаяся все еще вниз.

–Нет,– ответил Джои.– Я не боюсь этого места.

–А ДК боишься?

–Боюсь,– признался барабанщик.

–А почему ты его боишься?

–Потому что я провалился...

–Куда?

–В пропасть унижения...

–А ты красиво говоришь. Ты много читаешь?

–Нет,– Джои стал следовать за девушкой.

–Такие обороты...– она оглянула зал.– Опиши мне все вокруг.

–Ну... Солнечный свет в окнах пробирается прямо в зал. Красиво. Уютно...

–Ты можешь лучше. Я знаю.

–Годовая пыль летает в лучах дневного фонаря. Старые ступени скрипят под тяжестью заблудших пар ног...

–Почему заблудших?– перебила девушка, усевшись на кресло.

–Потому что цели у них нет.

–Как нет? Есть.

–И какая же?

–Определить будущее.

–И что же дальше?

—А дальше...,— она посмотрела на юношу, опрокинув голову.— А дальше пара ног сойдет со ступеней, взойдет на сцену, встанет в эффектные позы и заиграет дуэтом, покоровившим весь мир.

—И что же за дуэт?

—Барабанщик и гитаристка.

—Как же так? Как они играть-то будут?

—А вот так. Гитаристка играет и поет, барабанщик играет и танцует.

—Не сможет он танцевать,— Джои стал спускаться ниже сидящей Лиу,— играет же он на барабанах сидя.

—Ты прав...,— задумалась девушка.— Тогда пусть тоже поет.

—Он петь не умеет.

—Научим.

—Это сложно.

—А путь наш не будет легким,— Лиу вскочила и быстро, опередив юношу, спустилась по ступеням вниз, повернулась лицом к Джои так, что одну половину ее лица освещал луч солнца, и проговорила.— Ты будешь верен мне?

Джои остановился. Он посмотрел в глаза девушки. Немного подумал, посмотрел на окно, затем оглянул зал и снова вернулся к ее очам. Тогда юноша спустился и тихо сказал:

—А если он ничего не умеет?

—Тогда я его буду учить.

—А если он сбежит?

—Тогда я его поймаю и буду учить.

—А если ты сама не знаешь и не сможешь научить его?

—Тогда,— она повернулась к нему лицом,— я научусь, поймаю его и буду учить!

Джои молча смотрел на нее. Поднялся на сцену и остановился, глядя в зрительный зал. Не было той темной границы между реальностью и пропастью богов, которые неумолимо критикуют за любую оплошность человеческого сердца. Рядом не было оркестра со злыми лицами, проклинающими его и ненавидящими. Это были пустые места, солнечный мягкий свет и тихое дыхание девушки. Джои стоял и смотрел со сцены. Он был выше всех, кто находился в этом зале. Выше всех тех балластов, которые критикуют его и опускают ниже. Сцена стала лишь частью помещения. Она не граница, она часть реальности.

Лиу, улыбаясь, тоже поднялась на сцену, зашла за кулисы, взяла две табуретки и поставила их возле Джои.

—Играй,— приказала она.

—Где?

—На этом,— Лиу указала на табуретки.

—На этом?— удивился Джои, девушка лишь промолчала.

Юноша сел на один стул и стал стучать по деревянной поверхности мебели, который глухим и точным звуком раздавался по всему залу. Герой на ходу придумал какой-то простой ритм, которому легко было следовать. Девушка про-

шласть вокруг стучащего паренька и в какой-то момент остановилась. Солнце мягко освещало первые ряды зрительного зала, проходя через пыльные и грязные окна мягким свечением. Пол сцены скрипел под весом девушки. Джои барабанил, ожидая следующего слова Лиу.

Вдруг она замычала. Затем стала напевать какую-то мелодию, а потом и вовсе заголосила простые «ля-ля-ля». Юноша держал ритм. Он понял, чего она хотела. Вместе они создали спонтанную музыку, находясь на пустой сцене, среди пустого зала, где одно лишь солнце было их главным зрителем, а эхо- аплодисментами.

Они посмотрели друг на друга, когда закончили выступление, и засмеялись...

IV

Идя по сыром асфальту, мужчина лет шестидесяти в черном костюме в клеточку обходил вальяжных и еще более пожилых парочек, недовольно и косо смотрящих на него. Фасад местного дома культуры бедно освещались тусклыми настенными лампами, куда лучше с этим делом справлялись фонари, стоящие вдоль дорог, сопровождающие гостей. Сегодня мартовское выступление уроженцев: великолепной певицы Лиу и мультиинструменталиста Джои. Эта пара навела много шороху не только в своей стране, но и во всем мире. Чем цепляли музыканты своих слушателей- вот ради чего пришел в это слишком уж тусклое помещение вялый и веч-

но хмурый незнакомец. Не желая тратить время на пустую болтовню с местными, мужчина быстро направился к своему месту в зрительном зале. До начала оставалось пять минут, но кресла не были заполнены и наполовину. Расположившись на первом ряду, недовольный гость решил, что все в городке настолько сошли с ума, что покупают билеты и создают аншлаг только ради того, чтобы прославить местных знаменитостей. Но минута исчезла со стрелками часов, и в небольшой актовый зал стали входить, словно песок в узеньком горлышке бутылки, люди, стоящие до этого мирно в холле и мирно выжидающие до последней секунды, чтобы создать толпу. Однако бывшие приятные собеседники в тесной толпе стали злейшими врагами, желающими первыми сесть на место и боящихся опоздать. Как-то снисходительно и равнодушно мужчина смотрел на эту давку, словно на скот свиней. Когда же негодующие расселись, свет погас и началось выступление.

Да, наши Джои и Лиу создали великолепную пару. Они прекрасно ладили вместе, стали дуэтом. Жена научила супруга играть сначала на гитаре, потом он сам заинтересовался и освоил различные музыкальные инструменты. Их дуэт покорила страну и мир и решил отдать дань уважения своей малой родине, устроив концерт в том месте, где пара впервые встретилась. Джои за все это время привык к сцене, стал зависим от всеобщего внимания, а граница между концом мира и его реальностью больше не появлялась более, дав воз-

возможность почувствовать признание и даже преклонение перед ним. Каждый всегда с восхищением смотрел на взаимодействия супругов, но один мужчина не выражал никаких эмоций и даже скучал. Его глаза смотрели так расстроено, что Джои, который заметил данного зрителя, немного опешил и расстроился, ведь обыкновенно все признавали его талант, а тут... Вид незнакомца был не слишком ухоженным: небольшая бородка никем не причесывалась, в отличие от растительности на голове, которая покрылась сединой, костюм явно неновый и потрепанный, под скучающими глазами лежали темные мешки, повидавшие много бессонных ночей. Но все же было видно, что незнакомец готовился к выступлению, может быть, возлагал даже надежды, но действительность его разочаровала. Он словно мысленно оборвал что-то, что недолго держало его интерес к этому миру. Джои играл на разных инструментах, зрители восхищались его талантом, но тревожный взгляд его всегда останавливался на этого мужчину. Вдруг незнакомец встал и вышел. Была лишь середина выступления. Джои все думал о нем и пытался понять, что же его так огорчило, но затем сделал вывод: видимо, не сладкой его жизнь была- и успокоился.

А мужчина, выйдя из здания, вдохнул прохладный мартовский воздух спокойного вечера и пошел своей дорогой, понимая, что он близок к концу.

Этот год будет необычайно холодным...

Апрель

2.04.1998 16:43

Началась весна! Наконец-то первые листочки появились на деревьях! Мы можем вновь вдохнуть этот свежий аромат чудесного апреля. Бродя по парку, я видел истинную красоту природы! Так свежо, бодро и хорошо, что словами не описать. Вы бы чувствовали этот мягкий ветер на щеках, да пение прилетевших птиц- какая красота!

Вы смотрели сегодня на небо? Я призываю вас поднять свои головы! Это же настоящая магия! Облака сегодня выстраивались в такие великолепные рисунки, и все это под нашей головой. Скоро вечер, а значит, наступит одно из самых будоражащих времен дня- закат. Я собираюсь сделать множество красивейших фотографий закатного неба. Советую и вам не просиживать это время дома, а хотя бы выйти на улицу.

Весна прибывает, и апрельское цветение тоже! Больше всего я жду именно цветение, ведь какое чудо- эта апрель!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

4.04.1998 20:54

Я считаю, что человек должен почаще поднимать свою голову. Все привыкли смотреть вниз, на серый асфальт, но ес-

ли устремить свой взгляд вверх, то можно увидеть настоящее воздушное царство! Вы хотите летать? Тогда просто сядьте, лягте или замрите и следите за облаками, почувствуйте их мягкое и плавное движение и дайте волю воображению! Я вам гарантирую, что вы тут же ощутите невероятную легкость и спокойствие, словно находитесь где-то высоко-высоко!

Любите природу и наслаждайтесь жизнью!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

10.04.1998 17:34

Как бы сильно не загружали вас на работе, друзья, прогуляйтесь когда-нибудь по протоптанным дорожкам, ведущим не туда, куда ведут чистые асфальты. Вам откроется новый мир! Истинная красота вашего города или деревни появится только в самых глухих местах, где обдуманная рука человека не дотронулась до торжественного хаоса Всеобщей матери. Быть может, вы пропустили свое «Прекрасное далеко», которое не такое уж и далекое?

Я вот решил изменить свой привычный и многолетний маршрут от офиса до дома, свернув в какую-то глушь и попав в настоящий рай! Память моего фотоаппарата изрядно уменьшилась, но это того стоило!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку.

14.04.1998 17:10

Я собираюсь участвовать в конкурсе лучших фотографий природы, который будет в скором времени проводится в нашем городе. Советую вам всем принять в нем участие. Я очень надеюсь, что вы станете моими соперниками, с которыми мы после всех результатов мирно побеседуем и заведем знакомства. В последние дни как-то реже получается делать фотографии, хотя цветение в самом пике! На работе уж слишком загружать стали. Но ничего! Прорвемся!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

19.04.1998 11:33

Я уже собираюсь выходить! Кто-то из вас, надеюсь, тоже. Буду рад всем! Увидимся!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

19.04.1998 19:45

Все прошло замечательно! Жаль, мне не удалось занять призовых мест, однако я был рад посмотреть на работы на

настоящих мастеров своего дела! Пускай мои фотографии не пользовались большой популярностью, но я набираюсь опыта. Все еще будет! Еще жаль, что никого не встретил, однако все еще впереди!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

21.04.1998 16:55

Сегодня у меня получилось найти свободное время на фотографии. Как чудесна природа! Как чудесна весна! Замечательное время года! Столько чудесных и замечательных пейзажей открывается, стоит только найти правильный ракурс. Удивительно! Все же, как бы не тяжела была реальность вокруг нас, природа делает эту жизнь лучше. Оглядывайтесь по сторонам и ищите прекрасное в мелочах!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

23.04.1998 17:33

Когда бродил по парку с фотоаппаратом, встретил девушку, которая фотографировала дерево на фоне здания. Я не очень понял ее ракурс, но был очень обрадован, что встретил своего коллегу по цеху! Пока еще мало фотографов открыто бродят на улице, однако этот вид искусство (да, я считаю,

что это именно вид искусства) встанет наравне с живописью, если вовсе не сдвинет его с трона изображения.

Я подошел к девушке. Ее звали Эми Мак. Чудесный человек! Добрая, общительная. Мы с ней поговорили о фотографии, и вы не представляете, как я был счастлив! Наконец-то с кем-то получилось поговорить по душам о моем любимом деле! Это не описать словами!

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

27.04.1998 17:23

Блуждая по просторам интернета, я наткнулся на сайт, где люди выкладывают свои фотографии и находят единомышленников. До чего же дошли технологии! Последние дни радуют: встретил коллегу по фотографиям, а тут оказывается еще и целый форум есть! Я сейчас изучаю и смотрю работы участников этого сайта. Тут по-настоящему ценят искусство фотографии...

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

1.05.1998 22:54

Долго не пишу, потому что слишком устаю на работе. Последние два дня чувствую выгорание и стресс... Совсем нет

времени, чтобы взять камеру в руку. Устаю безумно...

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

3.05.1998 15:47

Снова встретил Эми. Она поинтересовалась, как я, а когда рассказал про свое выгорание, коллега посоветовала уволиться с работы. Сейчас я в смятении... Уйти с работы и рискнуть или продолжать заниматься этим нелюбимым делом, но иметь стабильный доход...

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

9.05.1998 13:30

Уволился! Я решился! Долго думал, переживал, совсем не заметил, как все зазеленело и стало прекрасным! Цветение прошло- жаль- но теперь я чувствую себя свободнее!

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

11.05.1998 14:22

После того, как я уволился, снова встретил Эми и все ей рассказал. Она была счастлива за меня, и мы начали общать-

ся! У меня появился товарищ! Признаюсь вам, на прошлой работе у меня как-то не получалось найти общего языка с коллегами, но я не чувствовал себя одиноко. А сейчас и по-давно! Все налаживается. Сейчас отдыхаю, но думаю, скоро буду искать новое место, где буду отдыхать душой и заниматься любимым делом.

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

20.05.1998 14:33

Меня долго не было, но я пришел с хорошими новостями! Я нашел новую работу! Теперь моя профессия- это оператор одного журнала. Эту вакансию мне подсказала Эми. Она, кстати, тоже работает там! Мы с ней, считай, коллеги уже настоящие. Эми познакомила меня со своими друзьями, которые тоже работают на этот журнал: Синти Иноэ и Джон Гадон. Они все замечательные люди! Да и рабочая атмосфера здесь куда лучше, чем на прошлом месте. Я рад, что смог устроиться сюда! У меня теперь есть время на новые фотографии.

Комментариев:

–Добро пожаловать! (Си)

–Спасибо! (А)

–Я рада видеть тебя в наших рядах. (Эм)

–Спасибо! (А)

Нравится: 4 людям

23.05.1998 17:01

Из-за всех этих хлопот со сменой работы я совсем пропустил пик весны. Немного грустно, однако впереди другое не менее красочное время года- лето! Уже чувствуются жара июня, море июля и вечера августа. Наконец удалось сделать новые фотографии, которые я выложил на свою страничку на том самом сайте. Ах! Я ж совсем забыл вам рассказать, что теперь я есть на том самом сайте. Пока никаких поклонников там у меня нет, но все еще будет! А пока я работаю, фотографирую и живу счастливо!

Комментарии:

–О! Так ты есть на том самом сайте? (Эм)

–Да. (А)

–Сейчас посмотрю. (Эм)

Ответ (Эм):

–И я! (Си)

–Так и я там есть. (Дж)

Нравится: 4 людям

25.05.1998 18:45

Я хочу рассказать вам немного про Синти и Джона. Теперь они стали мне такими же друзьями, как и Эми, и я рад

этому факту!

Синти тоже увлекается фотографией, но занимается больше печатью. Ее работы зациклены на чем-то слишком красочном и веселом. Она жизнерадостна и умеет поднять всем настроение. С ней легко общаться и весело проводить время. Настоящая душа компании!

Джон серьезный и добрый человек. Он никогда не отвернется и протянет руку помощи, если ты будешь в беде. Самый ответственный из всех нас, оттого и работает на должности заместителя директор. Но у него хватает времени еще и с нами общаться. Невероятный трудяга! Правда мы его хотим начать заниматься фотографией, а он все ни в какую. Однако мы его заставим, я уверен.

Вот мои новые друзья! До этого как-то я не был близок так, как с ними, поэтому сейчас для меня все ново в этих отношениях. Но вся жизнь еще впереди!

Комментарии:

–Спасибо за такой отзыв о нас! (Си)

–Про последний факт обо мне можно было и промолчать.

(Дж)

Ответ (Дж):

–Нет! (Эм)

Нравится: 4 людям

30.05.1998 8:43

Решил с утра проверить свою страницу на том самом сайте и вижу, что у меня уже так-то 5 поклонников! Помимо моих друзей, появились новые ценители моих фотографий! Это очень приятно! Они оставляют приятные и теплые комментарии. Впервые ощущаю себя ценным другими.

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

3.06.1998 16:59

Наступило лето! Жаркое, красочное и полное приятных воспоминаний! Я надеюсь, что это теплое время года будет не хуже весны. В скором времени я буду фотографировать преобразование природы в нашем городке, так что готовьтесь увидеть мои новые работы!

Комментарии:

–Ждем с нетерпением! (Эм)

Нравится: 4 людям

6.06.1998 14:32

Ох, друзья! Такое наслаждение гулять на улице, когда летняя жара еще не успела набрать обороты! Ветер еще прохладный, но так тепло и уютно в одной футболке да легких штанах гулять по сухим дорожкам и не бояться испачкаться. А природа какая! Все зеленое, яркое, солнце светит как ни-

когда не светило. Одна благодать! Именно летом, кажется, наслаждаешься жизнью и начинаешь ценить ее еще больше. Настоящий рай!

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

8.06.1998 15:22

Я начал общаться с теми двумя неизвестными мне поклонниками. Они оказались хорошими людьми! Мне в последнее время везет на хороших людей. Пока между нами только интернет-разговор, однако все идет к тому, что мы, может быть встретимся вживую! Этот год дарит мне много хороших эмоций!

Комментарии:

–И с нами как-нибудь познакомь! (Си)

–Обязательно! (А)

Нравится: 4 людям

9.06.1998 15:45

Послезавтра я встречаюсь с теми двумя моими новыми знакомыми. Расскажу о них уже после встречи, когда мое мнение полностью сложится о них.

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

11.06.1998 14:11

Я встретился. Они оказались интересными и хорошими людьми, так что я уверен, что могу о них рассказать без лишних приукрашиваний и без попыток обидеть кого-нибудь, потому что мнение мое о них очень положительное.

Лендо Октавий. Он живет в том же городе, что и я! Его привлекает море, поэтому работает он рыбаком. Помимо океана, Лендо очень любит фотографии и имеет больше сотни поклонников на том самом сайте! Честно, немного завидую ему, однако это не будет мешать мне подружиться с ним! Настроение в его работах спокойное и беспечное, а бывает буйное и агрессивное, словно волны. Его фотографии отлично олицетворяют его самого. Он очень интересный человек!

Гвандоя Уи. Иммигрант из африканской страны, который живет рядом с нашим городом, в одной деревне. Но после нашей встречи, Гвандоя решил переехать в этот городок! Он давно хотел поменять свою жизнь- вот и повод нашелся. Уи человек мрачный и тихий. Его работы черно-белые и такие же жуткие, однако в них всегда есть какой-нибудь скрытый смысл. Несмотря на свою закрытость, он нашел со мной и Лендо общий язык, так что вместе мы имеем прекрасную коммуникацию. Гвандоя таинственный, оттого и интересный!

Я рад, что познакомился с еще одними чудесными людьми!

Комментарии:

–Организуй с нами встречу! (Си)

–Хорошо-хорошо. (А)

–Спасибо, очень приятно. (Ле)

Нравится: 6 людям

17.06.1998 19:44

Эти шесть дней были очень загруженными. На работе нас особенно гнали, так еще и встречу надо было организовать. Завтра как раз-таки все устроено! Так что я отписываюсь о том, что жив и снова пропадаю.

Комментариев: нет

Нравится: 6 людям

19.06.1998 16:03

Это была чудесная встреча! Все нашли общий язык. Мне потом Гвандоя тихо сообщил, что давно так не веселился. Спасибо вам всем! Надеюсь, что мы еще все вместе соберемся! Мы стали друзьями! Ура!

Комментарии:

–Ура! (Си)

–Спасибо всем! (Эм)

–До скорой встречи. (Дж)

Нравится: 6 людям

26.06.1998 17:31

Уже начинается жара... вчера я выходил гулять и сделал множество красивейших фотографий окружающего мира. Как странно, что вместе с расцветом природы, расцветают люди. Все выглядят как-то приятнее, светлее, теплее. Зимой, наоборот, вокруг прохожий все хмурые, злые, задумчивые. А летом красота! Я даже впервые попробовал себя в портретной съемке: гуляя вместе с Синти, сфотографировал ее, настолько она была жизнерадостная. Но все-таки куда приятнее осознавать то, что природа благоухает и не собирается увядать в скором времени. Появляются даже новые силы жить, бывают возникают в голове планы на будущее...

Да, лето еще и развивает мысль, делает ее яснее и прекраснее! Не то, что осенью, когда не хочется вымолвить ни одного слова, а просто задумчивого глядеть на медленное засыпание природы, которое проходит так красиво, но так печально.

Слишком философский для меня получился пост, поэтому просто скажу, что все как всегда прекрасно!

Комментариев: нет

Нравится: 6 людям.

1.07.1998 15:59

Жизнь идет своим чередом. Мы чуть ли не каждый день стали собираться, несмотря на то, что Лендо работает в сво-

ей рыбной лавке, а Гвандоя вечно в поисках подходящей ему работы. Между нами образовались крепкие связи, между кем-то лучше связаны, между кем-то хуже, но все мы близки друг другу! Все идет своим чередом под палящим летним солнцем.

Комментариев: нет

Нравится: 6 людям

12.07.1998 14:14

Прошло много времени. Столько дел и событий происходит у меня в жизни, что забыл совсем про этот блог. Я думаю, что скажу про два из них.

Джим предложил внезапно создать наш общий фотоателье.

Мы все немного были сконфужены таким предложением и долго думали над ним. Все же это слишком радикальное решение в нашей жизни! Джим объяснил, что все мы любим фотографию и встретились именно благодаря нашему хобби, так что почему бы нам не посвятить этому делу всю жизнь. Все согласилось с его мнением. В итоге, мы решили, что начнем работу над нашим совместным фотоателье!

Я снова уволился... Да, я первый, кто это сделал. Предыдущее место работы мне очень нравилось, но мне почему-то захотелось полностью отдать себя новому делу, поэтому я принял такое сложное для себя решение. Однако все меня

поддержали!

Если обобщать, то вот, что произошло за эти несколько дней в моей жизни. Я думаю, что это важный момент в моей судьбе!

Комментарии:

–Верю, у нас все получится! (Си)

–Мы со всем справимся, я в этом уверен. (Дж)

–Нам любые волны по плечу! (Ле)

–Все будет хорошо. (Гв)

Нравится: 6 людям

16.07.1998 7:23

Сейчас особо нет времени вести этот блог. Я слишком занят новой идеей создания фотоателье. Когда все завершится, я надеюсь, появится больше времени на освещение всей моей жизни.

Комментариев: нет

Нравится: 6 людям

16.07.1998 7:44

Забыл сказать, что теперь мне помогает Гвандоя. Он тоже зажегся

этой идеей о совместном проекте и ищет подходящее здание. Эми и Джим уволились с работы, а Синти и Лендо еще не решаются бросить стабильный заработок. Это очень рис-

кованное дело, но мы должны справиться. У нас все получится!

Комментарии:

–Все получится! (Си)

Нравится: 6 людям

27.07.1998 15:09

Гвандоя нашел подходящее здание! Мы тут же арендовали его и начали все обустраивать! Джим занялся организационными делами, а Эми ответственна за рекламу. Я и Синти оформляем помещение, Лендо и Гвандоя закупают все необходимое. Работа кипит!

Ах, да! Синти и Лендо уволились тоже, теперь мы все поглощены этой работой!

Комментариев: нет

Нравится: 6 людям

10.08.1998 18:27

Все почти готово... В скоро времени мы собираемся открываться. Жду этого с нетерпением!

Какое же странное ощущение... Еще месяц назад все это было лишь идеей... Не прошло и полугода, как я уже обрел себе много друзей, с которыми собираюсь устраивать жизнь. Это кажется сном... Но это на самом деле так!

Сейчас я очень устал, но остались последние штрихи, а потом небольшой отдых и начало нашего нового пути.

Комментарии:

–Сон оказался явным. (Ле)

–Вместе до конца! (Си)

–Да! (Эм)

Нравится: 6 людям

15.08.1998 12:13

Мы наконец открылись! Приглашаем вас всех в наше уютное фотоателье, где вы сможете заказать фотографию с любым фоном, все по вашему желанию. Приходите, мы будем рады вам!

Комментарии:

–Ура!!! (Си)

–С открытием! (Эм)

–Поздравляю вас всех. (Дж)

–Это начало хорошего будущего! (Ле)

–Ура. (Гв)

Нравится: 6 людям

17.08.1998 18:11

Удивительно, как много посетителей было в первый же день нашего открытия. Работы просто навалом! Мы еле за-

кончили этот трудовой день и, наверно, я буду еще реже вести этот блог. Думаю, стоит вообще забыть про него, потому что закончились те дни, когда я был один и у меня было время на ежедневное освещение всех событий своей скучной жизни. Сейчас это не так! Все поменялось! Теперь я имею насыщенную и интересную жизнь и нашел свое призвание и людей, с которыми буду наслаждаться будущими годами!

Комментарии:

–Ты абсолютно прав, хватит держаться за прошлое в виртуальном мире, наслаждайся реальностью! (Си)

–Так и сделаю! (А)

–Теперь мы с тобой! (Эм)

–Спасибо! (А)

Нравится: 6 людям

2.10.1998 8:23

Даже не знаю, почему я вновь вернулся к этому блогу. Прошло уже больше месяца. В жизни произошло еще больше, но, наверно, я хочу отдать должное интернету за то, что делал иллюзию неодинокой жизни. Делясь постами, я уходил от той мысли, что это никому не нужно, что моя жизнь кому-то интересна и кто-то читает это. Теперь же, перечитывая старые посты меня одолела жалость к самому себе из прошлого. Все это так... Грустно смотреть на себя из прошлого, одинокого и не нужно, когда сейчас меня окружают, даря-

щие мне каждый день счастья и веселья. Я попал в какую-то утопию, но она- расплата за мою антиутопию одинокого прошлого. Теперь я другой. Теперь все у меня хорошо. Теперь мне не нужен этот виртуальный дневник, который видят все, но который никому не нужен. Это все в прошлом. Это все в прошлом.

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям.

13.10.1998 17:43

Мне некому это больше рассказать. Про этот сайт все забыли. Поэтому я буду потихоньку записывать сюда все свои впечатления, которые не могу рассказать остальным.

Мне кажется, что Эми и Джон любят друг друга. Да! Мне правда так кажется! Они странно друг на друга смотрят и стремятся побыть наедине. Как же это все интересно! Они даже один раз ушли с работы из фотоателье, чтобы провести время в доме Джона! Я, конечно, не подаю вида, что все знаю, но Синти просто не умеет держать эмоции. По ее лицу сразу видно, что она догадывается об отношениях нашей парочки, однако те или слепы, или так же стараются не подавать вида.

Какой-то странный клубок завязывается в нашем коллективе. Почему-то мне это не нравится, хотя и интересно...

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

16.10.1998 21:44

Страсти кипят! Эми и Джон уже открыто заигрывают друг с другом! Это уже становится немного некомфортно, так как режим работы сбивается, а клиентов у нас всегда навалом! Поэтому мы намекнули нашей парочке, что нужно немного сбавлять обороты своих чувств. Вроде как, все улеглось, и они стараются делать это скрытно, однако иногда у них это плохо получается.

Жизнь и работа кипит!

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

25.10.1998 22:21

Почему я вновь тянусь к этому блогу? Неужели в моей жизни все настолько плохо, или это привычка?

Я чувствую, наверно, что в нашем коллективе нет того единого духа, какой был летом, когда мы только-только открывали фотоателье. Пускай работа нас объединяет, однако видно, что мы разбрелись на маленькие группы. Эми и Джон воркуют друг с другом, Гвандоя и Лендо всегда вместе о чем-то мечтают, а я общаюсь тесно и каждый день с одной Синти. Если с Гвандоей или Лендо я могу не разговаривать день

из-за занятости и отсутствия темы для общения (про Эми и Джона я вообще молчу, эта парочка на своих небесах), а с Синти у меня как-то всегда удается вести приветливый и долгих разговор. В общем, наш единый коллектив разбился на маленькие группы, где я и Синти общаемся скорее из-за того, что остались потерянными. Я с Синти друзья- это да, но вряд ли я могу назвать нас лучшими друзьями. Да я никого не могу назвать лучшим другом. Недавно я задумался об этом... И снова почувствовал себя одиноким. Природа тоже стала мрачной и задумчивой, словно старается поддержать меня. Может, природа и есть мой лучший друг?

Не знаю... Я слишком часто думаю об этом... Стоит немного перестать думать о негативном, иначе я окончательно вернусь к этому дневнику.

Комментариев: нет

Нравится: 4 людям

4.11.1998 18:57

Синти предложили работу в одной крупной кампании. Сказали, что она очень талантливый человек, который будет нужен им для оформления рекламных стендов. Синти долго думала, но мы уговаривали ее устроится туда. Она согласилась, но со слезами на глазах.

Я не хочу, чтобы она уезжала... Это самый жизнерадостный человек нашего коллектива, который поддерживал

дружную атмосферу, несмотря на внутренний раскол. Все притворяются, что все хорошо, будто бы мы все так же едины и дружны, но это все неправда... Мы устали друг от друга. Почему я не могу сказать об этом прямо? Я боюсь все разрушить? Отчего мне не хватает смелости обсудить все проблемы...

Комментариев: нет

Нравится: 3 людям

10.11.1998 16:19

Синти давно уехала. Видно, что стало намного грустнее и тише. Отчетливее видны разделения групп. Мы уже не притесняем Эми и Джона в их любовных страстях. Мне одиноко находится среди своих друзей. Хотя Гвандоя и Лендо видят мое одиночество, они не очень стараются занять меня диалогом, потому что... нам оказывается не о чем говорить...

Первый раз встретившись, мы думали, что нашли единомышленников, с кем проведем целую жизнь, а не прошло и года как эти мечтатели уже устали друг о друга. Тем для разговора нет... Что же это такое? Почему в начале все казалось таким понятным, простым, а теперь ты не чувствуешь к своим родным ничего...

Комментариев: нет

Нравится: 3 людям

29.11.1998 5:43

Проснувшись ночью, я подумал: «Почему я веду этот блог?» Я вернулся к этому дневнику, а значит, я одинок. Я не могу с этим смириться. Нужно что-то делать... Что-то решительное.

Я изменю все. Поменяю все, что есть сейчас. Я начну с того, что окончательно порву все концы с прошлым. Сейчас я в таком положении из-за того, что помнил о прошлом. Нужно двигаться дальше. И я начну с этого блога. Если я забуду про него, значит, я справился.

Комментариев: нет

Нравится: 3 людям

3.01.1999 9:21

Эми и Джон наконец-то женились и уехали. Остались только я, Гвандоя и Лендо, однако и работы стало меньше, так как спрос стал намного меньше. Стало еще более грустно и уныло. Видно, что это руины дружбы. Мы стали коллегами. Все настолько плохо, что Гвандоя стал предлагать нам разойтись и закрыть это место. Мы с трудом отказались, так как гонялись за прежней мечтой, которая больше не могла сбыться. В этом фотоателье живет какой-то теплый дух единства, который создал это место, который удерживает нас... Надолго ли это все?

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

10.01.1998 17:47

Давно я как-то не говорил о фотографии. Может, разговоры о любимом деле мне поднимут настроение?

Разгар зимы. На улицах еще остались рождественские украшения, однако дух нового года давно ушел вперед. На улице снег не такой пушистый, он давно превратился в грязный белый ковер, затоптанный и оплеванный всеми, но в этом есть своя красота. Наверху, например, на ветках деревьев этот нежный кристалл не тронут, и он такой прекрасный, будто бы выпал в первый раз. Даже удивительно, как эти клочки белоснежности смогли сохранить свой первозданный вид спустя столько времени. Это даже вдохновляет на лучшее.

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

27.01.1999 20:44

Мне не нравится вид Гвандои. Он ходит как-то странно, мало разговаривает с нами и все больше уходит из дома. Мы спрашивали его, что с ним, но он не отвечает и уклоняется от прямого ответа. Я и Лендо беспокоимся за него. Собира-

емся подыскать ему психолога: Гвандоя выглядит слишком подавленным.

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

29.01.1999 14:01

Сегодня заметил, что Гвандоя как-то повеселел. Стал более общителен и прекратил мрачно ходить по фотоателье. Мы удивились и спросили, почему он такой радостный. Гвандоя ответил, что с ним все хорошо, зима давила на него, но теперь его жизнь поменялась, он поменял свое мировоззрение. Аж гора с плеч... Я, наверно, еще буду некоторое время на взводе и пристально следить за Гвандоей, но большая часть душевных мук исчезла.

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

3.02.1999 18:11

Я не верю, но в нашем уже маленьком коллективе чувствуется какая-то... прошлая теплота. Мы снова стали так близки. Чувствуется та непринужденность и легкость, что была летом, когда мы только встретились. Я впервые за долгое время почувствовал счастье, которое никак не появлялось из-за забот. Я немного сконфужен и опьянен; даже не

верится, что все налаживается!

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

7.02.1999 1:43

Гвандоя мертв.

Комментариев: нет

Нравится: 2 людям

4.03.1999 14:57

Прошел этот страшный месяц... Я, думаю, должен выговориться сюда, что именно произошло за февраль.

Гвандоя покончил с собой. Это произошло 6.02.1999 в 16:24. Он повесился у себя в квартире. Оставил одну только записку, где говорилось, что он не может больше притворяться и делать вид, что что-то еще живо в нем. Он давно разлагался душевно, находясь в вечной пассивности. Даже когда встретил нас, процесс его внутреннего гниения продолжался. Порыв счастья от дружбы был слишком мгновенным и слабым, чтобы спасти его от смерти. Когда именно началась его депрессия, не указано в записки. Недавний распад нашего коллектива полностью выбил его из колеи, которая удерживала Гвандою от гибели. Все было закономерно - сказал он - вся его жизнь была сведена к этому моменту. Гвандоя

знал, что умрет, поэтому хотел хоть немного дать нам иллюзию счастья. Он мог еще жить, хотел, но не справился, выбрав обман и ложь. Он скрыл все свои проблемы, чтобы не втягивать нас в эту трясиину, с которой ему не удалось справиться. В итоге, эта иллюзия счастья позволила окончательно съесть желание жить нашего друга. Дальше в записке больше ничего не было написано.

Я готов был последовать вслед за Гвандоей. Оказывается, наша дружба изначально была провальнoй. Мы не знали друг друга, не знали прошлого. Мы хотели сделать настоящие и наткнулись на душевные проблемы, которые нам никак не удалось бы исправить, потому что друг другу мы чужие. Мы бежим от проблем в поисках счастья. Наши отношения строились спонтанно, поэтому не чувствовался фундамент, скрепляющий нас. Все рухнуло еще до того, как было построено. Я был одинок, поэтому никак не мог увидеть, что наши отношения были ненастоящими.

А смерть Гвандои... Это неизбежный случай, к которому я никак не имею никакого отношения.

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

5.03.1999 14:32

Я поговорил с Лендо, и мы сошлись на том, что стоит разойтись окончательно. Мы все переосмыслили. Может

быть, это плохая идея, но сейчас нам кажется, что так лучше. Лендо вернется в свой морской бизнес, а я... останусь с фотоаппаратом.

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

12.03.1999 15:24

Скучно. Скучно стало после всех интриг. Я снова вернулся к прежнему темпу жизни. Один держу фотоателье, один занимаюсь делами, один хожу по городу. Все вернулось на круги своя. Но чувствую я, что что-то не так. Что-то еще не пришло в привычный лад. Но что именно...

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

17.03.1999 9:41

Решил я выйти на улицу сегодня утром, а там настоящие чудеса! Начался ледоход, и это замечательно зрелище! Жаль рядом не было фотоаппарата. На меня это так подействовало, что я и забыл про все прошедшее. Надо сегодня успеть заснять эту красоту!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

23.03.1999 17:18

Зима кончается, а вместе с ней начинается весна! Снова все оживает! Люди становятся добрее, чем зимой, и уходят всякие ненастье, терзающие душу. Все становятся понятным! Торжествует жизнь!

Я расцветаю вместе с природой, и так хорошо! Наконец-то легкость, наконец-то простота, наконец-то счастье!

Комментариев: нет

Нравится: 1 человеку

2.04.1999 16:53

Наступила весна! Я взял свой фотоаппарат и сделал много новых фотографий удивительного воскрешения прекрасного! Отступила грусть, пришло тепло! Все хорошо!

Рассматривая свои работы, я понимаю, что все прошлые невзгоды остались позади. Пускай я стал тем же одиночкой, ко мне вернулось прежнее спокойствие и чувство красоты, которое невозможно при близком контакте с черствыми людьми, не желающих видеть прекрасное вокруг себя. Я решил, что та жизнь, что была до, была куда лучше и комфортнее, чем произошла после этого «до». В моей душе- вечная весна. Моя профессия- фотограф!

Май

–Сон! Сон, вставай!

Уже утро. Да уж, когда спишь, времени не существует. Надо вставать. Какой сегодня месяц? Число? Как холодно... Почему я так рано должен вставать? Разве от этого чья-то жизнь изменится? Как минимум, моя- точно нет. Если я опоздаю, то вряд ли это будет кого-то волновать. Наверно, только строгий дядька поругает и забудет. За окном снег. Точно, сейчас февраль. Вот почему так холодно? В школе одни изверги, не щадящих детей в такой мороз. На завтрак каша. Не хочется как-то завтракать, но и с голоду потом умирать тоже не хочется... Какая безвыходная ситуация получается.

–Сон, мы завтра уезжаем на весь день, так что дома будешь один.

–За чем?

–А где твой чай?

–Не было его...

–Я забыла его принести! Прости...

Зачем так нервничать из-за чая? Я же не какой-то принц, чтобы угождать мне. Хотя я сын. Все-таки у меня обычная семья. Плохо ли это? Так-то нет, но скукота иногда приведет к чему-то страшному... Или я просто не умею держать себя в руках. Надо все же взрослеть. Не вечно быть ребенком. Не вечно... Да?

–Спасибо. Очень вкусно.

–На здоровье!

Жуткий холод. Еще и с ветром. Если кто-то там в небесах решил, что нам слишком хорошо здесь, то он чертовски не прав. Как же переживать такой мороз, если шерсть у нас только на голове, да в других местах. К тому же, мы все это одеждой прикрываем. Мне кажется, что Боги иногда сонные или пьяные и в шутку делают нам только хуже. Все беды от нас самих... Да уж... Даже понять нельзя с такими противоречиями и совестью. Проклятие какое-то.

Снег так странно хрустит, будто уши кто-то мнет, мнет. Делать кому-то нечего. А ведь скоро весна. Тепло будет... Хорошо... А вдруг ничего и весной не поменяются, и у Богов будет дополнительный пьяный выходной? Если такое произойдет, то я всему миру объявляю бойкот. Хотя кто я такой, чтобы противостоять миру? Никто. Никто...

Серое небо угнетает. Плечи прогибаются под этими тучами. И надежды на небе нет никакой. Тьфу! Сплошная депрессия.

Какой странный мужчина. Но пальто у него красивое. Так нравится... Вот бы и мне такое. Может, родителей упросить? Что за гул? Где я? Дорога? Что?

-Сон! Вставай!

Утро. Очередное утро. Образуется какой-то круг жизни. Однообразие... Скукота... Тьма... Почему так тепло? Разве вчера не было... Все зеленое... Какой сейчас месяц? Где ка-

лендарь? Какие приятные страницы на ощупь... Май. Май? Точно? Может, ошибка? Год тот же. Май... Что происходит?

Половицы все так же страшно скрипят. Вроде, мой дом. Сколько ему, кстати, лет? Мы живем не в самом старом районе, но переехали сюда родители до того, как я родился.

Теперь хлопья. Считаю, что это самый халтурный завтрак, но такой вкусный. Удивительное изобретение человечества. Что бы делали без него все работяги и школьники, спешащие по утрам по своим делам? Все же мир так странно адаптировался к быстрому темпу жизни, что уже не представляешь вид современного человека без спешки. Прямо какая-то всеобщая привычка вечно спешить. История ли сделал нас такими, мы сами или правительство?

—Спасибо. Очень вкусно.

—На здоровье!

Странно. Разве родители сегодня не должны уехать? У меня такое чувство, что должны. Или они уже уезжали...

—Мам, а вы сегодня собираетесь куда-нибудь?

—Нет, а что?

—А вчера вы никуда не уезжали?

—Только на работу. Зачем ты спрашиваешь?

—Да странное чувство: будто вы должны уехать или сделали это вчера...

—Нет, не уезжали и не собираемся. Может, во сне приснилось?

—Во сне?

–У некоторых сны довольно реалистичны, может, и у тебя?

–Вряд ли, я никогда не помнил снов.

–Тебе пора в школу. Собирайся.

–Точно...

Странно. Очень странно.

Приятно слышать звонкие шаги по тротуару. Птицы как-то громче поют. Хорошо, что школа не так далеко! Так бы я в холод умер. Холод... Почему же я помню что-то при слове холод? Что же такого я забыл?

Скоро звонок- надо спешить. В классе уже почти все. Учителя нет, повезло.

–Сон! Привет.

–Привет, Сэм.

–Сделал тот номер?

–Да...

Так странно, что все хорошо...

Семь уроков- великие мучения. Наконец-то домой. Судьба... И почему на географии мы заговорили о будущем? Теперь думаю о нем... Я школьник, но взрослая жизнь пугает. Как я пришел к этому? Как странно думать... Одно смятение наполнило голову... Неприятное чувство туманности. Не могу сконцентрироваться. Что было вчера? Может, мне надо больше спать. Не могу как-то думать, все путается, варится, густеет, но ничего определенного не получается. Где

я? Что это за мир? Будет ли этот путь от школы таким же через пять лет? Где буду я? Стоит ли мне запоминать эту прогулку на всю жизнь, потому что завтра будет совсем иначе? Эти улицы. Это время. Буду ли я жалеть в старости о том, что не запомнил эту погоду, майскую и летнюю, этот легкий ветерок, эти мысли?

—Я дома!

—Сон, иди есть!

А, может, и не реальность все это...

Обыкновенный день, обыкновенный вечер, обыкновенный секунды. Почему-то я хочу назвать их «секундами мироздания». Почему мироздания? Что это значит? Это звучит интригующе и круто, но бессмысленно. Да и «круто» звучит не слишком умно. Слово современное дитя пытается придумать новое в мире, стараясь прославиться и показаться гением. Как сложно думать о будущем, не зная о нем ничего. Все мечты о нем становятся утопией без учета погрешностей жизни. Чья же ноша тяжелей? Молодых или взрослых? Кто прав, кто виноват? Так не хочется рассуждать об этом... Просто хочется уснуть...

Сегодня шесть уроков... Просыпаться с такими мыслями — это точно не к добру. Как сложно вставать по утрам. Мир иногда такой жестокий. Сегодня как-то холодновато. Серо... Какая переменчивая у нас погода. Скоро с ума сойдем. Все

спят, хотя уже пора вставать. Ладно, уйду, не попрощавшись.

Ветер злее стал. Режет горло. Зря я шарф не надел. Серый у нас город. Серый. Унылый и грустный... Сонный... Сонный город, очень сонный.

—Ой, извините!

—Ничего страшного. Это я невнимателен был.

Какой низкий и красивый у него голос... Какие тяжелые коробки. Через щель видны книги. А он книголюб. А пальто какой шикарное! Где-то я его уже видел... Хотя в нашем городе множество подобных красавчиков с манящей одеждой, так что, может, где-нибудь и видел...

—Еще раз простите меня!

—Ничего, ты же помог мне.

Какая подозрительная ухмылка. Точно ли в его коробках книги?

—До свидания.

—Увидимся.

Странный он мужчина. Такой таинственный. Он мог бы стать главным злодеем какого-нибудь фильма. А вдруг он мафиози и работает на какую-нибудь группировку нашего города, о которой никто не знает.

Вот и серая школа. Пустовато как-то, но и я рано прихожу.

—Эй! Мальчик! Ты куда?

—В школу.

—Так сегодня выходной.

—Да?

—Да, иди домой.

Выходной? Разве вчера была не среда? Или суббота? Я же еще Сэму обещал принести его тетрадь. Так странно. Серая погода еще больше путает мысли. Мало того, что я еле соображаю, какой сегодня день, а тут туман сгущается надо мной. Как же мне странно... Даже устаешь от этой странности сплошной.

Что это? Взрыв? Совсем рядом? Я же тут встретился с тем незнакомцем. Вот это разруха... Половину дома снесло! Кто это бежит? Стрельба? Что происходит?

Как же болит голова. Я вчера упал? Надо вставать... Ай-ай-ай! Надо спуститься и попросить таблетку от головы... На улице солнце. Погода хорошая. Может, голова болит от постоянной перемены погода? Лишь бы с лестницы не упасть.

—Мам?

—Да?

—Можно, пожалуйста, таблетку от головы?

—Конечно! Сильно болит?

—Да.

—Прости, вчера была невнимательной и уронила эти коробки с книгами. Может, дома останешься?

—Нет... Я пойду...

—Прости еще раз! Вот таблетка.

Коробки с книгами? Фу, какой отвратительный вкус! Коробки с книгами... Какой-то знакомый образ мелькает перед

глазами, но что это? Черт, что же было вчера? Сегодня четверг, но, вроде бы, вчера был выходной? Чем больше я об этом думаю, тем больше путаюсь.

Какой тяжелый портфель... И голова кружится. Я словно в забытом мире каком-то... Ничего не понимаю. В последнее время я словно нахожусь в тумане. Мир будто бы специально отвергает меня. А кто принимает? Если я останусь покинутым этой Вселенной, то кто приютит меня? Кому я буду нужен?

Звонок. Сейчас я в школе. Я хочу просто отвлечься от всех этих мыслей, которые просто мучают изнутри. Надеюсь, одно мучение отвлечет еще большее мучение.

–Ты сегодня какой-то хмурый.

–Да так...

–Не заболел ли?

–Просто голова болит.

–Понятно. Ты в последнее время какой-то туманный. Не случилось ли чего?

–Хочу спать.

–Ясно... Слушай, тебе бы развеяться. Один мой знакомый приглашает меня на прогулку в парке. Не хочешь с нами?

–Можно. Только когда?

–В это воскресенье.

–Хорошо, приду.

–Договорились. Увидимся завтра.

–Стой! А какой сегодня день недели?

–Пятница. А что?

–Ничего...

–Потерялся что ли в неделе?

–Да...

–Такое случается. Ну, бывай!

Пятница... Теперь я знаю от чего отталкиваться, если потеряюсь. Пора домой. Какой тяжелый портфель... Дойду ли я? Дойду. Куда денусь...

Сегодня был туманный день, но теперь у меня хотя бы есть событие, которые можно ждать. Воскресенье... Когда теряешься во времени эти слова становятся спасительными маяками, на которые можно ориентироваться. Значит, завтра должна быть суббота... Я почему-то потерял течение времени. Лишь бы не утонуть...

Ай! Что это? Книга? Опять книги падают на головы. Надо все-таки сделать полку для них. В любом случае, я уже проснулся.

–Сон, ты уже проснулся?

–Да.

–Сходи тогда за хлебом.

–Хорошо!

С утра пораньше работать заставляют. Как же с утра лениво все. На улице тучи... Кошмар, тоска! В такую погоду нужно ничего не делать, а меня заставляют куда-то идти. Почему все вокруг такие тираны? Может, человек сам по себе был

рожден как существо уничтожающее все на свете. Но ведь мы и милосердием иногда проявляем. Разве так сложно еще раз пожалеть меня и оставить в покое хотя бы на один день? У-у-у... Холодно... Дрянь, а не погода. Магазины в том же направлении, что и школа. Скукота. Ничего в этом пути нового нет. Однообразие и серость. Тоска и грусть.

Этот дом... У меня какое-то странное ощущение дежавю... Стоит побыстрее вернуться домой. Не нравится мне этот переулочек. Мало ли кто вылетит оттуда. Помню, как однажды меня чуть не сбил велосипедист, который решил срезать. А вглядываясь в эту темноту, мне иногда представляются странные люди, живущие в таких местах. По вечерам там слышны всякие стуки бутылок, звонкие и стеклянные, но есть и странные падения на землю чего-то мягкого, легкие стоны, тяжелые хрипы, а бывает иногда и оглушительный ор. В общем, жуткое место... Ходят слухи, что из этого переулка своих жертв похищал маньяк, из-за которого началась гражданская война в нашей стране. Но это лишь слухи.

Вот и магазин. Какое приятное свечение изнутри в этот холодный серый день. Прямо спасительный корабль. А внутри так тепло... И музыка такая спокойная. Жаль, в магазинах нельзя спать. Так бы и лег на этот твердый пол. Но мне нужен хлеб. Хлеб... Сладости, овощи, пирожки, хлеб. Вот. Так, но какой хлеб? А не все ли равно?

—Ой, извините!

—Ничего страшного... О, это снова ты! Мы часто с тобой начи-

наем встречаться.

—А разве мы...

Это пальто... Неужели это снова тот мужчина?

—З...Здравствуйте.

—Ты помнишь меня?

—Смутно.

—Но факт того, что ты меня помнишь ужасен. Сны не запоминаются.

—Сны?

—Да... Нет! Только не говори мне, что не понимаешь, что ты находишься во сне?

—Во сне? Меня мама за хлебом послала...

—Аля капут.

Крайне странный мужчина. Но без шляпы я могу видеть его темное лицо. И голос полностью сочетается с его внешностью: грубая физиономия с нежными глазами и невзрачными деталями. Несмотря на его большое телосложение, он довольно энергичен.

—Пойдем я тебе лучше все объясню

—Куда?

—На улицу.

—А хлеб?

—Мы во сне, так что все равно.

И опять этот холод. Как же противно на улице. Куда он меня ведет? Он сворачивает в тот переулок... должен ли я идти за ним? Не убежать ли домой- что меня держит? Что-

то отталкивает меня от этого места. Я все же должен...

–Тьфу! Забыл. Ты же просто так не можешь пройти за рамки сна. Сейчас будет больно, так что готовься.

–Отпустите!

Нет-нет-нет! Только не в переулочек! Ай! Как же все болит! Кожа слезает с тела! А-а-ай!!!

–Сейчас выберемся!

Как же больно!

–Ну, все.

Как ярко. Боль отпустила. Ноги не держат. Здесь тепло...

–Да, в первый раз это довольно неприятно. Мне тоже сложно было, но теперь, после бесконечных полетов между снами, я привык. Ты пока полежи, сейчас пройдет.

Это море? Как же я устал... Такой песок горячий. Погода прекрасная. Хорошо...

–Вижу тебе лучше. Я могу начинать?

–Что?

–Свой рассказ.

–Да...

–Ты в беде. Ты начинаешь терять грань между сном и реальностью.

–Что?

Что за бред?

–Хорошо, начнем еще раз. Реальность и сон. Ранее эти два понятия были синонимами. Разум не спал, не просыпался. Он находился в вечном дне, в вечной энергии и активно-

сти. Но потом появилась Вселенная со своими законами, и на планетах, куда нас заперла эта змея, мы образовали жизнь. Появились день и ночь, и еще куча земных понятий природы, которые усложнили жизнь. Одним предложением: между сном и реальностью появились различия. Сон стал более всемогущим, но ограниченным временем. Реальность адаптируется к новым законам природы, оттого она скучная, опасная и долгая. И вот между двумя бывшими товарищами появилась граница. Как она выглядит, что она из себя представляет - никто не знает. Быть может, это момент, когда разум начинает уставать в реальность и ослабевать, отдавая весь контроль сну. Но факт того, что эта граница есть, существенный. И к чему это все: твоя граница постепенно исчезает.

-Это плохо?

-Это смертельно.

Смертельно? Я умру?

-И... Что мне делать?

-Разнообразить свою жизнь. Она слишком скучна.

-Как это со сном и реальностью?

-Твоя жизнь настолько неинтересная, что ты постепенно погружаешься в вечный сон. Граница стирается. Если сон захватит твою реальность, тот ты окончательно исчезнешь и станешь потерянным странником в полном хаосе этого мира грез, где тебя, скорее всего, убьют в первую же минуту твоего обитания здесь. Так уже было со многими.

-Что за бред?

–Увы, правда.

–И как я найду то, что мне нужно?

–Я не знаю.

–Вот так сразу...

–Да. Я не владелец твоей жизни. Ты хозяин своей судьбы.

–Даже подсказки не будет?

–Ну, попытайся заняться другими вещами. Сделай свою жизнь ярче.

Жизнь ярче... Значит, я должен занять себя чем-то. Но разве я не занимаюсь такими делами, как... Точно... Я же ничем не занимаюсь. Тогда его совет очень дельный.

–Кто ты?

–Я тебе, вроде, уже говорил.

–Нет.

–Значит, скажу. Ты не должен знать, кто я такой.

–Почему?

–Хочется остаться таинственным незнакомцем. Да и, если у нас все получится, то ты все равно забудешь меня, ведь я существую только во снах.

Только во снах... И я тоже во сне. И я в опасности. Я знаю, что мне делать, но не знаю, что происходит. Почему он помогает мне?

–Почему ты помогаешь мне?

–Такова моя работа.

Работа... Он работает во сне. Сколько ему платят?

–Ладно, засиделись мы здесь. Пора тебе возвращаться в

свой сон и просыпаться. Пошли за мной.

Косолапит немного. Шатается туда-сюда. Странный тип, но, видимо, не злой. Хотя эта «аура таинственности» не кажется мне такой уж естественной.

–Держись и не смей дергаться.

Что? Мы снова?.. Ай! Больно! Опять все тело наизнанку! Ай-ай-ай! Как же горячо!

–Немного еще!

–Умирая! Так больно...

–Все!

Воздух! Так хорошо... Тело остывает... И плитка такая прохладная. Хорошо...

–К этому надо привыкать, поэтому лежи. Все равно скоро просыпаться.

–Про... Просыпаться?

–Ты же во сне.

–Точно...

–И в этот раз уже быстрее восстановился. Уже хорошо.

Это сон, и я скоро проснусь... Как же приятно осознавать нынешнюю ситуацию... Ты жив, просто спишь. Спишь. Спишь...

Что? Где я? В кровати? Но разве я не лежал на асфальте? Или я... проснулся. Это получается, что сейчас я нахожусь в реальности. В реальном мире, где царит обычная жизнь. И здесь я не встречу этого загадочного мужчину. Ведь так?

Все хорошо?

–Сон! Собирайся! Ты опаздываешь в школу. Тот факт, что сегодня суббота, не позволяет тебе пропускать учебу!

Суббота? Значит, завтра воскресенье. И завтра я должен пойти в парк вместе с Сэмом. Точно... «Сделай свою жизнь ярче». И как я должен сделать ее ярче? Учитывая, что сегодня я также иду в школу по одной и той же дороге, где деревья не меняют своего положения, а здание школы не улетает куда-то ввысь, будет сложно разнообразить эту скукоту. Пойти другой дорогой? Это скучно. Да и вряд ли что-либо изменится. Я привыкну к новому, и все заново. Как я должен что-то менять в жизни, если все вокруг не меняется? Поменяться самому? Так, сейчас урок, потом, все потом.

–Ты же помнишь про завтра?

–Да, помню.

–И время помнишь?

–И время.

–И даже место?

–И даже место.

–А ну-ка, скажи, где мы собираемся?

–Возле памятника «Свобода».

–Верно. Помнишь.

–Помню.

–Тогда до завтра.

–Завтра.

–Какой завтра день недели?

–Воскресенье.

–Хорошо... Бывай!

Любит Сэм допытываться вопросами. В отличие от меня, он довольно общительный, но все же более эмоциональный. Я уже мутно помню, как мы познакомились, наверно, это не была такая уж судьбоносная и грандиозная встреча. Вроде, мы просто заговорили о чем-то, что нас тогда обоих интересовало, и это что-то так и осталось единственным сходством. Однако общение по какому-то противоречивому закону социологии оставалось тесным и дружеским. Сэм, хоть и был общительным, но имел свое особое одиночество во всеобщем непонимании своей души. Как я загнул... Сам почти ничего не понял... Но да- Сэм был одинок из-за своей общительности, за которой скрывался ранимый, уязвимый и испуганный ребенок, боящийся идти во взрослую жизнь. Людям хватало и этого вечного позитива, чтобы не углубляться в проблемы чужого. Людям хватает своих проблем, они не хотят смотреть за спину открытого с виду и дружелюбного человека, ведь, по их мнению, «все с ним хорошо». Нет. Не хорошо. Совсем нехорошо...

–Я дома!

–Привет, Сончик!

–Привет.

–Как школа?

–Хорошо.

–Что нового?

–Ничего.

–Совсем ничего?

–Совсем.

–Тогда переодевайся и иди есть.

–А что на ужин?

–Рис с мясом.

Что-то я задумался... Сэм человек-яма, которая замаскирована улыбкой дружелюбия, но стоит только всмотреться... Так, хватит рассуждать. Сейчас мирный вечер- время отдыха, а потом... Спать... Наконец-то спать. Завтра я иду гулять. Когда я в последний раз с кем-то прогуливался? Год назад? Два? Одним словом, давно. Есть небольшое волнение и дрожь... Лишь бы не проспять, а то бывает так, что перед чем-то важным всегда крепче спиться, потому что долго не можешь уснуть из-за нервов. Так, все, иду спать...

Сколько сейчас времени? Только 8? Больше я не усну... Придется вставать. Опять сырая погода. Мы живем в каком-то аномальном городе, где нет постоянного неба над головой. Такие перепады погоды плохо влияют на самочувствие. Ведь кто-то из стариков -особо чувствительных к небу за окном- и помереть может. Да уж...

Надо сказать родителям, чтобы половицы починили. Иногда я думаю, что живу в древнем домишке, пережившем не один десяток лет: все вокруг живет своей жизнью, разговаривает, дышит. Моя мама как-то изменилось... Или мне ка-

жется. Фартук тоже, футболка та же.

–О! Ты проснулся! Доброе утро.

Это... Он?!

–Что... Ты здесь делаешь?

–Все куда хуже. Граница почти исчезла.

–И ради этой новости ты переоделся в мамину одежду?

–Тебе ли не все равно? На кону твоя жизнь.

–Хорошо...

–Этот сон будет коротким. Я покажу тебе, как выглядит эта граница, а затем ты проснешься и хоть убейся, но найди свое место в этом мире.

–За один день?!

–Если ты хочешь умереть, то можешь не спешить особо.

Но поверь мне, это мучительная смерть.

–Хорошо...

–Отлично, пойдём.

Как же все происходит стремительно. Стоп, а куда он идет?

–Ты куда?

–В коридор мед миров, а что?

–Ты ведь просто лезешь в раковину...

–Ну да. За мной!

–Куда?

Он просто провалился, словно упал в колодец! Что же там? О! Да здесь настоящая впадина! Мне туда прыгать? Точно ли надо? Но моя жизнь... Как сердце стучит... А что

если я промахнусь и врежусь в стену? Будет больно. Ай, ладно!

Я падаю... Какой сильный ветер! Это небо вокруг? Но небо не может быть зеленым! Голубым... Красным? Оно меняет цвет! Где я нахожусь?! Если я падаю, то когда-нибудь встречу с землей и... Нужно срочно... Ай! Меня что-то подхватило? Но что? Я чувствую землю...

–Приятной посадки.

–Я жив?

–Вполне себе. Есть жалобы насчет транспорта?

–Нет, вроде...

–Хорошо. Теперь смотри: вот она- граница меж миров. И она вся твоя.

Это... Звездная река... Она словно дамба, которая стоит между двух рек. Вот красная таинственная река... А вот так отражает мой город. Да так точно...

–Вот тот мир, где твой город- реальность. А тот со всяким бредом- сны, правда, они у тебя серые, хотя и от реальности не отличаются. А та завораживающая полоса огоньков и есть граница.

–Какая узкая...

–Вот. Значит, скоро исчезнет. В ней нет ярких моментов. Она напрямую связана с твоим психическим состоянием. В ней уже есть трещины, в которых смешиваются два мира.

–Почему они такие серые?

–Каждый из миров уникален и имеет свои краски, однако

при смешивании реальность больше захватывает восприятие мира, а сон занимается всем остальным. Если реальность серая, то и сон будет серым, если они перемешаются. В общем, тебе надо найти интересы в жизни не только ради того, чтобы перекрасить реальность, но и чтобы граница, как уже не раз было сказано, не исчезла. Граница очень восприимчива к цветовой гамме и малейшим изменениям влияния двух миров. Если ты все больше спишь, значит в тебе преобладает сон, а если еще и реальность скучная, то... Лучше скорей со всем этим справиться.

—Почему ты помогаешь мне?

—У нас нет причины, чтобы не помогать другим. Это наша работа. Это наша жизнь. Так мы устроены.

—Понятно...

—Тебе пора просыпаться. Я же говорил, что сон будет коротким. Дальше все лежит на тебе. Удачи.

—Спасибо.

Воскресенье. Сегодня я обязан найти свое увлечение. Который час?

—Сон, ты куда?

—Гулять.

—С кем?

—С друзьями.

—С какими?

—Что за допросы?

–Мой Сончик впервые за долгие годы идет гулять!

–Не драматизируй, я же ведь тоже подросток.

–Ты ответь-то, с кем идешь?

–С Сэмом.

–И все?

–И все его друзья.

–Хорошо. Смотри, чтобы прибыл вовремя и ничего плохого не делал!

–Разумеется, мам. Пока!

–Удачи!

Как-то все у меня хорошо. Родители вполне нормальные, жизнь обыкновенная, без каких-либо приключений. Это скучно и неинтересно. Может, вот в чем дело? Вот почему моя граница исчезает? Моя жизнь слишком хорошая, в ней нет интриги, тревог, переживаний. Я словно пустой манекен, который живет. Я никогда не испытывал ярких эмоций, все они были скучными, не радовался чему-то так сильно и не грустил до удручающей меланхолии. Я жил спокойно. Прошли те времена, когда наш городок восстанавливался после войны. Тогда люди переживали перемены, их чувства имели определенный вектор развития. Сейчас все слишком хорошо. Сейчас мы можем жить обычной жизнью школьника. Нам грех жаловаться, но странно, что взрослые ругают нас за слабость поколения. Мол, нынешний народ- пустые тряпки, но разве сейчас нужно так же страдать, как и в прошлом? Если раньше дети боялись свиста пуль, то сейчас они

не знают, что такое оружие. Оттого в новых людях нет богатого внутреннего мира- они попросту не могут прочувствовать все, – оттого мы не такие сильные духом- укреплять этот дух попросту нечем и оттого нет патриотизма в нас, не можем мы жить прошлым, мы оцениваем людей по нынешним заслугам повседневности. Дело и в нас, и в воспитании, и в обществе- во всем. Так что я не думаю, что стоит ругать нас, новое поколение, нужно изменить подход к развитию умов.

–Сон!

Что-то я прям ушел в свои думы, не заметил, как уже возле парка.

–Со-он!

Кто меня зовет? А...

–Сэм!

Кто это с ним?

–Привет. Это брат мой, Даниэль. Тоже захотел погулять.

–Привет.

Какой у него протяжный голос, да и тоже высокий, как у брата.

–Доброе утро.

Рука мягкая. Не то, что у Сэма: твердая и мозолистая. Ну, раз ему так нравится спорт, то пусть продолжает приносить жертву ради здоровья.

–Что ж, они ждут нас возле Защитников. Пойдемте.

–Пойдем.

Сразу видно- братья. Так дружно и понимающе они раз-

говаривают друг с другом. Если б у меня был такой родной брат или сестра, то оказался бы я в данной ситуации? Хотя я мог и возненавидеть его или ее. Кто знает? Отношения братьев- штука сложная. Нельзя в этом деле следовать стереотипам одной крови. Нельзя. Семья разные бывают. Оттого и стереотипам не место.

—Цуль, привет!

Как громко ты орешь, Сэм. Мы уже дошли? Быстро. А кто эти люди? Какой-то беловолосый болванчик, похожий на Сэма, но взгляд у него пронизательный. Глубокий и немного мертвый даже. Такой же белый, как и волосы. Сразу видно, неоднозначный тип. А рядом с ним стоит какой-то скромняга. Челку себе отрос из-за стеснения. Видно, что он очень интересный человек, смотрит на меня так оценивающе, что немного мурашки по коже идут. Лучше бы я не встретился с ним взглядом.

—И вам привет.

Голос у Цуля приятный, такой... не слишком низкий, но и явно невысокий.

—Добрый день.

А у этого паренька очень даже бархатный голос. Он мог бы даже заняться озвучиванием или пением. А вдруг он музыкант? Нет. Такой скромняга, как он, не может быть музыкантом.

—Ждем дам и идем гулять. (Цу)

—Как скажешь. (Сэ)

—Ну, как твои дела, Сэм? (Цу)

—Нормально. Давно мы с тобой не гуляли. (Сэ)

—Да... Написал хоть? (Цу)

—Написал, а вы? (Сэ)

—Сложно было. Еле через порог переступил. (Цу)

—Сон, как написал? (Сэ)

—Что написал? (Со)

—Тест. (Сэ)

—Нормально. (Со)

Пустяковые разговоры. Но почему мне так приятно на душе? Почему внутри какое-то странное тепло? Спокойствие и воодушевление... Это счастье?

—Ребята!

Кто это? Какие-то девушки. Они с нами идут гулять?

—Марго, где вы пропадали? (Цу)

—Дама свойственно опаздывать. (Ма)

—Главное, что вы пришли. Давайте я вас познакомлю. Это Марго... (Цу)

—А это Лиу, моя лучшая подруга. (Ма)

Новые люди. Рыжеволосая энергичная, в ней много сил, или она так взволнована, что не может найти себе место.

—Рад встрече. (Дани)

Такие странные люди, такие странные ощущения внутри. Я... Все иначе. Все. Как-то светлей стало, и небо яркое, а солнце... Это счастье?

—Куда пойдём? (Ма)

–Думаю, к фонтану, а там посмотрим. (Цу)

–Решено! Вперед! (Ма)

Надеюсь, что это будет веселая прогулка, потому что я чувствую счастье...

Да... Это весело иметь друзей... С ними так легко. Они приняли меня таким, какой я есть, и на душе словно что-то засветилось. Какой-то яркий ориентир- маяк. Он что-то зажег впереди. Мне следует идти за ним. Я не потеряюсь с ним в будущем, я уверен. Это чувство определенно освежило мою душу. Я впервые чувствую такое прекрасное созерцание с жизнью...

–Сон, ты веришь в магию? (Ма)

Верю ли я в магию? Конечно, да.

–Да. (Со)

–Почему? (Ма)

–Только не надо снова про призраков. Ты уже все уши пропела нам ими. (Цу)

–Ой, ну тебя! Так почему ты в них веришь? (Ма)

–История довольно фантастическая. (Со)

–Вся мистика- это фантастика! (Ма)

–Ну... (Со)

Я рассказал им все. Этим людям, которых вижу впервые. Странное доверие во мне, а может, это просто равнодушие к ним? Нет... Я определенно доверяю им так глупо и наивно,

что рассказал им про такой бред. Поверят ли они мне?

–Это... Правда? (Ма)

–Да. (Со)

–И вся эта граница правда существует? (Ма)

–Да. (Со)

–Ты точно не врешь? (Ма)

–Не вру. (Со)

Она поверила? Сэм и Цуль в задумчивости. Но они не осуждают, не смеются... Они... Понимают!

–А ты можешь как-нибудь избежать смерти? (Ма)

–Могу. Я должен найти смысл жизни. (Со)

–Как... Найти... (Ма)

–Ну, я должен найти то, что будет вдохновлять меня жить, без чего моя жизнь продолжит быть серой. (Со)

–Любимое дело? (Дани)

–Не только. Это может быть все. Это же смысл жизни... (Со)

–Тебе помочь? (Сэ)

–Что? (Со)

–Тебе помочь справится с этим? (Сэ)

–Что ты имеешь в виду... (Со)

–Мы станем для тебя теми, кто будет помогать тебе искать. Может даже, станем твоим смыслом жизни. (Сэ)

–Вы?..(Со)

Что это такое? Слезы?.. Они так тепло приняли меня и стремятся помочь... Кто они? Они незнакомцы? Или дру-

зья... Ноя знаю их меньше дня... Это точно правильно? Это правда реальность? Может, я уже не существую?..

Я уснул! Надо быстро его найти. Я чувствую, что что-то внутри меня крепчает. Улица. Светлый вчерашний день! Все смотрят на меня, но это сон. Разницы нет. Бежать. Он всегда появляется где-то на моем пути, он наблюдает. Он рядом.

–Ты! Где ты?

Крики бесполезны. Но мало ли он услышит...

–Ты тут?

–Чего ты орешь?! Дай поспать!

И тут нет. Где? Где он? Магазин. Точно! Он в магазине. Что? Он закрыт? «Откроется в 8:00». Время... существует...

–Ты! Где ты?!

Я знаю, знаю, что ты меня услышишь. Только где ты? Где?..

–Если тебя нет, то...

Неужели? Неужели я в реальности? Я забыл сон? Это значит, что моя граница восстановлена... Это значит, что я вновь буду спать, что я не умру. Но... Это значит... Что я его больше не увижу... Я не смогу даже отблагодарить его. Нужны ли ему благодарности, это же его работа? Но я хочу его отблагодарить... Его ведь не помнят, а он спасает жизни... А если я еще помню его, то...

Я все еще помню сны...

Июнь

–На что тебе море?– седой и крупный моряк восседал над всеми во время вечернего пира в его небольшом магазине рыбацкий принадлежностей. В этот июньский день в дом старого капитана вбежал мужчина с просьбами податься в юнги. Владелец магазина молча слушал его, а затем, после окончания раскаяний, пригласил чужака на ужин. И вот сидят мужчина, капитан и его помощник за одним столом, полным разных даров моря.

–Я хочу уплыть от этого мира. Уплыть и отдаться морю,– молил мужчина старика.– Прошу, возьмите меня в юнги!

–Нет,– грозно отвечал капитан.

–Почему?

–Волдрин, принеси чаю.

–Вы расскажите ему свою историю?

–Как видишь, ситуация серьезная.

–Но ведь вы не любите ее вспоминать.

–Не спорь. Иди.

–Хорошо.

Матрос скрылся за дверью, капитан хмуро, оценивающе и тяжело смотрел на гостя, раздумывая, стоит ли ему знать об этой истории. Видя взволнованные и красные глаза чужака, старик тяжело вздохнул и медленно доел свой ужин. Волдрин принес горячий чай и сел на свое место. Капитан еще раз вздохнул и начал:

–Четыре года назад к нам зашел посетитель. Он молча

рассматривал товары в моем магазине, однако ничего не брал. Я изредка на него поглядывал, думал, вор какой-нибудь. Тогда народу было немало: сезон рыбалки после затяжной и холодной весны наконец начался в наших краях. Да и я еще не успел закрыть все витрины стеклом, так что мое подозрение лишь крепчало. В любом я видел крысу, готовую своровать припасы, а этот пассажир особенно выделялся. Он так и рассматривал мои богатства, пока трюм не опустел, а вокруг не образовался штиль. Когда последний гость вышел, мужчина подошел ко мне и вежливо спросил:

–Здравствуйте, вы юнг не набираете?

Я удивился и немного сконфузился от такого вопроса. День был тяжелым, я- уставшим. Немного посмотрев на него в непонимании, я ответил:

–Нет.

И вдруг переменился в лице: глаза его наполнились морской водой, губы задрожали, как поплавок, голос молился, тело падало на колени.

–Возьми, старик! Возьми, чего тебе стоит?

–Иди домой,– я хотел сказать эти слова с жалостью, однако из моих уст они вырвались грубыми и небрежными.

–Мне некуда идти!– он зарыдал и неожиданно впал в истерику. Я с Волдрином поднял бедного чужака. Когда он успокоился, мои руки почему-то поддегивались. Такое бывало обычно в случаях крайней опасности- такая у меня своеобразная «чуйка». Я подумал, что если не возьму его в юнги,

то быть беле, поэтому спросил:

–Как некуда идти?

–Так! Все бросил! Все! Все ради моря!

Я ничего не понимал. Час был поздний- вот и спросил:

–Может, есть хочешь? За ужином расскажешь нам всю свою историю.

Он вытер слезы и сказал:

–Хорошо.

–Волдрин тут же накрыл стол, я закрывал магазин. Прихожу, усаживаю гостя, кормлю его. Он ел так жадно, так жалко, словно не ел сутки. При первом взгляде казался сытным и человеком в достатке, оттого-то я удивился его аппетиту. После того, как гость наелся и окончательно успокоился, он со вздохами начал свой рассказ:

–Я работал в офисе в одной крупной кампании. Зарплата была немаленькой. В школьные годы, признаться честно, выбрал не тот путь. Бросить свое место заработка я никак не мог: женился на девушке, которую очень любил. Ее звали Дария. Потом и дочка у нас родилась- Алина. И все хорошо было. Спокойствие, уют, любовь, но я был несчастлив. Что-то вечно в груди сжимало, постоянно просило выплеска, но что это было? Оно не мучало еня, а просто зудило. Зудило, но вычесать его я никак не мог. Оттого постоянные дискомфорт не отпускал меня. Никак и нигде не мог найти себе постоянного место, вечно маялся где-нибудь, не получалось полноценно отдохнуть. Однажды мне предложили

поехать в командировку вместо моего коллеги, который то ли заболел, то ли не захотел, то ли уволился. Или у него появился ребенок... Неважно. Я согласился. До этого мне не приходилось особо путешествовать даже загород. Я был замкнут в одном городе, в котором провел всю жизнь. Волнение было сильным: я оставлял семью, истоптанные дороги, уезжал от родного и боялся неизвестного. Все же самое страшное в наших фантазиях - это наше преувеличение. Наконец, я уехал. Для меня мир за городом оказался фотографией в телефоне. Эти пейзажи... Они такие разнообразные, уникальные, неизвестные. Конечной моего недолгого путешествия оказался этот городок. Он показался мне таким бедным и дряхлым по сравнению с моим ухоженным и чистым домом, что мне сразу не понравилось тут. Я хотел сразу же, после окончания работы, уехать обратно, но... Я вышел на береговую и увидел море... Море... До этого я видел его на фотографиях, но глядеть на эти волны вживую... Это просто... Я не могу это описать. Нет, могу! Когда я увидел море, зуд внутри меня прошел. Впервые. Он исчез! Стоило мне узреть это бескрайнее море, как вся тревога вмиг ушла! Это было удивительно! Я весь день просидел, наблюдая за волнами. Они так сильно манили меня, будто я с детства имел особую связь с этим местом. Сердце стучало, я почувствовал его звук. Оно тут же забыло все старые «люблю», для него открылось истинное предназначение, которому то должно отдаться без сомнений. Море... Вот. Вот, что я искал. Нет, не

искал. Чего требовал. Чего требовала моя душа. Именно от этого простора мои ложные страхи старались оградить меня- им хотелось побыть во мне подольше- но я вырвался! Я увидел его! Я увидел море. Я так и просидел все командировку на побережье, смотря на волны. Я чувствовал такую сильную любовь, которую чувствовал ни к кому и ни к чему более. Эта особая и крепкая любовь к всеобъемлющему и просторному может смешить, однако она была во мне и сместила все прежние ценности, поставив на первую полку себя. Это было столь уникальное для меня явление- это море- что мне становилось невыносимо больно при расставании с этим чудом. Но я вынужден был уехать... Вернулся в родной город. Теперь он вдруг стал мне неродным. Все, что раньше грело сердце, теперь казалось скучным, однообразным. Это похоже на встречу с давним другом, которого не видел много лет, и теперь у вас нет общих тем для разговоров, нет общих интересов. Он изменился, ты изменился. Вы оба ощутили тяжелые перемены взросления. Но кто вырос- вот главный вопрос. Однако все в мире относительно. И с моей точки зрения родной город уже не был таким опрятным, ухоженным. Небоскребы не создавали чувства уюта, когда ощущение защищенности окунает тебя в былые ясли под присмотром матери. Темные переулки не так сильно пугали, они стали вдруг ярче, и оказалось, что в них живет не армия огромных и сильных бандитов, а жалкая кучка алкоголиков, которая даже сея на ноги не может поднять. И не становится так

страшно и жутко, а иногда хочется сесть рядом с ними и исчезнуть за мусорным баком. А потом своими пьяными воями пугать таких же, как я раньше. Но сама трагедия заключается в холодном моем обращении к семье. Моя драгоценная Дария уже не влюбляла, не вдохновляла, не утешала. Она все больше раздражала, а про Алину я и вовсе забыл. Эта девочка все равно ребенок, все забудет, так смысл стараться быть хорошим отцом, когда внутри тебя нет ничего хорошего? Я не мог оставаться в этом месте, что растило меня. Я хотел убежать к морю. Я чувствовал, что оно хочет ощутить мое присутствие на его непроглядной дали. Ни одна суша на свете не может сравниться с морем. Я плакал по ночам, мне снились волны. Я не мог работать, в мое голову лезла водная гладь. Я не могу любить, мое сердце было занято морем. Я долго страдал, мучился. Пытался найти хоть какое-нибудь утешение, но тщетно. Я уволился. Ничего не говоря Дарии, втайне собрал вещи, забрал все необходимое и уехал. Бросил семью... Бросил их, как котят на улице. Мне так стыдно! Больно! Но море... Оно не дает мне покоя. Если бы я остался, то умер бы. Неважно как- умер! Море было моей мечтой, которой у меня никогда не было. Я был словно заключенным революционером, которого заперли в карцере: Он так же думал только о свободе, как я о море. Это было вынуждено. Я все понимаю. Понимаю, что нет мне оправдания, нет прощения. Понимаю, что мне закрыт путь в Рай. Я заслуживаю самых ужасных наказаний в аду! Я все, все понимаю! Но мне

нужно было только море. Я приехал снова в этот городок, и теперь у меня не было ограничений по времени, моральным причинам. Только море... Оно, кажется, тоже было счастливо видеть меня! Не на шутку взволновалось, подняло целый шторм! Море так радовалось моему появлению. Я чуть ли не жил на побережье. Меня волновали людские взгляды. Их сердце не могло понять всей моей радости. Я, наконец, обрел покой... Но потом у меня стали кончаться деньги. Я, хоть и презираю эти бумажки, но понимаю, что без них не дадут насладиться морем. Из-за этих ноликов мы теперь думаем, что за все нужно платить. Ужас! И вот, бедный, но счастливый, я услышал, что вы берете в свою команду юнг и захотел присоединиться к вам, чтобы еще ближе стать к морю. Даже специально на последние деньги раздобыл приличный костюм. Примите меня грешного, прошу вас! Примите! Иначе все кончено!

Я смотрел на него и понимал, что передо мной самое жалкое и самое гнусное существо, которое когда-либо вступало на трюм моего магазина. Он нервно поглядывал в окно, постоянно дергаясь на месте. Видя внутренние мучения гостя, я попросил Волдрина открыть форточку, а сам чувствовал внутри смятение, которое давно не ощущала моя черствая душа. Учувя соленый прибрежный воздух и услышав шум волн, чужак успокоился и даже задремал. А я все смотрел на него и размышлял о его рассказе. Такая неоднозначная история смутила меня. Мой многолетний опыт и спокойная

жизнь всегда находили решение из сложной ситуации, но тогда этот незнакомец впервые за много-много лет заставил меня глубоко задуматься. Он был еще молод, но уже так грешен. Его любовь к морю, однако, была знакома мне. Я словно увидел перед собой родственную душу в этом океане людей, как рыба, наконец, находит особь такого же вида. Стоило мне задуматься о его привязанности к водным просторам, как история этого чужака показалась мне не такой аморальной. Стыдно признаться, но я даже ему сочувствовал. Я понимал его. Как только пришло осознание этого, за ним последовали отвращение и гнев к самому себе, которые смыли все страшные предрассудки. Однако я еще раз взглянул на незнакомца и спросил:

–Как зовет тебя?

Мой голос оказался слишком громким и раскатистым: тишина раздумий была удивительно подводной. Он вдруг очнулся, словно притворялся спящим, удивленно и с надеждой посмотрел на меня и ответил:

–Дил.

–Я согласен.

–Что?– его выражение лица тут же стало похоже на гримасу безумца. Лоб и щеки сразу разгорячились, а дыхание участилось.

–Я готов взять тебя в юнги.

–Правда?– он так неожиданно и быстро вскочил, что разбил чашку.– Ой, простите...

–Хм, да, правда.

–И когда я могу приступить к делам?

–Думаю, завтра.

–Ура!– он подскочил настолько высоко, что чуть не разбил люстру, хотя сам соответствовал второму или третьему росту.

Затем Дил повернулся и собирался уходить, но я его окликнул:

–Эй, куда собрался?

–Ну, так... к морю.

–Сейчас холодно...

–Мне не впервой.

–Сыро...

–Это море обнимает меня.

–Нет, будешь жить у нас.

–Можно?– он с тюленьими глазами взглянул на меня.

–Можно.

–Спасибо вам! Я не займу много места, да и вещей у меня немного, а...

–У тебя их и нет.

–Почти. Кошелек и...

–Громоздких вещей у тебе нет, ведь так?– я уже пожалел о своем выборе.

–Да, нет. То есть... Нет, у меня громоздких вещей нет.

–Тогда поселим тебя на чердаке.

–Вы уверены, капитан?– Волдрин у меня добрый парень,

но немного рассеянный и скромный. К чужакам он всегда относится с опаской и недоверием.

–Да, уверен. Я недавно утеплил его. Хотел сделать там небольшую кладовую, но не судьба.

–Если я вам мешаю, то могу жить под витринами. Не хочу вам мешать,– Дил тут же сделал виноватое и грустное лицо.

–Спокойно. Если я сказал, что ты будешь жить у нас, значит, так и будет.

–Спасибо вам огромное!– я видел, как он еле сдерживался от объятий. Однако затем его лицо стало озабоченным.– Но...

–Что?

–С чердака будет видно море?

–Да, будет.

–Хорошо,– облегченно выдохнул он.

Дил уже хотел меня обнять от счастья, но Волдрин, зная мое отношение к подобным нежностям, поймал безумца, и тот накинулся на него. Пока мой бедный помощник принимал все благодарности, я убрал все со стола и подошел к Дилу.

–Пойдем, я проведу тебя на чердак.

–Хорошо!

Поднявшись по лестнице и открыв давно запылившуюся дверцу, мы вошли на чердак.

–Какое уютное место!

–Рад, что тебе понравилось,– я оглянул комнату.– Надо

бы здесь убраться...

—Я уберусь!

—Придержи паруса. Неизвестно, что ты тут наделаешь. Уборкой займемся мы.

—Я хочу помочь!

—Хорошо, будешь помогать, но не мешать.

—Есть, капитан!

Я знал, что с ним будет сложно. В молодости и сам был таким активным, самоуверенным и мечтательным, но он еще и взрослый ребенок, а это куда сложнее. Морское дело требует дисциплины, оно не терпит своеволия. Капитан- глава небольшого государства, называемого кораблем. Все остальные на территории судна обязаны подчиняться главному. В пылкие годы я не мог ни с кем равняться, никого не ставил выше себя. Мне потребовались многие месяцы, чтобы принять законы моря. Если я привыкал чуть ли не десятилетия к новым правилам океана, то Дил... Мне было страшно представить, привыкнет ли он к устоям моря или нет. Я, безусловно, надеялся на его безудержную любовь к водной глади, надеялся, что ради моря он пойдет на все. Его привязанность к волнам шла параллельным зеркалом с моей.

Мы быстро перестроили чердак, не прошло и дня. Иллюминат, ведущий к морю, не был таким уж большим, чтобы полностью насладиться этим сливающимся с горизонтом небом. Однако новому члену моей небольшой команды этого было достаточно. Он с большой радостью поселился и

стал привыкать к жизни морской.

Прошло три года. Наша небольшая команда пережила много всего: восстановление после гражданской, новые кризисы, болезни, наводнения. Однако мы держались друг за друга. Дил, на мое удивление, быстро привык к непростой жизни матроса. Каждый день рядом с морем делал его счастливее. В первом своем плавании он чуть не утонул: так глубоко окунулся под воду, что еле всплыл, когда осознал, что задыхается. Этот чудак был счастлив так сильно, что забыл про воздух. Но жизнь с ним, безусловно, была интересной. Я видел в Диле себя молодым, оттого во мне просыпалась какая-то отцовская любовь к нему. Не подумай, что я самолюбив. Да покорят меня черти, но я ни за что не признаю в своем сердце кого-нибудь выше, чем море! Смотря на чудака, я вспоминал свои ошибки прошлого и хотел сделать путь к освоению океана для этого безумца чуть легче.

Да... Наша жизнь была настолько обыденной и простой- без приключений- что и описать-то нечего. Хотя, чего это я говорю? С Дилом было очень много приключений, но все они просто оставались позади последнего плавания...

С чего бы начать... Наверно, стоит дать старт этой истории с момента увлечения морального голода к морю у Дила. Вот это я сказал... Если быть проще, то Дилу стало мало только видеть море и быть рядом с ним. Он хотел слиться с водой, оставшись в живых. Его амбиции росли, и теперь наш чудак готов был совершать любые подвиги, лишь

бы стать достойным океана. Дил захотел сместить Посейдона. Вот умора! Думаю, вы поняли, что он потихоньку сходил с ума. Он, наверно, год назад этим увлекся. Я бы закрыл на все это глаза, если бы не частые ночные посещения моря нашего романтика. Мне часто приходилось не спать, присматривать за ним. Я бы мог не надрываться и оставить все странности вместе с этим безумцем, все же он самостоятельный мужчина, но мне казалось, что именно мой присмотр, мой взгляд мешает Дилу совершить глупость, которая ничем хорошим не закончится. Именно это странное ощущение пугало меня. Конечно, много поменялось, да и судьба насолила. Я стал нервным, атмосфера в нашем маленьком коллективе накалялась, Дил все дальше отплывал к морю. Но нас связывал какой-то канат, завязанный крепким узлом. Казалось, несмотря на все трещины на бортах нашего корабля, мы все равно оставались на плаву...

Неожиданно в наш магазинчик приехал брат Волдрин-Лендо. Он уже работал с нами, однако решил открыть свой бизнес рыболовных снастей в другом городе. Его дело стало более прибыльным и масштабным, но Лендо умеет ценить прошлое, которое привело его к настоящему. Мы с каждым его посещение нашего скромного хозяйства принимали бывшего сотрудника как родного, особенно Волдрин. Для нас это был праздник, переросший в традицию. И тот приезд не стал исключением. Все жители города знают, видишь старый белый пикап- будет праздник. Поэтому в такое время в наш

магазинчик съезжалось чуть ли не все побережье города. В общем, это был пир с весельем, пьянством, развлечением. Дил был удивлен таким вниманием к персоне брата Волдри-на, но стоило ему выпить рома, он тут же отправился в мат-росский пляс. Все было замечательно. Я в тот день впервые за два месяца выпался. Когда проснулся, то заметил, что Дил много разговаривает о чем-то с Лендо. Мы же остави-ли брата Волдри-на ночевать на чердаке вместе с нашим чу-даком. Я не отдал должного внимания близости этих двоих: подумал: «Хорошо, что они сдружились». Лендо у нас меч-татель. Раньше ерундой страдал- фотографом был- но потом взялся за голову и вернулся к семейному делу. Я дружил с семьей Волдри-на и Лендо, знал их отца, который и доверил мне свое дело. Затем глава семейства умер, и для Лендо, ко-торый вернулся с дурного дела, это был большой моральный удар. Он долго переживал его, а когда успокоился, решил продолжить дело отца, забрав его у меня. Я думал, что Лен-до повзрослел, но нет, в его голове остались все эти пудры химер. И эти два звездочета сошлись. Они постоянно разго-варивали о далеких вещах, долетая до Большой Медведицы и Пояса Ориона. Бедный Волдрин никак не мог по душам поговорить со своим родным братом. Все три дня, что Лендо должен был провести с нами, он разговаривал с нашим чуда-ком. Конечно, мы немного негодовали, но все же были рады, что наш Дил нашел общий язык хоть с кем-то. Но дела вы-нудили гостя уехать обратно заниматься своим заведением.

Я с небольшой тревогой прощался с Лендо, думая о том, как же плохо станет Дилу без мечтательного общения. Но... наш чудик ничуть не загрустил, а даже наоборот: повеселел, перестал так сильно тянуться к морю, словно понял, что его мечты слиться с океаном- детские выдумки. Безусловно, несмотря на все перемены к лучшему, я волновался. Что-то мне не нравилось в новом Диле. Он стал серьезнее, о чем-то постоянно думал, перестал глядеть на море. Чердак его постоянно был закрыт. Если раньше Дил каждый час выходил на улицу посмотреть на волны, то сейчас его было не вытащить даже на переправы по морю. Я тревожился.

Это продолжалось месяц. Вдруг Дил выскочил из чердака с радостными воплями.

–Ура!– это был будничнй день, и все, кто был в магазине, испугались.

–Что случилось?– я осторожно подошел к нему, положив руку на лоб- в друг у него жар?

–Я нашел его! Нашел!

–Кого нашел?

–Что! нашел!

–Что нашел?

–Сердце океана!

–Чего?

–Мне про него Лендо рассказывал! Я и заинтересовался. Кажется, я нашел сердце морей!

–Так. Спокойно. Расскажешь все вечером. Сейчас у нас

работа, если что. А-ну! Иди принимайся за дело!

–Так точно, капитан!

На тот раз мы закрылись раньше: народу было немного, потому что не сезон. Мы трое собрались за столом на ужине, где Дил обещал нам все разъяснить.

–Ну, рассказывай,– я со спокойствием и равнодушием следил за ним.

–Я нашел сердце океана!

–Это я понял. Что это?

–Как... Вы не знаете, капитан?

–Понятия не имею.

–И даже ни разу не слышали?

–Ни разу. Рассказывай уже.

–Сердце океана- это место в глубинах вод, в которое если погрузиться, то можно стать его верным обитателем. Именно из сердца океана возникла вода. Именно сердце океана подарило Земле жизнь!– он говорил воодушевленно и мечтательно.

–Что за чушь?

–Это не чушь! Я почти узнал, где находится сердце океана!

–Кто тебе навязал этот бред?– сказал я, и тут же до меня дошло.

–Лендо,– его глаза засияли.– Я так благодарен ему! Он показал мне самое восхитительное чудо природы! Мало, кто знает его местоположение, но мне почти удалось решить эту

задачу!

–И что же ты будешь делать, когда найдешь свое «Сердце океана»?

–Поплыву туда с вами, конечно,– Дил счастливо улыбнулся.

–Ни за что!– я ударил по столу так сильно, что сам легонько дрогнул от испуга.

–Почему? Это же будет великолепное путешествие!

–С какой целью?

–Навеки стать слугой моря и откинуть все земные заботы! Там мы не будем нуждаться в деньгах, там не будет всей этой безнравственности! Мы будем жить счастливо!

–Чудак! Безумец!– в моей душе забушевала ярость, которая охлаждалась иссякшими остатками терпения.– Ты сошел с ума!

–Капитан, разве вы никогда не хотели слиться с морем?– удивленно спросил Дил.

–Я?! Ты меня за безумца держишь?! Нет! Я не собираюсь верить в эти детские сказки!

–Капитан, обижаете. Это вовсе не детские сказки, а полная правда, подтвержденная книгами.

–В каких книга?!

–«Мифология море»,– он со странным лицом посмотрел на меня.

–Глупец!– я встал и начал ходить по комнате, полный гнева.

–Почему?– обиженно и непонимающе Дил наблюдал за моими нервными движениями.

–Как ты не можешь понять, что это бред! Что всего этого не существует!

–Существует же! Я могу вам доказать! Поплыли со мной. Хоть сегодня!

–Не смей отдавать приказы! Ты даже не моряк!– Дил вдруг изменился в лице. Его удивление превратилось в оскорбленную физиономию. Он сам начинал гневаться и с загорающимися глазами смотрел на меня. Видно, я задел его.

–Ваши указы мне не помеха!– он вдруг закричал.– Старик, очнись! Я могу показать вам райское место, а ты меня еще и безумцем называешь! Да это ты глупец!

–Ах, ты...– со мной случилось страшное. Я потерял контроль над собой и ударил чудака. Тот еле устоял на месте, но все же устоял, слегка покачиваясь. Он не накинулся на меня в ответ, а лишь посмотрел в мои глаза злобным и жалким взглядом и спросил:

–Капитан, вы любите море?

Я опешил и удивился себе. Я- взрослый мужчина- потерял контроль, ни за что ударил члена своего экипажа и отдался гневу. Это было впервые со мной. Мне стало стыдно. Я посмотрел на Дил, он в страшном спокойствие ждал моего ответа.

–Люблю,– я не соврал и не мог соврать.

–Так почему вы не верите мне?

–Потому что знаю.

–Откуда?

–Много кораблей проплывали наше море, многие останавливались у меня, я слышал самые разные истории, но с уверенностью могу сказать, что нет твоего сердца океана.

–Почему?

–Потому что ты не первый такой наивный глупец.

Мы молча смотрел друг на друга.

–Я не понимаю,– Дил закачал головой,– почему?

–Я уже ответил.

–Почему вы решили, что они его не нашли?

–Я виделся с ними, они все рассказали.

–Значит, они плохо искали!

–Откуда тебе знать?! Уже все было переплыто вдоль и поперек, и ты думаешь, что что-то еще осталось в океане неизученным на поверхности?

–Вы сомневаетесь в море?– он сказал это с презрением

–Нет.

–Но вы говорите, что оно не безгранично?

–Да.

–Значит, сомневаетесь.

Он разочарованно посмотрел на меня и ушел к себе на чердак. Мы стали убирать стол. Волдрин все время поглядывал на меня и потом спросил:

–Зачем вы так с ним жестоко?

–Хватит с меня его чуши.

–Разве эта чушь не делает нашу жизнь интереснее?

–Возможно...

–Я думаю, ему досталось насмешек и презрений, так что посмею советовать вам извиниться перед ним.

–Матрос советует что-то капитану...

–Когда капитан ведет себя как трусливый юнга.

Я удивленно посмотрел на Волдрину. Впервые я слышал, чтобы он меня так называл. Моя гордость окончательно была повержена. Я опустил голову и сказал:

–Ты прав. Извинюсь завтра.

–Лучше сейчас.

–Сейчас?

–Мне кажется, что сейчас не самое лучшее время для ссоры, иначе завтра будет куда хуже.

–Ты снова прав...

–Идите, капитан, и удачи вам!

–Спасибо.

Я медленно поднимался по волнистой лестнице на чердак. Меня тяготили страшные мысли. Извинение. Я мало перед кем извинялся, потому что вел себя как капитан. Все же последние переживания изрядно зашатали мое внутреннее спокойствие. Мне было стыдно за себя. Я нервничал, наступая на каждую ступеньку. Думая о том, как мне извиняться перед Дилом, стыд накрывал мои остальные чувства новой волной. Я так не хотел открывать дверь в его чердак, но в голове прозвучали слова Волдрина, и по всему лестничному

пролету слышались стуки о дерево.

–Дил... Ты там?

–Да, капитан,– голос из комнаты был спокойным.

–Я войду?

–Конечно.

Дил сидел за своим столом перед иллюминатом, выходящим в море. Он что-то активно и сосредоточенно чертил, но после того, как я подошел к нему, он встал и посмотрел на меня.

–Вы что-то хотели?

–Да... Я...– я опустил голову и хотел провалиться сквозь землю.– Прости меня.

–За что?

–Я назвал твои идеи чушью. Это неправильно.

–Почему же? Это правильно. Я подумал над вашими словами и согласился, что все это чушь.

–Как?...

–Сердца морей не существует.

–Постой, ты уверен в своих словах?

–Абсолютно.

–Почему ты так быстро менял свое мнение?

–В какой-то момент я осознал ошибки, которые совершил за все эти годы. Я не хочу снова делать оплошности.

–Ты... больше не любишь море?– я задал этот вопрос, не подумав, и очень о нем пожалел.

–Конечно, люблю.

–Но почему ты так...

–Хватит, капитан. Время позднее. Пора на боковую.

Дил выпроводил меня из комнаты, закрыв дверь. Я молча стоял, руки мои были холодными. Ни разу, даже в замершей воде, мои руки не становились настолько холодными. Я спустился к себе и тут же лег. Обдумав все произошедшее вечером, я смог уснуть.

Утро начиналось обычное. Волдрин уже сготовил завтрак, и я, немного приведя себя в порядок, сел за стол. Мы уже принялись за еду, но Дил все не появлялся. Сколько бы я его не звал, он не отзывался. Обычно наш чудак самым первым садился за накрытый стол, чтобы успеть ухватить все самое вкусное.

–Может, он проспал, капитан?

–Может.

–Все же вчерашние события не прошли незамеченными.

–Да...

–Вы извинились?

–Извинился.

–Тогда не могу представить, что с ним случилось.

–Я пойду проверю.

–Хорошо.

Постучавшись в дверь, я не услышал ответа. Я звал Дила, но никто не отреагировал. Дверь была не заперта. На чердаке я никого не увидел. Стол, который еще вчера был забит всякими вещами, сейчас оказался пустым. Я ужаснулся

и выбежал на улицу. Увидел, что моего корабля нет. Немного постояв в ступоре, я приказал Волдрину звонить всем морякам, что есть в округе. Дил уплыл искать Сердце океана...

Поиски начались не сразу. Ответили не все. Погода была серой, связь плохой, море бушевало. Когда отозвался первый корабль, он согласился взять нас с собой. Мы долго собирались и объясняли ситуацию другим, но спустя день поиски начались.

Я потревожил все побережье. Наше море выходило в океан, и только волны знали, где находился Дил. Успел я окончательно осознать происходящее только спустя сутки неудавшихся поисков. Погода мешала ориентироваться и контактировать с другими суднами. Мы проверили всю территорию близ побережья, но не нашли безумца. Дил уплыл в океан. Это было куда хуже.

Плохая погода мешала воздушным поисковикам эффективно просматривать зоны. Когда облака рассеялись, мы получили первое известие о Диле. Он пополнял запасы на островах где-то в океане. Уплыл днем ранее. Это была отличная новость. А затем и самолеты смогли просматривать океан. Но Дила пока нигде не было.

Прошла неделя. Поиски продолжались, но многие моряки прекратили помогать нам ввиду своих обстоятельств. Это делало успех нашей операции все более отдаленным. Я мало спал. От постоянного контакта с биноклем на моих глазах

стали появляться черные пятна. Погода снова ухудшилась.

Через две недели, наконец, самолеты заметили мое судно. Оно было недалеко от нас. Мы на полном ходу сменили курс и поплыли к безумцу. Многие, кто принимал участие в поисках, поверили в успех и отправились по домам. Я был воодушевлен и с нетерпением ждал встречи с Дилом. Стыд, взволнованность, дружба терзали меня, и в момент объявления о приблизительном местоположении пропажи они оставили меня. В ту ночь я нормально поспал.

И вот оно. Мое судно. Я скучал по нему, но больше по Дилу. Катер стоял на якоре. Не двигался. Мы подплыли к нему. Я быстро вскочил на палубу. Никого нет. Спустившись в трюм, я радостно кричал:

–Дил! Дил, ты где? Боже, зачем ты сбежал?

В каюте никого не было. Вещи Дила лежали на месте, но самого его не было. На столе лежал листок бумаги и ручка. На листке было письмо.

„Вот. Я прямо над Сердцем морей. Скоро я стану одним единым с морем. Скоро моя мечта сбудется. Как же долго я к ней стремился! Жаль, Амур мне не поверил. Мы даже поссорились, но он пришел мириться, однако я не мог простить его. Я видел, что он не любит море. В его глазах не было бесконечной нежности при лицезрении волн. Его сердце остыло к морской воде...“

Амур, если ты это читаешь, прости меня. Я не прости тебя, но ты прости. Ты великодушный, я знаю. Береги Волдри-

на, а когда умрешь, вспомни меня. Извини, что я такие вещи говорю, но вижу, что тебе осталось немного, ведь море постепенно покидает твою душу. Спасибо тебе, что принял меня тогда. Я, честно говоря, был в отчаянии, хотел утонуть, но ты немного продлил мою жизнь и позволил ей окончательно сформировать мою мечту, которую я скоро воплещу в реальность. Спасибо Волдрину! Он замечательный и ответственный парень. Вырастит твоим достойным преемником.

Через пять минут я буду погружаться. Совсем скоро море примет меня. Я немного боюсь, но бесконечно счастлив! Я прожил свою жизнь не зря, я посвятил ее мечте и ни о чем не жалею.”

Дочитав письмо с дрожащими руками, я поднялся на палубу, посмотрел на море и долго плакал. Плакал, наполняя море своими слезами. Я называл Дила глупцом, сумасшедшим, бранил его, бросал все его вещи в море. У меня началась истерика. Ни Волдрин, ни мой знакомый не могли меня успокоить. Когда я бросил последнюю вещь Дила, наконец, успокоился, молча встал за штурвал и поплыл домой.

-Ты все еще хочешь стать юнгой? Уверен ли ты, что не сойдешь с ума от любви к проклятому морю?

-Нет...,- мужчина сидел, глубоко задумавшись. Он обдумывал рассказ капитана, и пара слезинок упало с его морщинистой щеки.

–Тогда ступай домой и наслаждайся той обычной жизнью, которую подарила тебе судьба.

Мужчина встал и пожал руку старику. Капитан напоследок сказал:

–И никогда не влюбляйся в море. Эта любовь тебя убьет.

Волдрин провожал гостя. Он был печален от наплыва воспоминаний. Когда морской ветер взъерошил обоим волосы, мужчина взглянул на море. Волдрин заволновался и хотел поторопить мужчину, но он повернулся к матросу и сказал:

–Спасибо вам.

–За что?– недоумевал парень.

–Я больше никогда не вернусь в эти места.

–За это не стоит благодарить.

–Нет. Вы спасли мою жизнь и, может быть, жизни других.

Спасибо.

Волдрин кивнул. Мужчина пошел вдоль набережной и больше никогда не оглядывался на море.

А море шумело волнами, пытаясь соблазнить хмурого прохожего и стать для него губительной мечтой...

Июль

Однажды жарким июлем пришлось такие же душные и пыльные ветра. Лето... Дети на улицах, прячась за кронами деревьев, играют беззаботно и весело смеются. Такое чудесно время- это лето. Как-то ярче становятся краски, и мир, наконец, улыбается тебе, любой момент становится памя-

ным и приятным. Жара иногда разогревает голову настолько, что невольно начинаешь мечтать о зиме, снеге, холоде. Но вот в твоих руках оказывается мороженое, и тут же мысли о декабре отступают прочь. В твоём сердце снова светится лето. И так хорошо, так светло, так ясно! Птицы в листве деревьев поют так страстно и громко, что все вокруг невольно останавливаются, прислушиваются, прогоняют свои жаркие думы из головы и тихо наслаждаются. Пролетая мимо зевак, пернатые друзья дарят им сказочную трель и улетают ввысь, как воинственный викинг отправляется в священную Вальхаллу.

Дети громко обсуждают правила новой игры, фантазируют, занимаются усердно и с любовью своими игрушками. Надо же причесать куклу, построить башню, выстрелить из палки в воображаемого монстра и поспорить с товарищем о том, попал ли он в тебя или нет. Лето-детское время, оттого оно такое беззаботное и радостное.

Странно, что один лишь мальчик Антуан стоит у синего забора, оглядывается по сторонам, пытаясь отыскать кого-то на пустой улице. Вот открылась калитка, и из дома напротив вышли супруги Михаэль и Арабель. Они быстро перешли дорогу и подошли к мальчику. Антуан скромно помахал паре рукой и немного успокоился.

—Так, сыночка, не волнуйся. Валентина добрый и хороший человек,— Арабель поправила воротник своего сына.

—Ты все равно дома ничего не делаешь. Вот и займешься

учебой,— строго молвил отец. От его слов мальчик печально посмотрел вниз.

—Ну, хватит тебе,— упрекала Михаэля жена.— Скоро она выйдет, а ты ругаешься на ребенка.

—Да не ругаюсь я...,— оправдывался отец.

Замок синей калитки щелкнул, и дверца со скрипом открылась. Перед семьей возникла грузная женщина в большом платье. Ее лицо казалось добрым, ласковым, на простодушных глазах сидели очки в забавной круглой оправе. Она посмотрела на всех и своим нежным голосом сказала:

—Добрый день!

—Здравствуйте,— отвечала за всех мать.

—Вы пришли знакомить ребенка со мной?

—Да,— улыбалась Арабель.— Вот он,— она незаметно погладила по плечу сына. Антуан смущенно посмотрел на старушку.

—Здравствуй,— улыбнулась женщина.

—Здравствуйте,— тихо ответил мальчик.

—Как тебя зовут?

—Антуан.

—А лет тебе сколько?

—Девять...

—Какой большой! Пройдемте в дом! Чай попьем, поговорим.

—Простите, Валентина...,— Арабель не знала отчества собеседницы и застыдилась, что начала произносить ее имя.

–Викторовна,– улыбнулась старушка.

–Викторовна. Извините, не можем.

–Почему же?

–Боимся беспокоить вас.

–Да бросьте вы! Вам ли меня беспокоить! Я одна живу, так что все хорошо. Мы с вами прекрасно проведем время!– и женщина уступила дорогу гостям. Семья недолго помялась, но прошла вперед, поблагодарив добрую хозяйку.

Прекрасная дорожка уходила вглубь двора. Загадочная тропа была скрыта кронами высоких елей, которые росли уже не первое десятилетие и, может быть, пережили не одно поколение, и вся эта таинственность интересовала маленького мальчика. Он вообразил себя первооткрывателем неизведанных и густых лесов Амазонки. Колючие ветви легонько раздражали кожу. И когда молчаливые стражи расступились под мягкой рукой своей хозяйки, перед семьей открылся удивительный сад, и дорожки, как артерии, ветвились в разные стороны и манили своим многообразием всякого нового гостя. Высокие кусты и цветы делали живые коридоры, шипящие от легкого дуновения летнего ветра. И ветер в этом саду был необычайно свеж и прохладен, а ведь еще у синего забора он каждым своим порывом обжигал любую открытую часть тела. Так было хорошо в этом саду... Антуан оглядывался на тропинки, уходящие в сторону, и так ему хотелось изучить сказочный двор доброй старушки. Но пышная хозяйка медленно, то ли хвастаясь перед гостями, то ли специ-

ально разогревая их интерес к своим волшебным владениям, вела семью прямо к высокой металлической двери. Тяжело повернув ручку, Валентина зашла в дом, оставив дверь открытой, и сказала следующей за ней людям:

–Добро пожаловать!

–Спасибо...– очарованно отвечала Арабель, постоянно оглядываясь вокруг.

–Разувайтесь и следуйте на кухню, я сейчас приготовлю вам чай.

–Спасибо большое!

Все величие сада еще больше приобретало надменный и весомый характер в сравнении с домом. Тесные стены, каждая комнатка хранила множество вещей, мебель обставлена так близко к друг другу, что двум людям сложно будет пройти в рядом стоящую спальню, кухню, прихожую, ванну, библиотеку. Но в этом был свой уют. Каждая вещица излучала тепло, каждое прикосновение к чему-либо оказывалось необычайно мягким. Этот дом был стар, как и все около него, но в его отживших временах, крошащихся стенах, потолке было столько всего приятного, интересного. Антуан с восторгом, воодушевлением и любопытством постоянно озарялся вокруг. Все было таким неизведанным, хранило столько памяти, столько историй. Когда все пришли на кухню и уселись за небольшой столик, накрытый пленкой с красивыми картинками, и на диван, расположившийся вдоль стены, старушка громко и весело сказала:

–Ну, что же вы? Как я помню, вы Жуаны, так ведь?

–Да,— все еще очарованная мать.

–Приехали или отсюда?

–Приехали.

–О! Наша страна прекрасна тем, что объединяет все народы мира, которые уживаются рядом на нашей территории. Мы много пережили и, видно, наконец нашли свой путь.

–Я с вами согласен,— кивнул прежде молчавший отец. Он очень любил политику и посвятил этому делу свою жизнь.

–Это прекрасно, что вы меня понимаете. А то, знаете ли, много в наших кругах людей, вечно недовольных. Когда все идет на лад, они тут же суют свои руки, дабы сделать жизнь немного интереснее путем повторения всех прошедших страданий. Таких, к сожалению, много.

–Это точно,— продолжал кивать отец.

–А ведь раньше все было куда хуже. Но молодое поколение все скучает по дивному старому, в котором даже не жило. Ведь мы, старики, знаем намного больше о тех временах и можем с уверенностью сказать, что сейчас- великолепное время, полное огромных возможностей.

–Да-да.

–Ну, что-то я совсем ушла не в то русло.

–Почему же?— с досадой произнес отец.

–Думаю, да,— толкнула в бок своего мужа Арабель, сидящая все это время со скучающим лицом. Ее не привлекала политика так, как мужа. Она обыкновенная сотрудница бан-

ка, любительница сплетен и модных вещей.

–Итак, вы хотите дать своему ребенку знание иностранных языков?

–Да, очень хотели бы. Сейчас очень востребованы специалисты- полиглоты.

–Они всегда были нужны. Когда я еще работала переводчицей...

Антуан отвлекся от разговора. Он увидел окно, которое выходило прямо в сказочный сад. Столь великолепное зрелище охватило мальчика крепкой веревкой и тянуло, тянуло его к себе. Антуан был очарован, невольно придвинулся к самому стеклу и чуть ли не заплакал от удивительного зрелища.

–Антуан,– от бурного порыва эстетических чувств жертву красоты вывел добрый голос Валентины.– Тебе нравится мой сад?

Антуан ничего не ответил и лишь робко заблестал глазами.

–Хочешь на него посмотреть?

Мальчик отодвинулся от окна и приблизился к старушке.

–Можешь идти посмотреть,– она улыбнулась.

–Что вы!– вмешалась обеспокоенная мать.– Он мало ли чего-нибудь натворит.

–Ничего,– и добрая старушка подмигнула мальчику.– Беги.

„Беги...”. Это слово расправило Антуану крылья. Он

радостной улыбнулся, быстро обулся и выбежал во двор. Столько тропинок, столько загадок, столько приключений. Бедный мальчик долго выбирал, куда идти, и решил свернуть в первый поворот направо, идущий вдоль наружной стены дома. Высокие кусты роз сопровождали Антуана и оберегали его своими шипами от внешнего мира. Бетонная дорожка была кое-где потрескана, и из трещин тихонько проросли небольшие травинки. Мальчик не спеша, растягивая удовольствие и усиливая свое любопытство, шел в неизведанную даль и рассматривал каждую букашку, каждого жильца, которому повезло устроить свой дом в таком райском месте. И хоть даль эта была видна визуально- решетчатый заборно мечтательно она уходила все дальше и дальше, прямо к неизвестному городу Эльдorado, о котором мальчик прочитал в одной из детских книжек и долго мечтал о блистательных походах в поисках коренных жителей загадочной страны. Антуан подошел к развилке- решетчатому забору. Правый поворот вел в обход дому и казался таким длинным и темным, словно туннель, а левый продолжал свежую компанию роз, которая чуть-чуть приоткрывала проход в неизвестную до этого местность.

Вдруг громкий оглушил нашего исследователя. Что-то большое приближалось. Огромная овчарка, оскалив зубы, рыча и гавкая, стремилась съесть маленького мальчика. Но решетчатый забор смело принял на себя удар хищника, хотя хилый и больной, он позволял монстру в щели просовы-

вать свой огромный язык и показывать на страх свидетелю все свои острые зубы. Собака была такой большой и лохматой, что Антуан запаниковал и стал оглядываться. Куда бежать? Что делать? Немного поразмыслив, мальчик решил, что розы поберегут еще для него таинственный проход, да и вряд ли там будет выход, так что, сжимая ладони в кулаки, он смело побежал по длинному туннелю. Но, опять же, длинным этот коридор был в воображении ребенка. Это, в свою очередь, не мешало отрываться от хода действий. Грозная овчарка преследовала жертву по ту сторону преграды, изредка ударяясь о забор и громко лая. Короткие ножки быстро топали по холодному бетону. Вечная тень сделала это место сырым и холодным, как в пещере, и атмосфера здесь веяла духом настоящих подземных ходов замка злого барона, посадившего юного барда в темницу за вольные песни, но добрая женщина тайком подала ключи герою и велела бежать: стража грозила догнать и казнить беглеца. Быстро, стремительно и проворно Антуан перепрыгивал через опасные впадины- небольшие трещины в бетоне- и оглядывался на злого монстра- овчарку. Но виден был свет и деревянная стена сарая, и это обещало скорое спасение героя. Совсем немного до счастливого спасения. Вот- вот, пару шагов... Резкий поворот.

Да! Злой монстр лишь рассерженно рычал позади. Он выбрался. Перед ним новый этап! Впереди открылась полянка, неухоженная и дикая. По центру на холмике улегся веч-

ным сном милый светло-оранжевый автомобиль, который уже давно пережил свои рабочие времена, и пустующий салон начинал постепенно терять приличный вид. Заросшая тропинка имела ответвление влево в ряд каких-то пустующих вольеров, прикрытых одинокой черешней. Старый сарай, как и дом, забит был хламом самым ненужным. Антуан, конечно, осторожно подходил к автомобилю. В окне дома он заметил болтающих взрослых и быстро спрятался за кузовом. Тихо открыв дверь, мальчик сел за руль. Мягкий кожаный салон, худой и костлявый штурвал, закрытые бардачки и высокая ручка переключения передач. Видимо, эту машину оставили расхитители гробниц. Значит, они где-то рядом. Антуан стал смотреть в зеркала и заметил шорох в кустах. Испугавшись засады, мальчик прижался к сидению и, немного высунув голову, следил за тем местом, где предположительно прятались преступники. Ветки шатались все сильнее и сильнее. Из кустов вышел еще один огромный пес, черный и уставший. Он тяжело дышал и медленно лег возле сарая, положив морду на лапы. Антуан ждал чего-то. Но когда обстановка сказала исследователю, что все тихо, он открыл дверцу, на цыпочках ступил на тропинку и... Хруст! Пластмассовая коробочка предательски оказалась под ногами мальчика. Монстр тут же поднялся, немного обдумал происходящее, увидел нарушителя, побежал за ним. Антуан тут же стал убегать от него, следуя тропинками и слыша позади тяжелое дыхание чудища. Вот! Дверь! Антуан быст-

ро вбежал в дом и громко закрыл дверь. Монстр остался позади. Мальчик сел на пол и стал тяжело дышать. Когда его любопытное сердечко успокоилось, он разулся и осторожно прошел на кухню. Валентина мило беседовала с родителями, и, казалось, собеседники вряд ли заметили тихого мальчика, но старушка сказала:

–Нагулялся?

И все тут же посмотрели на Антуана.

–Ты чего такой потный?– спросила мать, доставая платок.– Что ты уже натворил?

–У мальчика просто были увлекательные приключения,– и старушка подмигнула мальцу.– Думаю, мы все обсудили и обо всем договорились.

–Мы тоже так считаем,– довольно произнесла Арабель.

–Тогда давайте я вас проведу.

–Спасибо вам большое!

На следующий день Антуан с рюкзаком за плечами снова стоял у синего забора. Он ждал старушку: у мальчика в это время был назначен урок. После вчерашнего дня мальчик немного дрожал от предвкушений и ожиданий. Выпадет ли ему шанс снова прогуляться по этому волшебному саду?

Валентина почему-то не открывала дверь, хотя Антуан не раз нажимал на звонок, еле дотягиваясь до него. К родителям ему не хотелось идти. Поэтому в его голове возникла мысль: открыть калитку самому и аккуратно найти хозяйку.

Да, это было некультурно и невежливо, быть может, даже подозрительно, но он уже давно истратил свое детское терпение. Тихо дернув за ручку, металлический вход, скрипя, открылся. Антуан зашел и закрыл за собой. Снова сад... Два страдника-ели-скрывали за своими кронами настоящее чудо. Мальчик, пригнувшись, прошел под колючими иголками и увидел перед собой большую черную дверь дома. Зайдя внутрь, исследователь разулся и прошел на кухню, но никого не увидел. Затем он решился зайти в неведомые ранее комнаты. В тесной спальне с большой кроватью и туалетом напротив, где повсюду уставлены вещи, что придавало помещению головокружительную детальность, хозяйки не обнаружилось. В просторном зале со старым телевизором, двумя диванами, большим столом, на всю длину стены шкафом мальчик тоже никого не увидел. Больше комнат не оставалось. Значит, старушка на улице.

Выйдя в сад, первым делом Антуан стал прислушиваться. Сквозь пение птиц, шелест листьев, дуновение ветра, скрип дома он выделил четкое, короткое, звонкое цык. Цык! Цык! Цык! Тишина... Затем снова: Цык! Цык! Цык! И опять тишина. И перерывы между цыками были разными. Еще немного прислушиваясь, Антуан решил следовать за странным звуком. Он исходил из той стороны, куда вчера мальчик свернул в начале своего приключения. Пещера, сопровождаемая розами, и тот монстр. Подавив свой страх, храбрый мальчик пошел за цыками. Он с каждым шагом все гром-

че и громче выделялись из какофонии звуков природы в саду старушки. Вот развилка. Цык! Цык! Цык! Слева. На этот раз эти звуки манили героя в неизведанную локацию. И розы подготовили тот самый таинственный проход, раздвинув свои ветви. Оглянувшись на страшный и длинный коридор с монстром, Антуан пошел исследовать новые тайны загадочного сада.

Протиснувшись между колючими ветвями кустов, мальчик вышел в небольшой цветник, где в центре, стоя над высокими подсолнухами, хозяйка обрезала веревки, которые были привязаны к рядом стоящему забору. Старушка была так увлечена занятием, что не заметила Антуана, подошедшего прямо к ней. Немного посмотрев на своего репетитора, мальчик тихо сказал:

–Здравствуйте, Валентина Викторовна.

–Ой!– подпрыгнула от испуга грузная женщина.– Антуанчик, что ты здесь делаешь?

–На занятие пришел.

–А не рано ли?– она посмотрел на часы на своей руке.

–Ой!– снова вскрикнула хозяйка.– Уже пора. Тьфу! Со всем заработалась. Одной сад трудно содержать.

Валентина положила садовые инструменты на землю и повела ученика в дом.

–Какой ты точный!– говорила она, пока шла.– Точность-признак королей.

–Это мама меня привела...– виновато отвечал Антуан.

—Еще и воспитанный,— подбадривала старушка мальчика. Они дружна зашли в дом, и хозяйка сразу же вошла в роль учителя.

—Так, Антуанчик, проходи в зал,— она указала на большую комнату,— и садись за стол, готовься к уроку: раскладывай вещи. Я же сейчас быстро вымою руки и разберусь с некоторыми делами. Дай мне пять минут.

Старушка убежала на тесную кухню, а мальчик, постояв немного в центре развилки в разные комнаты, где в одном углу стояла большая куча, поддерживаемая зеркалом на тумбочке, слева от прихожей расположился большой шкаф с множеством памятных вещей: каких-то бумаг, тетрадей, книг— напротив разместился гардероб с одеждой. Под шкафом, блокируя проход к дальним полкам, высокий письменный стол уперто стоял на своем законном, но неудобном месте, и пленка, укрывавшая деревянную поверхность, неприятно скрипела от прикосновений. Антуан медленно, даже очень медленно прошел в зал: ему не хотелось проводить время в незнакомом доме одному: как-то неловко. Мальчик читал непонятные символы на корешках книг, лежащих на полках, успел рассмотреть каждую трещину на стенах, полюбовался своим худощавым телом в зеркале, потрогал фигурки, стоящие на тумбочке перед отражением и, уже когда все бездельные дела были сделаны, юный исследователь, переступив через высокий порог, очутился в зале. Еще медленнее, даже немного вальяжно, как гордый кот на своей терри-

тории, он подошел к столу, оценивающе осмотрел комнату и немного загляделся на широкий и длинный ковер на стене, мягкий и теплый. Затем так же не спеша Антуан выложил из своего небольшого рюкзака школьный учебник, тетрадку, пенал, села на мягкий диван и стал смотреть в окно, где шаловливый ветер играл с белоснежными кружевными шторами и освежал комнату прохладой, легко раздражая кожу. Деревья покорно кланялись миру, благодаря за на всех-неблагодарных- что мы все живем под теплым солнцем и на крепкой земле. Этими деревьями были те самые две большие ели перед входом в сад. Мальчик узнал их по плотным темно-зеленым ветвям.

Послышались шаги. В комнату вошла Валентина, неся с собой пару книжек.

–Ну, что, Антуанчик, ты готов?– сказала она, садясь.

–Да.

–Ух ты! У тебя с собой учебник. Позволишь посмотреть?

–Да.

Антуан подал книжку, и старушка с серьезным видом листала страницы, бегая глазами меж строк. Затем она положила учебник на стол и сказала:

–Хороший учебник. Хороший. Но мне нужно проверить твои знания. Я же должна от чего-то отталкиваться. Так что давай начнем,– хозяйка тепло улыбнулась.

Антуан полюбил Валентину любовью внука к бабушке.

Чем больше уроков он посещал, чем больше он узнавал о настоящем и прошлом своего репетитора, чем больше он сроднялся с этим домом и садом, тем больше понимал, насколько это место отобразится выжженной печатью на еще маленьком сердце юного исследователя. Антуан был молчаливым мальчиком, никак не мог сблизиться с ровесниками и вечно играл один. Родительский дом до появления в его жизни Валентины являлся единственным родным местом, но Михаэль и Арабель в последнее время час ссорились, ругались, даже дрались. Мальчику было страшно. Многие вещи после таких жутких ночей, которые становились все чаще и громче, ломались, разбивались и ранили. Антуан, дрожа в кровати, слушал крики и сильно боялся. В школе его никто не замечал, как и на улице. Жизнь для него в таком раннем возрасте предстала перед ним одиночеством, печалью и разочарованием. Обыкновенная радость, необходимая каждому ребенку, обделила бедного мальчика. Появление в его жизни замечательной старушки показала несчастному ребенку свет, его существование, его теплоту. Старушка, потерявшая мужа и отпустившая сына во взрослую жизнь, копила любовь, которую ей нечем было выразить. До этого старушка как-то не решалась братья за репетиторство, но видя каждый день играющих детей, уже не могла вынести напора чувств. С Антуаном она знала меру и выливали весь избыток любви по частям, как кран, который периодически открывается и закрывается, по чуть-чуть выплескивая воду. Им было хоро-

шо вместе, как внуку и бабушке, и обучение их становилось все плодотворнее. Все больше мальчик приходил к старушке просто ради приятного времяпрепровождения и отвлечения от накаляющихся семейных драм. Они стали друзьями, которые, несмотря на возраст, видел в друг друге своего ментального товарища. Хозяйка вместе с ребенком работала в саду, убирала в доме, ухаживала за огородом. Антуан все больше доверял репетитору и рассказывал ей все свои секреты. Так, они стали друзьями.

Время летело так же быстро, как крепла дружба ученика и репетитора. Лето и осень прошли незаметно. Зима оголила сад, забрала его чудеса. Все кусты стояли голые, как кости животного, мясо которого объели неумолимые хищники. Лишь два стражанина хранили пышные свои уборы и охраняли мирную тропинку, одиноко стоя среди уснувших товарищей. Им ждать придется долго, быть в одиночестве ближайшие месяцы — их ежегодное испытание, но они не первые десяток лет живут на этом свете, оттого и ждут смиренно и стойко. Все чудо сада вмиг пропало. Он стал прозрачен, и были видны места, ранее скрытые под листвой растений. Снег еще не успел выпасть — земля мерзла и твердела.

С опустошенностью стал виден соседний двор, огражденный гниющим деревянным забором. Антуан невольно смотрел на бедные владения неизвестного: пустой и большой участок, где в уголке устроилась очень маленькая хижина из отжившей глины, трескавшейся и готовой обрушиться под на-

пором соломенной крыши. Мальчик спрашивал у своего репетитора о странном жителе этого участка.

—Здесь живет один молодой человек. По-моему, его имя Брен, а фамилию не вспомню...

—Какой у него дряхлый дом.

—Он недавно переехал сюда, но из своего убежища редко выходит,— говорила старушка, подметая серые дорожки.— Да и сам он какой-то... Мрачный, нелюдимый... даже пустой. Будто он не живет вовсе. Глаза его вечно смотрят вдаль, а голос уставший и вялый.

—Жуткий,— сказал Антуан, посматривая на неухоженный владения.

—Это точно. Говорят, у него жизнь была трагичной. Участвовал в гражданской войне, уехал за границу, вернулся неожиданно, поселился в этом домике и редко выходит из него.

—А что с ним случилось?

—Да кто его знает? Может, пьет или даже употребляет что-нибудь.

—Он же умрет!

—Тусклый свет из его окна еще горит. Живой.

—А вы с ним общались?

—Только видела, как он выходил на улицу, да возвратился потом обратно. Даже на меня не посмотрел. Ну, я и не очень желала с ним общаться.

—А что еще о нем известно?— мальчик любопытными гла-

зами смотрел на старушку. Ему очень нравились тайны, а загадочный сосед как раз подогревал интерес юного исследователя.

—Есть много слухов о нем.

—Какие?

—Говорили, что он убил кого-то и приехал сюда, чтобы скрыться от полиции.

Мальчик задумался.

—Может, проникнуть в его дом?

—Не думаю, что стоит это делать. Вряд ли в его доме ты найдешь что-нибудь интересное.

—А вдруг у него есть оружие,— Антуан мечтательно смотрел на грязное окно.

—Конечно, есть, он же гражданскую прошел.

—И он убивал там?

—В то время тебя мог убить лучший друг.

—Но почему так?

—Слишком много народов объединила наша страна, однако наше правительство не придумало, как сделать так, чтобы всем жилось хорошо, и дружба была между разными культурами. В стране начались неразбериха. Правительство стало действовать жестоко. Все были напуганы. Появилась иерархия. Какой-то народ возомнил себя выше другого. Беспорядки лишь усилились.

—Простите, я не понимаю,— мальчик смотрел на репетитора.

—Люди в стране устали от жестокости и были напуганы. Они хотели действовать, но им нужен был толчок, чтобы противостоять угнетателям.

—И что это был за толчок?

—Публичная казнь серийного убийцы.

—Из-за этого началась война?

—Да.

—Но разве это неправильно- наказать преступника?

—Казнь- это не самый гуманный способ наказания. Тем более, что убийца был тоже из числа приезжих в нашу страну, и притесненные народы посчитали, что терпеть больше нельзя. Этот ужас стал началом трагедии. Страна развалилась.

—Но сейчас нет войны. Кто же победил?

—Никто.

—Как?

—Обе стороны отдали слишком многое.

—А сейчас все народы живут в мире?

—Да. Мы научились учиться на своих ошибках. Наше правительство исправилось, и теперь все стало куда лучше.

—Сейчас все хорошо?

—Сейчас- лучшее время.

—Но войны еще идут.

—Их не так много, как раньше.

Мальчик посмотрел еще раз на старый дом и пошел вместе с хозяйкой продолжать занятия, которые были прерваны перерывом.

Ночь. Дождь. Грязь.

Хозяйка никак не могла уснуть. Какое-то странное чувство тревоги насильно держало веки открытыми, не давая отправиться в мир покоя, тайн и отдыха. Она лежала на высокой кровати и слушала бессмысленные попытки капель проникнуть в теплый дом. Свет молний отображал когтистые ветви на стене. Затем гром расшатывал окна и заставлял сердце старушки биться чаще. В такие бессонные моменты время на зло жертвам этих пыток теряется, как самый крепкий канат, держащий у обрыва всю тяжесть своего могущества и неумолимости. „Так никак нельзя,— думала Валентина.— Надо выпить кофе”. Кофе было для старушки, как снотворное, которое в большинстве случаев помогало успокоиться и спокойно уснуть.

Она тяжело встала с кровати и, топя глухо и тяжело ногами, пошла на кухню. Поставив вариться чайник, старушка достала кружку, насыпала зерен и задумалась. Об Антуане. Последние два месяца он приходил только на занятия, не оставаясь, как обычно, на несколько часов в доме хозяйки. Обыкновенно мальчик любил проводить время у своего репетитора и отдыхать. Валентина тоже отдыхала с учеником. Между ними давно установилась родственная связь: внук и бабушка— такая любовь и симпатия являлась между ними. Поэтому хозяйка заметила печальные изменения в поведении мальчика.

Глаза Антуана стали усталыми и красными. Лицо, ранее свежее и детское, обмякло и постарело. Под очами виднелись темные мешки. Его внимание постоянно пропадала, а ясность ума покрывалось каким-то туманом. Он напрягался и вздрагивал от каждого незначительного шума, и стоило старушке повысить тон, как все на тех же глазах появлялись слезы страдания. До этого тощее тело исхудало еще больше. Валентина даже настаивала, чтобы мальчик поел, уговаривала его остаться, поговорить, но Антуан отказывался, ссылаясь на гнев родителей. „В их семье все дошло до критического пика”, – подумала старушка и была совершенно права.

Чайник закипел. Она собиралась налить кипяток в кружку, но в дверь постучали. Удивленной позднему гостю старушка поспешила открывать дверь. Перед ней стоял Антуан. Промокший, дрожащий и хрупкий он стоял у порога и смотрел усталыми глазами на старушку.

–Господи, Антуанчик, что случилось?– она спросила это и тут же почувствовала, как мокрое тело ребенка обняло ее. Истощенный крик дошел до увядающих ушей репетитора. Она закрыла дверь и заметила опухшие красные руки мальчика.

Еще долго Антуан плакал и кричал, а потом немного успокоился. Хозяйка завела мальчика на кухню и приготовила чай. Мальчик медленно пил и, всхлипывая, успокаивался. Когда нервные вздохи перешли в умеренное дыхание, наконец, старушка спросила:

–Что случилось?– в ее голосе сочетались обеспокоенность

и нежность, которые тактично и без лишнего напора попросили мальчика ответить.

—Мама и папа поссорились...,— он немного помолчал, подумал и продолжил.— Они снова ругались, кидали вещи, дрались... Вдруг вошла мама и взяла меня за руку. Она привела меня на кухню и стала спрашивать, кого я люблю больше... Папа толкнул ее и сказал, что его, но мама ударила его по лицу и сказала, что решать должен я...

Антуан нервно вздохнул. Валентина хотела его остановить, но он продолжил.

—Я смотрел на них. Их лица были мутные, серые. Потом папа не стерпел и крикнул, чтобы я быстрее отвечал. Я люблю их обоих, я так и сказал, но они стали кричать и ругать меня... Я испугался и заплакал, а они стали кричать еще громче. Я убежал. В доме мне было страшно. Я побежал к вам. И...

Он опустил голову, всхлипывая. Старушка печально взглянула на него и ласково погладила.

—И правильно. Переночуешь у меня, а завтра я пойду разбираться с твоими родителями.

—Не надо! Они и на вас кричать будут.

—Не бойся. Не будут.

Мальчик хотел снова возразить, но старушка перебила его.

—Будешь ночевать у меня. Я уложу тебя в зале, а сама лягу на свою кровать, и завтра мы пойдем к тебе. Хорошо?

–Хорошо...

–Отлично, тогда давай кружку и иди в зал.

Антуан кивнул и удалился. Пока старушка мыла посуду, в ее голове зародилась одна мысль, которая ужасала и воодушевляла ее. Она чертила поверхностный план своего замысла, не замечая, как кружка в ее руке выскользнула и упала в раковину. Хозяйка вздрогнула, выключила воду, свет и пошла за спальным бельем. Придя в зал, Валентина только сейчас обратила внимание, что одежда на сидящем на диване мальчике промокла.

–Антуанчик, сходи в душ,– мальчик тут же послушался.

–Я дам тебе вещи своего сына. Они остались...,– говорила хозяйка уходящему Антуану.

Пока Антуан купался, Валентина повесила его белье на батарею и приготовила спальное место. Когда мальчик вышел свежим и чистым, то беспокойства, страх и истерика отошли, и юная грудь дышала чуть свободнее и легче. В этом доме он чувствовал себя в безопасности. Старушка ласково уложила своего ученика на диван.

–Спокойной ночи,– сказала она.

–Спокойной ночи,– ответил мальчик и закрыл глаза.

С выключенным светом и открытым окном всегда легче засыпать. Темная аура под звуками ночи приобретает краски фантастического леса, способного своими обитателями вовлечь странника в неизведанные сновидения. Ощущая тепло этого дома, чувствуя дыхание половиц, ощущая мягкое при-

косновение стен и зная, что самый близкий и родной человек так же крепко засыпает, Антуан погрузился в сказочный лес.

Старушка тоже слышала эту красоту, но многолетние думы рассуждали о созревшем плане. За эту идею ей почему-то было стыдно. Возможно, это будет самый смелый шаг в ее жизни, вопрос один- оправдан ли он. Счастье мальчика для нее- самое главное, она хочет сделать все, чтобы он был счастлив, но гадкое чувство совести и благоразумия останавливали ее. Сейчас... Сейчас то самое время, когда его счастье может быть разрушено. Многие люди притворяются. Валентина тоже. Она пережила много горя, получила бесценный опыт. Когда атмосфера благоприятная, ее душа надевает маску беспечности, и чем благоприятнее ее жизнь, тем крепче фальшивое лицо хватается за голову. В моменты самого шаткого стресса эта маска способна трескаться, и девушка, неуверенная и робкая, давно потерявшая красоту своего тела, появляется на свет и портит жизнь хозяйки. И именно такое происходило сейчас с Валентиной, и под таким гнетом противоречивых мыслей она уснула.

Антуан впервые за несколько дней проснулся под звуки утренних птиц, а не под крики родителей. Наконец, утро выдалось спокойным и мирным. Мальчик еще долго лежал на диване, наслаждаясь чудным временем. Его уши улавливали каждый порыв ветра, глаза жадно ловили легкие движения штор. Где-то за пределами комнаты, в стенах этого ста-

рого дома, стали слышны тихи потрескивающие звуки и шипение. Еще немного впитав в себя всю нежность одеяла, Антуан встал на мягкий ковер своими босыми ногами. Перед ним стоял большой стол, на котором он усердно занимался и сближался с учителем. Мальчик кончиками пальцев дотронулся до твердой поверхности мебели и, удивившись своему поступку, пошел искать Валентину.

Старушка стояла возле плиты и сосредоточенно готовила завтрак. Заметив краем глаза тощие ноги, хозяйка весело сказала:

–Доброе утро, Антуанчик! Садись за стол, сейчас мы позавтракаем,– Валентина ловко достала тарелки, включила газ, положила еду, накрыла стол и уселась рядом.

–Приятного аппетита!– произнесла бабушка.

–Приятного аппетита,– скромно ответил мальчик.

Такого вкусного завтрака он давно не ел. Яичница с луком, сытная и приятная, переливалась тягуче во рту. Заедая желток черным хлебом, Антуан отпивал по глотку сладкого домашнего ягодного компота. Пережевывая хрустящую корочку, мальчик улыбался.

Старушка с любовью смотрела на него. Как-то самим собой между ними завязался разговор о всяких пустяках. Хозяйка решила, что несмотря ни на что, она выполнит задуманное.

–Готов?– серьезно спросила бабушка.

–Да,– так же напряженно ответил мальчик.

Они стояли в прихожей и готовились к чему-то страшному и судьбоносному. Открыв дверь, ученик и учитель гордо собирались высказать все сеятелям несчастья, но те стояли у порога и удивленно смотрели на выходящих из дома.

–Здравствуйте,– первой, как всегда, начала Арабель.

–Доброе утро,– старушка почувствовала, как мальчик прижимается к ней. – Зачем пожаловали?

–Забрать нашего несносного сына,– грозно и строго произнес отец.

–Он хороший мальчик! Замечательный!

–Но он принес вам столько хлопот,– также грозно смотрела на ребенка и мать.

–Скорее это вы принесли ему много проблем,– чем больше напирала старушка, тем сильнее давила на нее девушка.

–Что?– оба удивились.

–Ваши постоянные ссоры измотали бедного ребенка. Уже второй месяц он приходит уставший и бессильный.

–Прошу вас не влезать в чужие дела,– теперь грозный вид Арабель перешел на хозяйку.

–Успеваемость ученика- главная забота учителя. А из-за вас она снижается,– старушка робела перед страшными и нервными взглядами родителей, та скромная девушка, что ломает маску беспечности, затыкает морщинистый рот хозяйке, но Валентина держалась.

–Мы вам платим деньги, и вы не имеете право вмешивать-

ся в наши семейные дела, – Арабель повышала тон.

–Как и вы не смеете кричать на меня возле моего дома, на моей территории!

Мать замешкалась.

–Антуан, пошли домой,– она протянула руку сыну, но тот еще больше спрятался. Арабель вспыхнула.– Антуан!

–Я собираюсь забрать вашего сына к себе,– вскрикнула старушка. Выглядело это жалко, но все удивились.

–Вы никак не сможете этого сделать.

–Смогу! Я не отдам бедного мальчика таким злым родителям!

–Не беспокойтесь, мы развелись. Антуан теперь будет жить со мной,– хозяйка замерла. Этим воспользовалась Арабель и выхватила за руку ребенка, да так, что казалось, она оторвет тоненькую ручонку.

–А!– закричал мальчик.– Валентина Викторовна, спасите!

Старушка пришла в себя и помчалась за матерью, но ее остановил Михаэль, до этого молча следивший за ситуацией.

–Я понимаю, вы его тоже любите, как и мы, но ради его будущего... отпустите.

Скромная девушка полностью обхватила шею старушки, и ей приходилось лишь смотреть, как отец, печально кивнув головой, пошел следом за криками сына, просящего своего репетитора забрать его к себе...

В следующий раз они встретились в месте, где никто не смеет шуметь и беспокоить вечный сон спящих. Антуан вырос. В нем остались некоторые проблемы из детства, но многие он тяжким трудом победил. Сегодня похороны его матери. Он не пришел. После того дня, он ненавидел женщину, забравшую его из рук настоящей любви, ценившей хрупкую и скромную душу. Антуан не хотел вспоминать про мать. Он стоял напротив небольшого надгробия, который навеки запечатлел имя самого доброго человека на Земле. Валентина Викторовна наверняка поругала бы мужчину за такое неуважение к тому, кто подарил ему жизнь. Для него это было и так понятно. Он опустился на колени перед могилой, положил руку на холодный твердый мрамор и прошептал:

–Здравствуйте, Валентина Викторовна.

Август

Следующий кадр: стройное тело человека в деловом костюме. Лица не видно.

Главный редактор: Вот тебе камера. Завтра ты выдвигаешься вместе с добровольцами. Куда тебя дальше пошлют-я не знаю. Обмундирование получил?

Брен: Да.

Главный редактор: Хорошо. Документы все подписал?

Брен: Все.

Главный редактор: Хорошо... Ты точно уверен?

Брен: Точно.

Главный редактор: Тогда... Береги себя. Это такое дело, что вряд ли вернешься целым. Просто береги себя...

Брен: Хорошо.

Главный редактор: Удачи.

Брен: Удачи.

Следующий кадр: грузовик. Вдоль кузова расселись добровольцы в боевой форме. Между ними ведется какой-то диалог.

Доброволец 2: И ведь началось-то все с чего: какой-то ма-ньяка, убивающего мирное население, решили повесить- и ведь правильно сделали- да только наши же братья... Эх!

Доброволец 1: И правильно сделали! Не братья они нам. Променяли Родину на подчинение варварам. Скоро мы спасем нашу страну от гнусных предателей!

Доброволец 2: Вряд ли бы они сражались без каких-либо причин...

Доброволец 1: Какие причины у них могут быть? Они безграмотные, тупоголовые и жалкие! Они захотели взять власть и установить свои прогнившие устои, которые разорили бы нашу страну окончательно.

Доброволец 2: Откуда же тебе знать об их планах? Вдруг они только власть сменяют, да посадят кого-нибудь толкового.

Доброволец 1: Да тут же все понятно: история циклична, а значит, и все эти бунтовщики падут под праведной рукой

нашего президента.

Доброволец 3: Твоя „история” давно уже всеми переписана.

Доброволец 1: А не оттого ли, что ваше поколение училась по уже написанной неверными историей?

Доброволец 3: Малец, ты не наглеЙ. В тебе еще мало жизни, а о опыте я и вовсе молчу. В твоём возрасте ты должен за девушками бегать, да деньги у мамы просить.

Доброволец 1: Для вашего поколения, быть может, нормально иметь привычки молодого возбуждения, но новая молодежь куда умнее и ощущает мир лучше.

Доброволец 3: Что-то я ума в новом поколении не вижу.

Доброволец 1: Ума не видите вы, что в вас самих его так мало.

Доброволец 3: А ну, молчать, сопляк! Ты уважай старших. За язык по шапке получишь.

Доброволец 4: Это зашло так-то слишком далеко.

Доброволец 2: Надо охладить градус этих двоих.

Доброволец 1: Не знаю, какая температура на улице, но этот старикан явно хочет ощутить молодой и горячий кулак.

Доброволец 3: Как заговорил. Посмей!

Доброволец 1: Посмею!

Доброволец 4: Успокоились! Драки тут нам не нужны так-то господа.

Доброволец 4 не дает встать Добровольцу 1. Доброволец 2 обращается к Брену.

Доброволец 2: А ты чего снимаешь?

Брен: Репортер.

Доброволец 3: Тогда бои снимай, а не ерунду...

Камера выключилась.

Следующий кадр: Брен идет по песчаной и пыльной дороге прямо к длинному ряду палаток. Закрепив камеру на груди, он снимает приближение к человеку в военной форме. Позади идет колонна носилками.

Солдат: Имя.

Брен: Брен.

Солдат: Фамилия.

Брен: Трубер.

Солдат: Так... Брен Трубер... Трубер... Т... Ту... Вот. Вы репортер?

Брен: Да.

Солдат: Тогда направляйтесь пока вон туда (указывает на ряд палаток), дальше вас распределит генерал-майор Смелу.

Брен: Спасибо.

Солдат (хватает за руку Брена): Ах, да. Возьмите эту повязку (протягивает зеленую повязку)

Брен: Зачем?

Солдат: Как отличительный знак.

Брен: Хорошо, спасибо. (Забирает повязку)

Брен идет к палаткам. Подойдя к колонне носилок, на которых лежат раненные, звуки стонов и плача стали слыш-

ны. Медработники быстрым темпом пробегают к фургонам с красным крестом на кузове. Когда все раненные и больные прошли, Трубер прошел дальше. Рядом строились солдаты. Командир раздавал приказы. Справа еще одна колонна боевой техники была окружена толпами солдат, суесящимися вокруг машин. Подойдя к палаткам, к Брену подбегает парень с флажками.

Юнец: Новый?

Брен: Да.

Юнец: За мной.

Парень быстрыми шагами проводит Брена к толпе солдат. Трубер сливается с бойцами. Слышен громкий и строгий голос.

Кто-то: Равняйся! (Суежливые движения солдат, а затем их ровный строй, частью которого является Брен. Впереди тяжелыми сапогами расхаживает стройный и подтянутый мужчина средних лет) Смирно! Я генерал-майор Смелу, и сейчас я начну распределять вас по отрядам.

Смелу читает список с именами солдат, которых тут же определяют в разные полки. Бойцы, услышав свое назначение, выходят из строя и идут к нужным палаткам.

Смелу: Бр... Брен... Тр...у...Бер!

Брен: Я. (Выходит из строя)

Смелу: Тебя зачислили в 44-ю дивизию.

Брен: Так точно.

Брен идет к палатке, на которую указал парень с флаж-

ками, стоящий во все время распределения рядом с генерал-майором. Подойдя к нужному шатру, Трубер видит к курящему у входа бойца.

Брен: Здесь 44-я дивизия?

Курящий: Здесь. (Угрюмо глядит в камеру) Ты к нам?

Брен: Да.

Курящий: Шас позову майора. (Заходит внутрь и кричит) Эй, майор! Новенький! (Поворачивается к Брену) Скоро придет.

Быстрые шаги, из палатки выходит мужчина с бородой, тонкими волосками покрывающей весь подбородок.

Майор: Здравствуй, здравствуй.

Брен: Здравия желаю, товарищ майор.

Майор: Репортер? (Смотрит на повязку)

Брен: Так точно.

Майор: Тогда... Будешь в отряде Джи.

Курящий: Стойте, стойте. (Удивляется) Майор, там же Джим, он погубит его.

Майор: Он репортер, а я думаю, нашему отечественному кино нужен зрелищный фильм прямо с поля боя.

Курящий: По такой логике отправьте и всех наших журналистов, чтобы точь-в-точь описывали происходящее.

Майор: Так, отставить возражения.

Курящий: Майор, хотя бы к артиллеристам его отправьте. Ну не под огнем его снимать.

Майор: Так давай сами его и спросим. (Обращается к Бре-

ну) Тебя куда отправить: в тыл или в пекло?

Брен: Предпочту пекло, товарищ майор.

Курящий: А, так ты из смелых.

Майор: Он сам все решил, да и нечего тут оспаривать приказ. Я так-то майор.

Курящий: Да-да.

Майор: Флажочек!

Слышны приближающиеся шаги. Из шатра выбегает маленький и щуплый солдат с флажками в руках, который был тем самым солдатом, что проводил оператора к палатке.

Флажочек: Для выполнения приказаний прибыл, товарищ майор!

Майор: Отведи его к отряду Джи и доложи Джиму, чтобы он обеспечил новенького всем необходимым.

Флажочек: Так точно! (Обращается к Брену) Пошли.

Брен заходит за Флажочком в палатку. Вдоль двух сторон идут двухэтажные койки, на которых юноши в военной форме занимаются своими делами: мечтают, читают, играют в разные военные игры, разговаривают и смеются. В палатке был полный бардак. Земля вместо пола, пыль, разбросанные вещи и отвратительный шум вокруг. Дойдя до конца палатки, Брен встретил тех самых Добровольцев, бывавших с ним в грузовике.

Флажочек: Где младший сержант?

Доброволец 3: Отошел. Тебе зачем он?

Флажочек: К вам зачислили нового. (Указывает на Брена)

Доброволец 1: О! Знакомое лицо.

Доброволец 2: Это ты тот с камерой?

Доброволец 1: Точно!

Флажочек: Как только сержант придет, скажите ему, чтобы все обеспечил Брену.

Доброволец 3: Да мы еще сами не обеспечены.

Флажочек: Это уже не мои проблемы. (Уходит)

Доброволец 1: Раз уж мы теперь в одном отряде, то давай знакомиться. Я морти.

Доброволец 3: Будь ты в плену, ты бы тоже всем проговорился?

Морти (Указывает на Добровольца 3): Это Рамис, а это (указывает на Добровольца 2) Адам.

Рамис: Самого как зовут?

Брен: Брен.

Адам (Отвлекся от дел в своем рюкзаке): Твое место ночлега там (Показывает на верхнюю койку)

Рамис: Где черт носит этого Джима? Может, самим сходиться за вещами?

Голос сзади: Не надо. (Появляется Джим)

Рамис: О, сержант, тут этого привели. (Указывает на Брена)

Джим: Вижу. Кто такой?

Брен: Репортер.

Джим: Тоже мне хорошая компания. Три новобранца, да репортер. Куда мы с таким составом пойдём?

Морти: Прямо до города С.

Рамис: Или завтра же в могилу.

Адам: Сержант, мы же все же не одни воюем. Мы часть армии.

Рамис: Это правда, но принимать первые удары будет наш отряд.

Джим: Мы будем просто в числе первой линии атаки. Ты слишком пессимистичен.

Морти: Если в тебе так мало духа, то чего ты сюда пошел?

Рамис: Не твое дело. Ты слишком мал для такого.

Морти: Значит, решил играть взрослого, ведя себя как подросток.

Джим: Прекратить споры. Брен, что за фильм ты снимаешь?

Брен: Документальный.

Морти: Нас в телевизоре покажут?

Брен: Если кадры дойдут, то да.

Рамис: Для поднятия патриотизма?

Адам: Для показа всех ужасов войны. Вряд ли кто-то захочет это повторить. (Говоря это, копошится в рюкзаке)

Рамис: Найдутся те безбашенные, кто захотят.

Джим: Место ему дали?

Морти: Давно, сержант.

Джим: Хорошо. Вещи вам принесут сегодня, ближе ко сну.

Рамис: Я уже думал, голые воевать пойдем.

Джим: За твой язык, ты голым пойдешь в карцер.

Рамис: Сержант, я вас умоляю, уж лучше в карцер, чем под пули.

Морти: Тогда какого черта ты здесь делаешь?

Адам: Язык твой- враг твой.

Рамис: Молчать команды не давали.

Джим: Так, готовьтесь уже ко сну. Завтра ожидается бой.

Рамис: Первые потери?

Адам: Вопрос ужасный.

Джим: Я пошел. Мне еще доставку вашей формы нужно поторопить.

Морти: Спокойно ночи.

Джим: И вам того же.

Джим уходит. Камера выключилась.

Следующий кадр: утро, все солдаты куда-то собираются.

Рамис: Ты зачем камеру включил?

Брен: Проверить, работает ли она.

Рамис: Тебе бы сделать кармашек на плече, чтобы куда-нибудь ее спрятать.

Морти: Зачем?

Рамис: Он же не будет с камерой в одной руке и автоматом в другой.

Морти: Так он же репортер.

Рамис (с раздражением): Но все еще в боевом отряде.

Адам: Группе.

Рамис: Какая разница?

Камера выключилась.

Следующий кадр: ночь. Лес. Морти смотрит из-за кустов в поле, а Адам крутит какую-то палочку в руках.

Морти: Ну, когда уже в бой?

Адам: Не знаю. Спроси у сержанта.

Морти: Да ему откуда знать? Он не помнит, какой сегодня день.

Адам: А ты помнишь?

Морти: А... Ну... Вроде сентябрь... двенадцатое?

Адам: Прежде чем наговаривать на сержанта, сам за собой походи.

Морти: Да ну, ты же видел его? Он нас в гроб приведет с таким командирским настроем.

Рамис (Выходит из-за деревьев): Слышу, кто-то на сержанта доносит?

Морти: Ну, точно не тебе его любить.

Рамис: Здесь ты прав. Не нравится мне он. Из него командир хуже из собаки балерина.

Адам: И что вы сделаете? Отправите его в отставку?

Морти: Пожалуемся.

Адам: Вас никто слушать не станет. Он выше чином, значит, прав.

Рамис: Тьфу! Армия...

Адам: А ты сюда шел в войнушки играть?

Рамис: Шел я сюда для своего дела.

Адам: Если это твое дело пересеклось с армией, то терпи молча. Как дети.

Джим (Подбегая): Парни! Скоро выступаем. Мы впереди.

Рамис: Вот я и повоювал...

Джим: В случае плотного огня ложитесь на землю. Там уже задние колонны поддержат нас.

Рамис: Куда наступаем-то?

Джим: На ангар. Они вдоль него обустроили оборонительные позиции. Сложно будет прорвать их.

Рамис: Сержант, можно спросить?

Джим: Спрашивай.

Рамис: Почему танки не могут быть впереди?

Джим: Они еще не подошли к позициям.

Рамис: А когда я только прибыл сюда, вдоль дороги длинным строем стояли наша железная гордость.

Джим: Все это подбитая техника. Командование недооценило силу врага. Видимо, мятежников спонсирует другая страна.

Морти: Ха! Это все Вурвония. Эти твари поддерживали всегда своих террористов- вурвонцев.

Рамис: На этот раз, я надеюсь, начальство оценит трезво силу врага?

Джим: Да. Мы действуем организованно и быстро. В случае неудачи мы отступим в деревню, которая находится с левой стороны от нас.

Рамис: Тогда почему мы не нападаем со стороны деревни?

Морти: Да, там же удобная позиция для нападения. Да и дороги какие-никакие имеются.

Джим: Во-первых, фактор неожиданности. Во-вторых, именно через деревню и пойдут идущие танки. Мы должны им обеспечить спокойный проход.

Рамис: Тогда как это ужаснейшее оружие смерти покажет себя?

Джим: После лагеря идет город С. Мы- единственный фронт, который ближе всех находится к центру мятежа. Все силы уйдут на оборону города, так что танки нам пока нужны целыми.

Рамис: Вы уже потеряли целую армию...

Джим: Ошибки есть везде. Больше они не повторятся.

Вдоль леса послышались шорохи, стуки, треск, активный шепот.

Джим: Скоро начнется атака. Приготовьтесь.

Сержант стал следить за часами. Через несколько минут он проговорил.

Джим: Вперед. Двигаемся быстро и тихо.

Из леса вышла длинная колонна солдат, которая тихо пробиралась по полевым травам. Поле было небольшое, уже спустя 500-600 метров виднелась другая лесополоса. Идя тихо-тихо по земле, Брен и все остальные затихли. Лишь кое-где звенел стук автоматов о ремни, и подавленный кашель солдат был самым громким в ночи. Переправа оказалось

успешной. Дойдя до лесополосы, Морти первым подобрался к кустам, за которыми горели тусклые свечения из палаток. Приглушенный звуки караульных доносились откуда-то. Вся остальная группа подошла к Морти. Затем и армия подоспела. Все приготовились.

Джим (Шепотом): Ждем...

Прозвучал выстрел, который, словно гром, остановил сердца от испуга многих солдат. Из лесополосы выбежала вся армия с криками: „Ура!“, „За победу!“ и прочее. Брен с Адамом забежали в одну палатку. Противник еще не успел проснуться. Двое вражеских солдат лишь подняли головы, но Адам выстрелил им обоим в лбы. Те повалились на землю. Спящих зарезали другие солдаты, забежавшие сзади. Брен побежал к большой палатке, в которой слышались перестрелки. Там противник уже проснулся. На улицах, образованных рядами шатров, которые, как дома, четко расположились по территории, велись еще более ожесточенные бои с караульными. Уже горел пожар. Взглянув в окно, Брен из винтовки стал обстреливать полуголых, раздетых солдат противника, которые сонно боролись с армией.

Кто-то: Брен!

Это кричал Рамис, которого зажали трое солдат. Товарищ оператора спрятался за ящиками. Огонь вели с противоположной стороны улицы. Брен высунулся из-за угла и стал целиться. Первые и последующие выстрелы попадали мимо, но внимание врага оператор привлек. Рамис, воспользовав-

шись моментом, быстро выскочил из-за укрытия, прицелился и тремя выстрелами четко поразил противника. Стрельба, обращенная на Брена, затихла. Рамис подбежал к оператору.

Рамис: Гады дерутся! Я слышал у радистов, что половина лагеря уже захвачена. Это произошло быстрее, чем я думал! Эта часть лагеря куда более бойкая, тут казармы.

Рядом прозвучал взрыв. Из палатки, в которой отбивались сонные солдаты вспыхнул заряд. Брен и Рамиса снесло, они упали. Через несколько минут оператор очнулся. Рамис еще был без сознания. Брен пару раз ударил того по щеке, он проснулся.

Рамис: Где...я?

Подбежал солдат в белом халате.

Белый халат: Я медик. Оставь.

Брен убежал дальше по улице. Вокруг был хаос. Все убивали друг друга. Вокруг стоны, крики. Брен уверенно бежит по улице. Пожары, крики. Из каких-то палаток, горящих алым пламенем, вылезают в огне солдаты, кричащие от боли. Везде возгласы. Добежав до перекрестка, Брен увидел в середине стоящего с опущенными руками Морти. Рядом с ним велась борьба двух сил. Свистали пули, но его не задевали. Оператор быстро помчался к товарищу и, прыгнув на него, сбил его с ног и повалил на пол.

Брен: Очнись!

Морти в недоумении смотрит на Брена.

Брен: Очнись!

Брен стал легко бить по лицу Морти. Вокруг свистели пули. Рядом что-то взорвалось, и глаза Морти в испуге очнулись. Он со страхом посмотрел на Брена, оттолкнул его и побежал куда-то по улице. Брен хотел побежать за ним, но усилившийся град снарядов приковал оператора к земле.

Кто-то: Солдат! Сюда!

Неизвестный боец звал Брена в укрытие.

Боец: Мы прикроем тебя. Скорей!

Орудия начали отвечать на огонь противника. Брен ползком быстро добрался до своих. Его за плечи подхватили бойцы.

Солдат: Ну, ты даешь! Выжил в самом центре боя...

Второй солдат: Так еще без единого укрытия.

Третий солдат: Бог его сберег.

Солдат: Какой отряд?

Брен: Джи.

Солдат: Не знаю такого. Кто командир?

Брен: Младший сержант Джим.

Солдат: Это тупоголовый храбрец. Не повезло тебе.

Второй солдат: Ну, видя, что он еще жив, значит повезло.

Во все время диалога солдаты отстреливались от противника.

Третий солдат: Оп! Наши жмут!

Солдат: В атаку!

Солдаты вышли из укрытий и побежали на отступающего противника. Брен еще несколько минут отсиживался. Пере-

ведя дыхание, он с трудом встал и, пошатываясь, шел по улицам, полным ликующих солдат, а палатки вдоль горели пламенем. Кто-то тушил пожар, кто-то радостно кричал и пел песни, кто-то впопыхах бежал за наступающими войсками. На поле валялись тела. Медбраты еще не успевали выносить трупы. В лагере стоял дым не только пожара, но и пороха. На протоптанной пыльной дороге кое-где выделялись кратеры от взрывов. Пройдя улицу, оператор увидел толпу измученных людей, за которыми ухаживали бойцы. Пленные. На их избитых и тощих лицах виднелся страх, даже когда рядом с ними, как служанки за хозяином, бегали не менее уставшие вояки. Они одичали и делали что-либо только по приказу. Одежды на них почти не было. Остановившись на середине дороги, Брен молча наблюдал, как мимо него пробегают бойцы, ругаясь на него и что-то крича другим солдатам. Мешая проходу еще какое-то время, оператор медленно пошел дальше. Камера постоянно тряслась, тяжелое дыхание было громче любого фонового звука. Брен дошел до насыпи и перед его взором открылось большое поле, на котором заканчивалась битва. Солнце потихоньку вставало, и небо окрашивалось в синеватый. Выстрелы яркими желтыми пятнами выражались на поле битвы. Дым пороха тенью ночи улетал ввысь. Ликующие крики, жалобные крики, предсмертные крики как утренние птицы встречали рассвет.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Утро. Брен идет по улице лагеря, вокруг рабочая атмосфера, многие солдаты ремонтируют палатки, кто-то перетаскивает орудия, боеприпасы.

Кто-то: Брен!

Джим подбежал к Брену.

Джим: Ты знаешь, где Морти?

Брен: Вчера он в испуге куда-то убежал.

Джим: Что с ним?

Брен: Не знаю. Выглядел испуганным.

Джим: Ясно... Значит, он может быть в госпитале. Ты куда идешь?

Брен: Помогать Адаму и Рамису ремонтировать палатки.

Джим: Ну, иди.

Брен молча пошел дальше. Пройдя пару кварталов, он подошел к Рамису и Адаму, первый держал ткань, второй гвоздями прибивал ее к доскам.

Рамис: Принес?

Брен: Да.

Брен дал Адаму коробку гвоздей.

Рамис: Так что вчера с этим малым было?

Брен: Стоял посреди перекрестка, когда вокруг свистела орда пуль, даже не упал на землю. А когда я его толкнул на землю и постучал по голове, он очнулся, испугался чего-то и убежал.

Адам: В госпитале, наверно, уже...

Рамис: Понятна такая реакция: юнец первый раз пороху

вдохнул. Испугался взрослых игр. А какой важный на словах был.

Адам: Не твоя б матерость, ты бы так же среагировал.

Рамис: Но я матерый.

Адам: Это тебе и помогает.

Адам пару раз ударил молотком и забил гвоздь в дощечку, закрепив ткань, которую держал Рамис.

Рамис: И все же вчера славный бой выдался.

Адам: Только жестокий...

Рамис: А какая война не жестокая?

Адам: Информационная.

Рамис: Это все детский сад. Настоящая война не обходится без жертв.

Адам: Война- это политический тупик.

Рамис: Тебе нравится быть в тупике?

Адам: Наверняка был выход из этой ситуации. Правительство само привело страну к такому положению.

Рамис: Здесь я спорить не буду, ситуация в нашей верхушке плачевное.

Адам: Угнетение народов не могло остаться без следа.

Рамис: Уж лучше бы они тогда вообще их уничтожили.

Адам: Ты монстр.

Рамис: Те, кто против нас, разве ангелы?

Адам: Сильный тот, кто способен простить.

Рамис: Ты, случаем, не религиозен?

Адам: Моя семья была религиозной.

Рамис: А сам?

Адам: Наполовину.

Рамис: Ну, тогда скажу одно, Бога нет.

Адам: Вряд ли ты докажешь это.

Рамис: Как и ты, что он есть. Религия- это сплошное противоречие. Все его законы- схожи этикетом.

Адам: Или этикет с религией.

Рамис: Возможно. Но мы сейчас на войне. Я уверен, среди убитых были самые верующие люди на планете, но Бог их не уберег.

Адам: Хватит о религии.

Рамис: И так понятно, что прав?

Адам ничего не ответил и продолжал бить молотком. Рамис лишь усмехнулся. Брен сидел рядом на земле и слушал их разговор.

Адам: И все же, все это ужасно.

Рамис: Уверен, в будущем будет лучше.

Адам: К чему такая вера?

Рамис: Менталитет у этой страны такой. Они учатся на своих ошибках. Принимая беженцев, хотя я не понимаю зачем вообще их надо было принимать, они много раз промахивались. В итоге, все эти промахи привели к этому.

Адам: Так почему эта страна учиться на ошибках?

Рамис: Уже идут реформы, которые явно сделают мир лучше.

Адам: У тебя есть новости?

Рамис: Один знакомый иногда подсовывает мне газеты.

Адам: Поделился бы хоть.

Рамис: Ага, конечно. Мы незнакомые друг для друга люди. Единственное, что нас объединяет, отряд и скука, из-за которой я с вами общаюсь. Так бы на дух не приблизился к вам.

Адам: Зато честно.

Они стали молча работать. К солдатам подошел Джим.

Рамис: О! Джим! Как там сопляк?

Джим: Для тебя сержант.

Рамис язвительно усмехнулся. Сержант немного раздраженно на него посмотрел.

Джим: Морти в госпитале. Выпишут скоро. Обыкновенный шок.

Рамис: Что я и говорил. Вдохнул пороха молокосос.

Адам: Он лучше?

Джим: Намного.

Рамис: Так же активно патриотивничает?

Джим: Заткнись.

Рамис: Ладно-ладно.

Адам: Много убитых?

Джим: Нет. Все прошло по плану, так что жертв немного.

А вот пленных много.

Адам: Да, видел...

Рамис: Где они их столько держали?

Джим: Под некоторыми шатрами есть вырытые подзем-

ные туннели, в которых и сидели пленные, в грязи и темноте. Среди них было множество гражданских.

Адам: Изверги...

Джим: Да. Командование планирует через два дня уже наступать на город С. Как раз в это время должны приехать танки.

Рамис: А самолеты у нас есть?

Джим: Я ожидал от тебя вопрос и похуже. Нет.

Рамис: Так где же они? На парадах же так хвастались сильными ВВС, а тут нет.

Джим: Подбили.

Рамис: Понятно. У нас всех подбили.

Джим: Рамис, молчи...

Камера выключилась.

Следующий кадр: Брен в спешке собирает вещи. Рядом Адам одевается. Собрав все необходимое, оператор стал осматриваться. Рамис был готов. Морти обувался, но вскоре закончил. Когда Адам тоже в готовности встал. Джим в нетерпении подбежал.

Джим: Готовы?!

Все: Так точно!

Джим: Марш за оружием!

Все выбежали из палатки. Вокруг взрывы, стрельба, крики. Ранее утреннее небо еще было темным, и в нем виднелись фейерверки огня. Солдаты в панике брали оружия, вы-

даваемые рядом с казармами. Все бойцы после того, как взяли оружия, бежали к лесополосе, где слышались самые громкие выстрелы. Отряд Джи тут же побежал на позиции. Флажочек активно махал руками, координируя хаотичную толпу. Ему помогали еще несколько ребят. Добежав до линии обороны, Брен заснял активные боевые действия. Солдаты, лежа в земле, отстреливались от наступающей колонны противника. Впереди пехоту прикрывали вражеские танки. Нагнувшись, Майор кричал солдатам, сосредоточенно стрелявшим по целям.

Майор: ...И не смейте отступать! Если наша оборона провалиться, то эти твари убьют еще больше людей! Стойко и смело защищайте этот рубеж...

Флажочек направил отряд Джи к своей позиции. Брен лег на земле, спрятавшись за кустом вместе с Адамом. Впереди длинной и страшной колонной медленно наступал враг. Брен стал вести огонь. Завязался бой... Больше десяти минут оператор безуспешно стрелял по врагам. Патроны закончились. Танки приблизились на достаточное расстояние, чтобы открыть огонь. Страшный хлопок дула железной машины и взрыв снаряда, уносящего несколько жизней, заставляли землю дрожать. Майор в ярости сзади стал бегать и орать. Брен обернулся.

Майор: Да где противотанковые орудия?!

Солдат: Не знаю, товарищ майор.

Майор: Как?! Как ты можешь не знать?!

К Майору подбегает еще один боец.

Докладывающий: Товарищ Майор, склад с орудиями захвачен.

Майор (в ужасе и гневе): Как захвачен... Почему захвачен?!

Докладывающий: Противник неожиданно напал с флангов.

Майор: Использовали нашу тактику... Слушай мою команду...

Голову Майора растерзали пару пуль. Мертвое тело упало на землю. За ним очередь задело Докладывающего. Джим неожиданно выкрикнул.

Джим: Слушай мою команду! Отступаем!

Отряд Джим побежал вместе со многими солдатами назад. Некоторые остались на позициях, не слыша из-за взрывов приказа.

Танки были все ближе. Брен бежал по лагерю за Джимом. Позади него были Рамис, Адам и Морти. Сержант уже отдал приказ рядом бежавшим солдатам устроить оборону лагеря с фронтовой стороны. Отбитием склада должны были заняться несколько уцелевших отрядов, среди которых был и отряд Джи.

Морти (На бегу): Товарищ сержант, может, стоило отступить совсем?

Джим: Нельзя допустить победы врага. Сражаемся до конца.

Все подбежали к парадному входу склада. Это был ангар, внутри которого эхом раздавались выстрелы.

Рамис: Внутри еще идет сопротивление.

Джим: Тихо заходим внутрь и атакуем их с тыла.

Рамис: А если увидят?

Джим: Даем им бой. Готовы?

Все: Так точно.

Осторожно первыми в ангар вошли Джим и Рамис, за ними Брен и все остальные. Длинный коридор, забитый ящиками в хаотичных местах, мешал тихому проходу, но с трудом, у отрядов получилось дойти до входа в основное огромное помещение склада. Внутри был еще больший беспорядок и техника. Тут Эхо громом отдавалось в уши солдат. В углу, слева от ворот, была вышка, с которой открывались ворота. Оттуда вели сопротивление остатки бойцов. Внизу стрелял враг. Осторожно дойдя до коробок, которые стали укрытием, союзные силы приготовились стрелять. Первым не сдержался Морти. Силуэт врага упал. Некоторые противники немного сконфузились, остальные продолжали вести огонь по вышке. Недолго думая, прозвучали грохоты остальных орудий отряда Джи. Кто-то промахнулся, кто-то попал в цель. После массового огня, враг обернулся. Кто-то из оппонентов понял, что их зажали и стал раздавать команды. Точным выстрелом одного из солдат руководитель пал на землю. Завязался бой. Защитники вышки тоже стали напористее помогать своим. Сражение длилось не больше часа. Ко-

гда последнее тело врага пало, а на земле пятна крови стали привычным явлением, сверху закричали.

Защитник кабинки 1: Эй! Эй! Сюда! Помогите раненных отнести!

Джим: Сейчас!

Выживший солдат: Бежим, братья.

Лестница, стальная и скрипучая, еле удерживала тяжелые массы бойцов. Первым открыл дверь сержант. Трое раненных сидели облокотились о стенку и выли от боли Два обороняющихся убиты: один разлегся на панели управления, другой лежал возле окна. Лишь трое остались живы и помогли раненным.

Джим: Как они напали?

Защитник кабинки 1: Когда бой начался (перебинтовыва-ет рану пострадавшему), из леса напали эти крысы...

Защитник кабинки 2: Осторожно! Возьмите его. (Указы-вает на второго раненного)

Адама, Рамис, Морти и неизвестный солдат взяли акку-ратного пораженного пулей и бережно стали спускать его по лестнице.

Защитник кабинки 1: И мы сели в оборону. Артиллери-сты только-только приготовили к бою орудия, как внутрь уже прорвались.

Джим: Сколько убито?

Защитник кабинки 1: Наверно, сотня есть.

Джим: Ух...

Защитник кабинки 3, убрав труп, проверяет пульт управления.

Защитник кабинки 1 (Укладывает в ранец все медикаменты): А вы зачем сюда пришли? Разве вы не должны держать оборону? (Берет раненого под руку и кивает Джиму и Брену, чтобы они помогли)

Джим (Хватая осторожно под руку): Прорвали оборону.

Защитник кабинки 1: Как прорвали?

Джим: У них танки.

Защитник кабинки 1: Откуда?

Джим: Спонсирует кто-то.

Защитник кабинки 1: Вот дела... И вы пришли за орудиями?

Джим: Да, отсутствие артиллерии заметно.

Защитник кабинки 1: Продумали все, крысы... Вы вовремя. Еще бы чуть-чуть и среди тех (кивает на лежавших мертвых солдат) оказались бы мы, и некому больше защищать орудия.

Джим: Да...

Сержант и защитник спустились по лестнице и аккуратно положили раненого на сделанную из двух больших коробок койку. Несчастный недолго стонал, успокоился и закрыл глаза.

Защитник кабинки 1: Ну, что, каков ваш план?

Джим: Держим оборону.

Защитник кабинки 1: А не бессмысленно ли?

Джим: Отход раненных надо обеспечивать.

Защитник кабинки 1: Артиллеристы у вас есть?

Защитник кабинки 2: Я это... Артиллерист. Не думаю, что ваши ребята разберутся в этой технике. Лучше взять одно и стрелять больше. А остальных отправить на помощь убегающим.

Джим: Наверно. Солдаты Майора еще держат свои позиции.

Рамис: Точно нет.

Защитник кабинки 1: Если у противника есть танки, то враг уже должен топтать палатки.

Адам: Я пойду.

Джим: Я еще ничего не сказал.

Адам: А я пойду.

Артиллерист: Нужно еще трое солдат.

Джим: Кто готов?

Брен: Я.

Джим: Точно нет. Ты оператор и не можешь рисковать жизнью.

Брен: Но при этом я нахожусь на линии фронта в центре боевых действий.

Джим посмотрел на Брен, в его глаза появились сомнения, испуг и удивления. Он опустил глаза.

Джим: Хорошо. Кто еще?

Морти: Я!

Джим: Никто больше?

Морти: Сержант, вы сомневаетесь во мне?

Джим: Нет, ты еще...

Морти: Ради Родны я готов пойти на любой риск!

Джим: Хорошо. Остался последний.

Неизвестный солдат: Я пойду.

Джим: Остальные, берите раненных и отправляйтесь к ближайшей деревне. Я пойду с вами. (Поворачивается к пятерым солдатам) Удачи.

Остальные с ранеными стали уходить из ангара.

Артиллерист (Кричит наверх): Эй, Шога, открывай ворота! А затем уходи!

Шога (Из вышки): Понял!

Артиллерист (Брену и Морти): За мной.

Они пробежали коробки и возле открывающихся ворот увидели пять противотанковых орудия, рядом с которыми лежали трупы. Артиллерист подошел к одному орудию.

Артиллерист (Морти): Ящики со снарядами вон (Указывает на прямоугольные и деревянные коробки у стены, под которыми лежало тело), скажи остальным, чтобы брали как можно больше.

Морти: Так точно!

Артиллерист (Брену): А мы с тобой возьмем этого малыша.

Они с усердием подняли за ножки орудие и выкатили его через открытые ворота ангара на улицу. Звуки стрельбы и взрывы были слышны намного ближе. Рядом бежали к линии

обороны солдаты. В обратную сторону отступали раненные.

Артиллерист: Ставим орудие возле той башни! (Указывает на невысокую металлическую антенну)

Брен, тяжело дыша, докатил пушку к указанному месту и развернул ее дулом к длинной протоптанной солдатами палаточной улице со своим боевым товарищем. Адам, Морти и Солдат несли на своих руках ящики со снарядами, поставленными друг на друга, потея.

Артиллерист: Нужно устроить небольшое укрытие. (Оглядывается) Вон! Мешки с песками.

Артиллерист побежал к мешкам, которые до этого должны были являться оградой какого-то навеса и стал носить их к орудию, строя импровизированные и спонтанное укрепление. Все также бросились на помощь. Тем временем союзные солдаты все больше отступали. Дым от пожара становился больше, а звуки выстрелов начинали пугать до дрожи. Вот-вот из-за угла мог появиться шальной танк. Но неустойчивое укрепление было достроено. Брен приготовился стрелять, Артиллерист сел за наводку, Морти готовил снаряд, а Адам с Солдатом на небольшое расстояние отошли на небольшое расстояние и готовились стрелять в пехоту. Шли минуты. Напряжение воинов и их тяжелое дыхание дергали камеру. Вот выехал первый танк. Его силуэт был гигантский и будто покрывал все небо. Артиллерист задвигал рычагами.

Артиллерист: Пли!

Брен дернул. Снаряд поразил технику, а затем та загоре-

лась. Бежавшие рядом враги отлетели взрывной волной. Никто из воинов не воскликнул.

Артиллерист: Заряжай!

Морти ввиду неопытности пару раз промахивался, но с помощью Артиллериста быстро научился. Орудие было готово. Вдруг позади горящих обломков показался еще один танк. Артиллерист навел пушку.

Артиллерист: Пли!

Снаряд ювелирно попал прямо в башню. Техника взорвалась. Тут же опытный вояка от такого попадания не смог сдержать довольную улыбку. Морти зарядил орудие.

Больше танков не шло. Пехоты не было.

Артиллерист: Ждем. Они могут еще выехать.

Неожиданно послышался рев двигателя, и, давя палатки, выехал прямо к орудию танк. Брен машинально с Артиллеристом стали разворачивать пушку. Но стоило им прицелиться, дуло стальной смерти уже смотрел прямо на них. Брен дернул за веревку, орудие выстрелило вместе с танком. Взрыв отбросил оператора. Прошла минута, Брен собирался подняться и увидел, что Артиллерист был мертв, Морти лежал где-то позади в неестественной позе, а Адам, посмотрев с диким испугом на место кровавой развязки, убежал. Силы покинули оператора он упал. Камера стала смотреть в застланное огнем утреннее небо.

Спустя три минуты раздались крики Морти.

Морти: Не дамся крысам!

Затем хрип и сильный удар. В кадр попал Ополченец, смотревший на тело Брена сверху. После некоторого времени пристального взгляда врага, тот пошел дальше.

Спустя еще десять минут тело Брена кто-то тащил через разрушенный лагерь. Тихо пробираясь мимо недружественных солдат, неизвестный потащил оператора в лесополосу, где спрятал того в землянке. Потом положил Брена на что-то. Камера выключилась.

Следующий кадр: Берн держит камеру так, что видно его уставшее и безэмоциональное лицо.

Некто: Я ее не трогал. Только выключил и положил на стол.

Брен проверяет фокусирование камеры на окружающем пространстве. Некто сидел напротив оператора. Весь он был тощим и худым. Из одежды на нем камуфляжная экипировка на размер больше. Землянка тесная. Из мебели стол, кровать, на которой сидел Брен, стул. На полу разбросаны медикаменты.

Брен: Тебя зовут Ильгар, да?

Ильгар: Да.

Брен (Тяжело вздыхает): Ты был одним из пленников, который остался в рядах армии, но с началом боевых действий еще отлеживался в госпитале. Когда бой утих, ты проснул-

ся и увидел полностью разрушенный лагерь, затем пытался найти выход, заметил меня и отнес сюда?

Ильгар: Все верно.

Брен: Почему ты не проснулся?

Ильгар: Не знаю даже... Наверно, усталость за все недели в плену накопилась. Я ведь только позавчера утром смог нормально поесть.

Брен: Вчера это...

Ильгар: День нападения.

Брен: А сейчас что?

Ильгар: Утро.

Брен: Я проспал весь день...

Ильгар кивнул. Брен оглянул землянку и посмотрел на собеседника.

Брен: Почему же ты не ушел с остальными пленными?

Ильгар: Не могу. Семья ждет.

Брен: Где?

Ильгар: В С.

Брен: Ты был в командировки, когда началась война?

Ильгар: Нет, навещал родственников. У меня вот только недавно мама умерла. После похорон ехал домой, а тут война. Ополченцы брали в плен всех, кто въезжал в город, считая их врагами. Я как раз-таки был на границе населенного пункта. Машину конфисковали, вещи забрали, а меня увезли в этот лагерь. Заперли нас всех в большой выкопанной землянке, где нас даже почти не кормили. Я уже не знаю,

сколько прошло времени с того дня, но я кое-как да выжил.

Брен: Ты не устал?

Ильгар: Устал, конечно... Устал. Но надо возвращаться к семье. Я не знаю, что происходит с моими последними любимыми людьми, и в моей душе абсолютная паника.

Брен: С виду не скажешь.

Ильгар: Это ты мне говоришь. Ты весь воплощение мрачности. Весь хмурый и страшный. А взгляд у тебя сплошная жуть.

Брен: Откровенно.

Ильгар: Я разучился лгать. Так что вот тебе мое мнение о тебе.

Брен взял рюкзак и стал собирать в него вещи.

Брен: наши войска отступили полностью?

Ильгар: Пленных и их не видел.

Брен: Надо тогда дойти до деревни, куда наша армия отступила. Там должна быть техника союзная, а вместе с ней и вся пехота.

Ильгар: А там есть кому воевать?

Брен: Найдется.

Ильгар: Ты прямо сейчас хочешь выдвигаться?

Брен: Да.

Ильгар: Снова при обмороке я тебя спасти не буду, сразу говорю.

Брен: Знаю.

Ильгар встал и начал тоже складывать в свой мешок вещи.

Взяв ружье, он протянул Брену пистолет.

Ильгар: Это все, что здесь было из оружия.

Брен: Как ты нашел эту землянку?

Ильгар: Наткнулся, пока тащил тебя. Тут оказались медикаменты, ружья, да запасы еды.

Брен: Ясно. Готов?

Ильгар: Да.

Брен: Пошли.

Оба вышли из землянки. Лагерь почти весь был сожжен. Обломки того, чего не сгорело валялись и создавали беспорядок. Ангар горел при солнечном свете. Обломки танков делали пейзаж куда грустнее. Весь этот котел последствия ада был окружен лесом, который скрывал ужас войны. В небе мелькали белоснежные облака. Природа продолжала существовать.

Брен: Держимся леса.

Ильгар: Понял.

Они оба побежали, прячась рядом с лесом, но не заходя в его глубины. Рядом весь разбитый, пустой горел ангар. Из него вытаскивали немногочисленные толпы ящики с припасами. Весь остальной лагерь был пуст. Ильгар и Брен тихо проползли мимо самого высокого поблизости здания и дошли до конца лагеря. Дальше было поле. На земле протоптанной пшеницы лежали тела, обломки техники редкой и много-много военного мусора. Кое-где, естественно, горели злаки.

Брен: Там вдали, за полем, деревня, где расположились наши войска.

Ильгар: Тогда пошли.

Брен: А ты не выдохнешься?

Ильгар: Ты хочешь сбросить меня, как балласт?

Брен: Нет, просто думаю, мы можем обойти поле опять вдоль леса, но путь дольше будет.

Ильгар: Пошли напрямик.

Брен: Ладно.

Бойцы побежали вперед, скрываясь в какой-никакой золотой траве и делая перерывы, прячась за обломками. Так они прошли шли. Никто в них не стрелял. Не было слышно звуков выстрелов или взрывов. Уже виднелись деревянные дома. Ускорив темп, солдаты добежали до небольшого сарайчика, стоящего на краю поселения, и там остановились.

Брен: Слышишь?

Ильгар (Прислушивается): Да. Наши?

Брен (Смотрит в поле): Не думаю.

Они тихо подползли к бревенчатому дома. Из окна слышен был мужской хохот, цоканье бутылок и пьяное бормотание. Ильгар указал идти к следующем дом. Перебежав незаметно к другому окну, они услышали женские стоны, скрип кроватей и плач со вздохами. Ильгар мрачно указал на последний дом, рядом с которым стояла небольшая кучка танков, расположившихся четкими колоннами. Спрятавшись за домом, они подошли к открытому окну, из которого велся

спор. Встав между танком и стеной, Брен и Ильгар прислушались.

Орущий голос: Я вам говорю, что надо наступать!

Спорящий голос: Нельзя! Мы в этой битве потеряли почти всю технику и огромное количество солдат.

Орущий голос: В потере техники нужно обвинять только Вурвонию! Они не научили наших танкистов управлять этими котелками!

Спорящий голос: Но факт есть факт: мы понесли большие потери.

Орущий голос: Враг потерял больше! Его количество солдат почти иссякло, и это отличная возможность к атаке.

Серьезный голос: Не забывайте, у них большее количество людских ресурсов.

Орущий голос: В нас силен дух!

Спорящий голос: Я не думаю, что это тупое и пьяной стадо завтра будет на что-то способно. Они постоянно пьют и крадут женщин. Так мы очухнемся только послезавтра.

Орущий голос: Это трофеи наших солдат.

Спорящий голос: Мы двинули линию фронта только в одной точке и то недалеко.

Писклявый голос: У нас страдает юго-западное направление. Сотня вражеских крыс сдерживает тысячи наших.

Орущий голос: Но ведь вся армия чиновников собрана в одном месте! Мы можем добить их!

Спорящий голос: Или потерять нашу Северную армию.

Орущий голос: Риски есть везде!

Серьезный голос: И за них надо отвечать. Я не думаю, что вы готовы попрощаться с головой в случае неудачи. Не действуйте под воздействие чувств. Это до добра не доведет.

Молчание. Выстрел.

Орущий голос (Куда-то в сторону): Кто стреляет?! Что?! Не хочет повиноваться?! Тогда всех расстреляйте!

Закрывается окно.

Орущий голос (Менее агрессивно): Я считаю, что в случае успеха одного, но решительного удара мы получим прямую дорогу до столицы, врагу придется перекинуть войска с других фронтов, чтобы остановить действие Севера, и там-то мы разгуляемся и будем бороться за то, ради чего начали все это.

Серьезный голос: Началы этого хаоса слишком ничтожны, чтобы ставить их как путеводную звезду. Нужно мыслить дальше. Ваша тактика имеет право существовать, но правительство тоже не дураки: что-нибудь да придумает. Да и помните, в случае принятия лояльных к нам законов, многие из ополченцев попросту потеряют стимул воевать. Все закончится трагично.

Орущий голос: Тогда надо начать действовать!

Серьезный голос: У нас уже все продумано, не паникуйте.

Орущий голос: У кого у „нас“?

Серьезный голос: У тех, кто займет власть...

Писклявый голос: Может, пару дивизий перебросить на юго-западный фронт?

Орущий голос: Мы можем напомнить солдатам, за что мы боремся! За равенство и свободу! И тогда они порвут любое войско.

Серьезный голос: Мотивы у генералов и рядовых разные.

Орущий голос: В каком смысле?

Серьезный голос: За что вы боретесь?

Орущий голос: За народ! За свободу! За равенство! Разве мы возглавляли ополчение не ради этого? Разве мы не подымали флаг ражи свободы?

Серьезный голос: Увы, но мы боремся за свои интересы. И народ нас не интересуется.

Орущий голос: Вы... Вы ничтожные! До добра это вас не доведет... Да!... Вас повесят. Вас всех повесят! Убьют! Растерзают! Вы ничтожные твари!

Серьезный голос: Прошу вас, не ругайтесь, иначе нам придется говорить по-другому.

Орущий голос: Если надо, будем по-другому! Со мной народ! А вы...

Серьезный голос: Скажите честно, если бы вам предложили сесть на этот трон и отринуть все ваши идеи, вы согласитесь?

Орущий голос: Ни за что!

Серьезный голос: Вы сейчас серьезно?

Орущий голос: Я ни за что не приму столь подлое пред-

ложение!

Серьезный голос: Не обманывайте нас, вы так же алчный, как и мы. Прекратите врать.

Орущий голос: Не вру! И не собираюсь иметь дело с такими подонками, как вы! (Грохот, топот и хлопок двери)

Серьезный голос: Ну, что, закончим начатое.

Споривший голос: Думаю, нам стоит дать нашим войскам отдых и периодически имитировать атаки с отступлениями.

Серьезный голос: Сконцентрировать внимание нужно также на других направлениях.

Писклявый голос: Вышлем несколько дивизий на юго-западный фронт.

Серьезный голос: Думаю, мы все решили.

Ильгар (Шепотом): Брен!

Напарник указал на нервного человека невысокого роста со сморщенным лицом и прилизанными черными волосами. Он что-то рассерженно бормотал, встав возле танка и закурил сигарету.

Ильгар (спрятавшись): Это тот тип с орущим голосом. Что с ним делать будем?

Брен: Попробуем вырубить.

Ильгар: А как дотащим?

Брен: По пути разберемся.

Брен побежал к танку, стоявшему в середине самой кучи. Недалеко шел нервный командующий. Оператор взял крупный камень и стал стучать по броне машины. Ильгар, все

поняв, спрятался за противоположной машину. Вдалеке слышалось ворчание. Шаги приближались.

Нервный голос: Что там шумит-то опять? Вечно Вурвония подсунет дешевку...

Как только голос стал четким, Брен спрятался и стал ждать. Шорох, молчание, удар, падение.

Ильгар: Все!

Брен (Выйдя из укрытия и увидев Ильгара, взявшего на себя тело человека): Побежали.

Рядом кто-то шагал и приближался. Солдаты испуганно спрятались за танком.

Враг: Что же тут шумело?

Ильгар стал обходить танк, Брен за ним. Оба, пригнувшись, бежали к открытому лугу, за которым начиналась роща. Лицо потерявшего сознание генерала билось о тонкую спину Ильгара. Пробежав луг и чуть не попавшись на глаза солдату, они скрылись в роще. Рядом с деревьями, на обочине, стоял военный джим.

Брен: Видишь?

Ильгар: Да.

Брен: Как угоним?

Ильгар: Не знаю.

Брен: Ты не умеешь это делать?

Ильгар: Я похож на угонщика?

Брен: Мало ли.

Вдоль обочины, в десяти шагах от джипа спал солдат.

Ильгар: Пьян?

Брен: Да.

Ильгар: Смотри! (Указывает на капот автомобиля. На нем лежали ключи) Проблема с угоном решена.

Брен: Нам помогает Всевышний...

Ильгар взял в ключи, положил тело генерала на заднее сидение и завел машину.

Ильгар: Завелась! Садись.

Брен сел на пассажирское сидение. Джип тронулся с места. Спящий солдат проснулся, сонно оглянулся, осознал происходящее и стал кричать. Но его голос уже утих. Машина ехала по окраине поля, стремительно отдаляясь от деревни. Колоски пшеницы не были тронуты войной, они ждали худшего...

Камера выключилась.

Следующий кадр: Пол, покрытый ковром.

Некто: Давайте посмотрим ваши приключения...

Брен: Вы не на ту кнопку нажали.

Генерал: Ой!

Камера выключилась.

Следующий кадр: Брен сидит на земле, окруженный лесом. Рядом с ним вокруг котелка расположились остальные члены отряда Джи без Морти, среди которого был Ильгар.

Вечер.

Джим: Примем же нашего нового члена отряда!

Все выпивают из кружек.

Рамис: И как ты такой хлюпкий вообще выжил?

Ильгар: Вот так.

Джим: Ты уже имел опыт в боевых действиях?

Ильгар: Да, участвовал в войне с Вурвонией.

Рамис: Так ты ветеран!

Ильгар: Не по своей воли втянут в еще один конфликт.

Джим: Пробьемся! Завтра идем в атаку.

Рамис: Какая же у нас тактика?

Джим: Такая же, только нашему отряду была отведена особая роль: Мы должны будем обойти деревни с флангов и выследить самые высшие чины, а затем устранить их.

Рамис: Мы по вашему какой-то спецназ или что? Зачем нам эта ерунда? Давайте воевать со всей армией!

Джим: Некому больше воевать. Солдат осталось мало после прошлой мясорубки. Надо действовать аккуратно.

Рамис: А мы похожи на грамотных разведчиков?

Джим: Нет, но больше не осталось.

Рамис: Я уверен, это вы втянули нас в это дрянь. (Злобно указывает кружкой на сержанта) Вы же будете нести ответственность за все.

Джим молчит.

Адам (Грустно): Жалко Морти...

Рамис: Какой там! Поймет, наконец, патриотик, что зна-

чит война. Вырастет.

Адам: Как ты смеешь такое говорить! В тебе есть хоть что-то, что осталось от человека?

Рамис: Всю человечность я расстрелял двадцать лет назад. Сейчас я борюсь за свои цели. Не за страну, а за себя.

Джим: Уверен, у такого подонка, как ты, цели низкие.

Рамис: Сержант, а вы чего рот раскрыли? Сидите молча и...

Джим (Грозно и негромко): Пошел вон...

Рамис: Чего?

Джим кинул кружкой в Рамиса. Рядовой сконфузился, очнулся, мрачно взглянул на сержанта, встал и ушел.

Адам: Вы все правильно сделали.

Джим: Точно нет. Мне тоже надо идти. Хочу поздравить снова вас обоих с награждением. Ваш подвиг поможет нам в победе. Спокойной ночи.

Адам: Спокойной ночи...

Джим медленно встал и ушел.

Ильгар: Не нравится мне это. Этот раскол будет очень неприятен в будущем.

Адам: Да... Помирятся ли?

Ильгар: Никогда. Ты их видел. Они противоположных характеров, званий, положения.

Адам: Да...

Ильгар: И нам стоит расходится. Завтра атакуем.

Адам: Выживем ли?

Ильгар: Мне умирать нельзя. Поэтому да.

Адам: Как скажешь...

Брен встал и вместе с Ильгаром и Адамом направился к тусклым огням среди леса.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Брен стоит и проверяет камеру. Вокруг суета: солдаты маршируют повсюду, кто-то бежит от одного отряда к другому, техника постоянно гудит своими двигателями, слышны строгие голоса генералов. К оператору подходит Джим.

Джим: Ты потерялся?

Брен: Есть немного...

Джим: Пойдем за мной. Все уже ждут возле джипа.

Джим повел Брена через колонны марширующих солдат, двигающейся туда-сюда техники и всей суматохи союзной армии, спрятавшейся в кустах. Впереди показался конец деревьев, Джим вывел Брена на проселочную дорогу, окруженную по бокам лесами. Отряд Джи стоял возле того самого джипа, которые угнали Ильгар с Трубером.

Рамис: Где тебя черти носили?

Ильгар: Зря мы вчера поздно легли.

Джим (Подходит к толпе и обращается к незнакомому мужчине): Транспорт готов?

Механик: Готова. Только вот старая иномарочка- заглох-

нуть может.

Джим: И что делать?

Механик: Попинайте ее, подтолкните. Авось, да заведется. (Дает ключи)

Джим: Понятно. Ильгар за рулем. (Передает ключи Ильгару и садится на пассажирское сидение)

Механик: С Богом, ребятки! (Перекрестил солдат)

Ильгар сел за руль, Брен и Адам- на задние сидения, Рамис залез в открытый багажник.

Джим: Помчали!

Ильгар завел машину, и она тут же быстро разогналась. Окружавший лес быстро мелькал и тут же исчезал за кадром. Джип летел по неровной поверхности дороги. Джим что-то говорил Ильгару, и тот, кивая головой, продолжал следить за путем. Ветер делал страшные шумы в микрофоне камеры. Автомобиль мчался и подпрыгивал на кочках. Вот поворот. Еще один... Еще... Бесконечная дорога, где не было видно конца. Вот машина остановилась.

Ильгар: Приехали.

Отряд Джи вылез из джипа и забежал в лес. Джим остановил солдат и велел им сделать круг.

Джим: Наша цель- вести разведку, доложить штабу и дать зеленый свет на атаку. У Адам рация, Рамис, в случае чего на снайперской позиции. Ты же охотник у нас, верно?

Рамис: Да.

Джим: Ильгар будет осматривать позиции врага и докла-

дывать координаты Адаму. Брен и я займемся картой, чтобы подсказывать Адаму. Приказ понят?

Все: Так точно.

Джим: Выдвигаемся.

Проходя через темный лес, отряд Джи быстро добрался до рощи. Был день. Солнце пробивалось сквозь яркую листву деревьев. Солдаты вышли к небольшой речушки. Идя по течению, они дошли до маленького озера, который быстро обошли.

Рация у Адама стала шипеть.

Рация: Прием! Прием!

Адам: Прием!

Рация: Доложить о процессе разведки. Прием!

Джим диктует Адаму, что говорить, тот докладывает.

Адам: Разведка проходит гладко и спокойно. Прием!

Рация: Доложить ваше местоположение. Прием!

Адам: Небольшое озеро возле рощи. Прием!

Рация: Принято. Будьте осторожны. Прием!

Адам: Так точно. Прием!

Рация: Ждем доклада!

Рация перестала шипеть.

Солдаты молча прошли в рощу и дошли до ее конца, спрятавшись за несколькими кустами и деревьями. Дальше была деревня. Рамис приготовил винтовку и стал следить за обстановкой. Ильгар взял бинокль, а Джим достал карту. Было видно невооруженным взглядом, что в деревне творился

полное мародерство. Вокруг дома, где были генералы было спокойно и вокруг стояла охрана. Ровная куча танков еще смиренно стояла за этим зданием. Но дальше по дороге валялись пьяные солдаты. На столбах весели тела, а из одной из-бы выводили пару ребят, громко плачущих и кричащих. Напротив генеральского дома расположилось оборонительное укрепление, в окнах можно заметить пулеметные расчеты и солдат, курящих на подоконнике. Поодаль укрепления расположился в дом, в котором непонятно было, что находится, так же и с остальными.

Ильгар: Сразу же колонна танков.

Джим провел пальцем по карте и назвал цифры Адаму. Тот сказал их в рацию.

Рация: Принято. Прием!

Так было названо еще несколько мест.

Джим: дальше ничего не видно. Нужно пробраться на другую сторону.

Рамис: А если артиллерия?

Джим: Все равно надо закончить операцию.

Рамис: Нельзя рисковать.

Джим: Приказы не обсуждаются. Пойдут Адам, Брен и ты. У нас есть еще одна рация. Адам сообщит нам позиции по 5 каналу, а дальше мы передадим.

Рамис (Убирает винтовку и злобно смотрит на сержанта): Вы просто так отправите солдат под огонь?!

Джим: Идет операция. Приказы не обсуждаются.

Рамис: Кто будет выполнять приказы, если никого не останется?!

Джим: Молчать! И не кричать. Приступить к заданию.

Рамис раздраженно взял винтовку и побежал к кучке танков. Брен и Адам двинулись за ним. Подбежав к технике, они прошли вдоль генеральского дома. В нем было тихо. Осмотрев переулок и увидев лишь пьяных солдат, Рамис побежал к следующему зданию, откуда издавались страшные звуки. Солдаты подошли к первому окну, из которого вылетело женское голое окровавленное тело. Потом раздался хохот мужчин. Рамис пригнулся и ползком прополз до угла дома, не осматриваясь на труп женщины. За зданием была развилка, где в центре ее стоял стенд с привязанными и расстрелянными.

Рамис (Тихо): Тьфу, нацисты...

На правой стороне развилки виднелась артиллерия, стоящая в ряд, а на левой- дома, из труб которых выходил дым. Адам включил рацию, та громко зашипела, но потом затихла. Доложив все Джиму, солдат выключил аппарат и кивнул Рамису. Лидер группы оглянулся и приказал вместе с ним бежать через развилку к левой стороне. Пока они быстро бежали по пыльной дороге, слышались многочисленные свисты. Рамис остановился и посмотрел в небо. Среди облаков ничего не было видно, но шум увеличивался. Вдруг десятки черных точек падали прямо на деревню.

Рамис: Черт! Артиллерия! Бежим!

Свисты неумолимо приближались. Почти добежав до избы, Брен услышал взрыв. Солдаты упали на землю. Еще один взрыв. Еще. Еще. Земля сильнее содрогалась. Сзади солнце скрылось за дымом. Страшный звук хлопка оглушал всех. Снаряды неумолимо били ближе, ближе, ближе. Вот уже на развилке разорвалось пару снарядов, а потом огонь перешел на правую сторону. Гроза утихла... Наступила тишина... Где-то со стороны уже обстрелянной вражеской артиллерии слышались крики и выстрелы. Большая часть деревни была стерта... Обломки, пробоины, кратеры, пламя, дым... Рамис медленно встал и оглянулся. Его винтовка упала, и он с трудом нагнулся, чтобы поднять ее. Брен молча встал. Сзади Адам, дрожа, лежал, уткнувшись лицом в землю.

Брен: Вставай...

Оператор протянул руку, но Адам в истерике и крики отбил ее, снова уткнувшись в землю. Крика товарища разбудил Рамиса от небольшого шока. Он подошел к Адаму и взял его за плечи.

Рамис: Адам...

Адам отбивался. С трудом Рамис смог его поднять, но солдат неугомонно старался снова упасть. Его глаза были закрыты. Он плакал и кричал.

Адам: Нет! Нет! Нет! Нет! Не хочу!!! Оставьте! Оставьте!

Рамис не удержал Адама, и тот снова упал на землю. Крики приближались. В обломки деревни въехали союзные вой-

ска. Они быстро наполнили адскую тишину обстрелянных домов. Кто-то подошел к трем солдатам.

Боец: Ай, молодцы! Мы заняли деревню! Скоро и лагерь отобьем!

Рамис хмуро на него посмотрел. Боец побежал дальше. Одни камуфляжные формы заменились другими. Одна суета поменялась на ту же. Брен и Рамис сидели рядом с лежащим и вечно плачущим и дрожащим Адамом посреди развилки. Около них пробегали солдаты, проезжала техника, но никто не подошел к раненному Адаму. Рамис накиннул свою куртку на лежащего товарища. Двое они сидели молча и угрюмо. Спустя пять минут послышался крик.

Джим: Отряд Жи!

Рамис с Бреном обернулись. Мимо проходящие солдаты тоже обратили внимание на сержанта. Джим подбежал к бойцам. За ним торопился Ильгар.

Джим: Вот вы где! Я уже перепугался. Вы герои!

Рамис (В гневе крича): Какие, к черту, герои?! Мы чуть трупам не стали!

Джим ошеломленно остановился.

Рамис: Из-за вас мы сейчас могли лежать под обломками!

Рамис подошел к сержанту и взял того за воротник. Солдаты вокруг остановились и стали следить за происходящим.

Джим: Это был приказ. Вы остались живы. Молите Бога.

Рамис: Этот приказ ничего не стоил! Мы заняли одну сожженную деревню! Какой ценой!

Джим: Никакой. Жертв нет. Весь северный фронт врага разбит. Это великолепная победа.

Рамис: Настолько великолепная, что можно рисковать чужими жизнями?!

Кто-то: Что здесь происходит?!

К двум бойцам подошел мужчина в богатом мундире. Его мощные плечи, но малый рост покачивались от слабости старческих ног. По погонам это был генерал.

Генерал: Что за шум?

Рядом стоящий к нему солдат что-то сказал.

Генерал: Так-так. Сержант Джим.

Джим (Высвободившись из хватки Рамиса и став по стойке смирно): Я!

Генерал: Пройдемте со мной.

Джим: А как бойцы, товарищ генерал?

Генерал: Они перейдут пока временно под начальство Абзала.

Рамис: Постойте, товарищ генерал. Тут нужно отнести бойца в медпункт (Указал на Адама, все еще дрожавшего)

Генерал: А он не помер? Ясно. Медиков сюда! А вы продолжайте подготовку, скоро в атаку.

Все: Так точно!

Продолжилась прежняя суматоха. Джим ушел за генералом. К Рамису и Брену подбежали люди в халатах. Они с трудом подняли Адама от земли, положили его в носилки и унесли. К оставшимся трем бойцам подбежал флажочек.

Флажочек: Вам надо к 37 пехотному батальону. Идите в том направлении (указывает рукой) и придете к нужной точке.

Ильгар: Хорошо, спасибо.

Флажочек убежал в толпу. Ильгар повернулся к товарищам.

Ильгар: Пойдемте...

На лице бойца виднелось сострадание и печаль. Сержант, считай, не ценит их, как людей, что уж говорить до начальства. Они сражаются за свои цели, не имея общего мотива бороться за Родину. Эти солдаты утратили патриотизм. Они напуганы, растеряны, очарованы ужасом. Война ударила их по голове.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Впереди поле. Вечер. Рядом суетятся солдаты. Брен залезает на танк. Справа от него сидит Ильгар, слева смуглый мужчина с черной бородой и усами.

Мужчина: ...Я ж те говорил: не знаю.

Танкист: Так а если топлива не хватит, как доедем?

Мужчина: Надо будет- сами дотащим.

Танкист: Э! Я посмотр'тю, как вы тянуть эту к'гошку будете.

Танкист шлепнул рукой по башне.

Мужчина: Не бойсь, дотащим.

Вокруг слышались крики готовности. Танкист закрыл

люк, мужчина повернулся к Брену.

Мужчина: Так вы новёнками будете, значит.

Брен: Да.

Мужчина: Как звать?

Брен: Брен.

Мужчина: А я Абзал. А что за штучку у тебя на плече?

Брен: Камера.

Абзал: Снимаешь, что ли?

Брен: Да.

Абзал: А для кого?

Брен: Для фильма.

Абзал: Эт правильно. Правду знать надо. Я ради Родины матушку и батюшку одних оставил. Не могу я поверить, что мой народ может вдруг восстать против своего дома.

Брен: А вы, извините, какой народ?

Абзал: Ладыги.

Свист. Техника завелась и поехала вперед.

Брен: Встретили кого-нибудь?

Абзал: Никого. Ни живого, ни мертвого. А пока не встречу- не поверю. Не может мой гордый и верный народ вдруг предать своих братьев. Не может.

Брен промолчал.

Абзал: Что-то ты молчаливый какой-то.

Брен: Не о чем.

Абзал: Случилось ли чего? (Танк наехал на кочку, и все чуть не упали) Ух, ты ж... (Стучит по башне и кричит) Э,

води нежней!

Спустя секунду Абзал снова поворачивается к Брену.

Абзал: Ну так, случилось ли чего?

Брен: Не думаю, что вас это касается.

Абзал: Ты такие глазки не строй. У меня отец, когда сердится, ух хмурится, что думаю, брови вместо глаз. Однако он знает, лучше выговорится, иначе эта злость в тебе, как прокисшее молоко будет вонять в душе. Поэтому говори как есть.

Брен не отвечает.

Абзал: Ишь какой упертый. Мы ж братья, да и в одном батальоне. А ведь только боевые друзья сейчас утешат. Ты от них ничего не скрывай: говори все как есть. Иначе тебе руку не подадут и раненым не вытащат.

Брен (Серьезно): У нас в отряде размолвка.

Абзал: Ссора, что ли?

Брен: Да.

Абзал: Ай, нехорошо! Ссоры в армии- к беде. Почему собачились?

Брен: Командир бросил нас под огонь артиллерии.

Абзал: И чего такого?

Брен: Мы могли умереть!

Абзал: Разве смерть так страшна? Умрешь ты, а дальше что? Только небеса. Бог всех любит, всех примет. Если умрешь, жена и дети поминать будут, если жив останешься- еще лучше. Это вы ж отряд Джи?

Брен: Да.

Абзал: Ведь ваш-то подвиг спас много жизней. А вы о своей хлопчете. Эх, вы! Джим у вас командир?

Брен: Да.

Абзал: Это ж понятно, что он вас под огонь бросил. Ведь он думал о Родине. У него дочка умерла перед войной. Сейчас ему тяжело. Возможно, он там что-то делает нечетко, но он Родину любит, как дочь. И готов рисковать всем.

Брен: Кроме своей жизни. Сам остался позади.

Абзал: Уверен, рад бы сам пойти, да кто координаты-то отправлял бы?

Брен: Есть кому...

Абзал: Как будто новобранцы знают, как по координатам разбираться. Он единственный, кто в этом кумекает. Ты не видел его в прошлых битвах за город Д. Он первым побежал в атаку. Смелее человека я не видел. А вы жалуетесь на командира, не стыдно?

Брен молчит.

Брен: Но ведь один уже психологически болен.

Абзал: Чего такого?

Брен: Попав под артиллерию, испугался сильно.

Абзал: Юнец?

Брен: Нет.

Абзал: Значит, смерти испугался. Бояться смерти не стыдно, ведь не хочется конца жизни видеть. Мой дед был очень мудрый человек, прожил аж девяносто один лет! И когда

пришло его время, он лишь молча написал завещание на три строки и закрыл глаза. Смерть ему как пасти овец. Но зная я, что даже мой гордый дед в глубине горной души боялся умирать, оттого глаза закрыл.

Танк остановился и стал объезжать обломки.

Абзал: Не знаю, вернется ли ваш вояка, но жизнь станет ценить.

Брен: Надеюсь...

Вдруг по танку прошла пулеметная очередь. Кто-то упал.

Абзал (Громко): Ну, что, братцы, слезаем!

Все живые слезли с танка и спрятались за ним. Возле Брена встали Абзал и Рамис. Сзади готовился к бою Ильгар. Пройдя несколько десятков метров, танк встал и стал стрелять из всех орудий. Когда огонь прекратился, Абзал командовал.

Абзал: Вперед! В атаку!

Все побежали. Кто-то кричал, кто-то нет. Пулемет не стрелял. Видимо, танк расчистил путь для пехоты. Перебегая разрушенный укрепления и трупы, Брен за Абзалом прорывался в лагерь, не чувствуя сопротивления. Солдаты тоже беспрепятственно входили в захваченные палатки и выходили из них живые и воодушевленные. Лишь подобравшись к ангару, войска получили сопротивление, но огонь их был незначительный. Уже спустя полчаса Ильгар вместе с тремя солдатами вошел в полуразрушенный ангар. Абзал приказал

остальным окружить здание. Брен и Рамис стали проверять госпитали с ранеными, который с мольбами просили прощение и сдавались. С флангов ангар уже был окружен, но дальше бойцы с трудностями пытались сомкнуть круг. Враг неожиданно особенно отчаянно защищал палатки в конце лагеря. Оставались последние рубежи. Брен, стреляя по позициям врага, заметил, что противники уводили какую-то толпу. Рядом стоящий солдат тоже это увидел и сказал Абзалу.

Солдат: Они... они кого-то уводят.

Абзал (Пытаясь увидеть то, что сказал солдат): Что?

Солдат: Вон там!

Абзал: Ребята! Вперед! Они сбегают! Не дадим им уйти!

Солдаты яростно стали бежать к убегающему с кем-то противнику. Некоторые убегали, некоторые защитники продолжали упорно кого-то оберегать. Но союзная армия все же окружила и остановила колонну людей, избитых и в еще не порванной солдатской одежде. Это пленные. Брен вместе с Абзалом помогали освобожденным дойти до перевязочных баз. Вдруг кто-то крикнул.

Кто-то: Брен!

Все обернулись. Это был Морти. Он, хромя, старался добежать до своего товарища. Его лицо все было в синяках и порезах. Но несмотря на раны, он улыбался и плакал. Морти за несколько дней сильно исхудал: одежда висела на нем, как мешок. Казалось, что пару волосков на его голове поседели.

На лбу уже виднелись еле заметные морщины. Бедный Морти обнял Брена и заплакал еще сильнее.

Морти: Это ужасно... Этот мир ужасен... Эти люди ужасны...

Брен без слов повел его вместе с остальными пленными к перевязочным пунктам. Морти всхлипывал и сквозь слезы говорил, как ужасен этот мир, как ужасна эта страна, какие люди монстры... Потом оператора нашли Рамис и Ильгар, которые осматривали укрепления. Они подбежали к Брену. Рамис с явным облегчением смотрел на Морти. Ильгар взял у оператора пленного и случайно выключил камеру.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Ночь. Костер. Палатки. Вокруг огня сидят Брен, Ильгар, Рамис и Абзал.

Ильгар: Последний рывок.

Абзал: Ай да! Скоро устроим неблагодарных. Дадим урок на всю жизнь! Уверен я, братья, что все будет хорошо. Это последнее черное пятно в истории этой страны.

Рамис: Откуда тебе знать?

Абзал: Чувствую я. А сердце- главный пророк.

Рамис: Глупо. Все равно наступим на одни и те же грабли. Ничего во власти не поменялось.

Абзал: Как это не поменялось? Ты за новостями-то следишь?

Рамис: Где мне за ними следить?

Абзал: Да газеты же продаются у одного... этого... как его...

Рамис: Почему я не знал?

Абзал: Ну не попадался он тебе.

Рамис: Ну так что ты хотел мне сказать?

Абзал: Власть в стране поменялась. Да еще какая: уже реформы делает, права всем раздает, да жизнь лучше делает. Многие из ополченцев довольны стали и сложили оружия.

Рамис: И что теперь?

Абзал: Победа скоро будет, вот что.

Рамис: Город С еще не взят.

Абзал: Возьмем.

Рамис: Там эти твари могут быть везде.

Абзал: Зато последнее страдание народов. Его пройдем, пройдет и ужас. Осталось одно сражение.

Рамис: И завтра выдвигаемся?

Абзал: Да что ту двигаться: пару километров прошел уже в городе.

Сзади послышались шаги. Все обернулись. Из темноты вышел Джим и сел рядом с Абзалом.

Рамис: Опа, а вот и сержантик. Где затерялся душегуб?

Абзал: Не оскорбляй командира! Плохо это! Плохо!

Джим: Не командир я теперь...

Ильгар (Все это время ел консервы): Как это?

Джим: Отряд Жи распустили. Меня понизили.

Рамис: Вот теперь можно оскорблять?

Абзал (Подошел и дал по голове Рамису): Ты как дите. Когда повзрослеешь? Ты в школе или на войне?

Рамис: Извините...

Абзал: И гордость сразу поубавил, а яд проглотил. Еще раз будешь дерзить я тебя сдам штабу. Я хоть человек смиренный, но неуважение не потерплю.

Рамис притих. Недолгое молчание и напряжение чувствовались в коллективе. Но если раньше это никак нельзя было решить, то сейчас появился авторитет, способный объединить этих солдат.

Ильгар: Хорошо, что Морти вернулся.

Абзал: А то! Каков щуплый! Он такой был?

Джим: Нет. Плен его таким сделал.

Абзал: За пару дней?

Ильгар: Поверьте мне, такое возможно...

Абзал: А ты в плену был.

Ильгар: Да.

Абзал: Ай бедный! Чего воевать продолжил?

Ильгар: Семья.

Абзал: Герой. Вот герой.

Ильгар: Разве не тот герой, кто за Родину борется?

Абзал: Эй, нет. Герой тот, кто следует правому делу, готов постоять за свои ценности, который помогут людям вокруг.

Ильгар: Это ж как семья поможет народу?

Абзал: Вот у тебя дети есть?

Ильгар: Есть. Сын.

Абзал: Вот вырасти его, как подобает отцу семейства. Пусть станет он храбрым, умным, великим человеком, который принесет хорошее миру. Вот это и называется хорошее для людей.

Ильгар: Вы правы...

Абзал: А у тебя, смуглянка, какая цель?

Рамис (Явно оскорбившись): Тоже жена...

Абзал: А что с ней-то?

Рамис: Осталась в городе С. В квартирах. Я тогда был в другом месте.

Абзал: Ай, ай. Нехорошо. Знаю я, что у вас все получится. Верьте мне, что вы сделаете хорошее будущее для своих родных. Мой народ тоже борется за правое дело. Еще ни один не был в стане врага. И я горжусь этим!

Ильгар: Хорошо это.

Абзал: А то! Когда там уже команда отбой?

Джим: Скоро будет.

Абзал: Тогда все быстро по кроватям. Завтра последний бой. Решающий бой. Спите спокойно. Надеюсь, что через неделю все мы снова откроем глаза.

Ильгар: Так точно.

Все начали вставать и расходится.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Ильгар стоит и смотрит в камеру. Рядом по дороге движется колонна солдат. Вдалеке видны крыши

ДОМОВ.

Ильгар: Пишет?

Брен: Да.

Ильгар: Мы беспрепятственно вошли в окраины города С. Судя по тому, что мы видим сейчас, Ополченцы разграбили этот населенный пункт. Мы, взяв быстро окраины, остановились на перегруппировку. Позади остались еще точки мятежа, и несколько небольших отрядов двинулось именно туда. Но наши силы все еще превосходят силы противника. Мы уже входим на территорию города. Это последняя военная операция, которая поставит точку в истории этого конфликта. Видных военных сооружений нет, поэтому артиллерия и авиация нам существенно ничем не помогут. Сам город небольшой, но все оставшиеся многочисленные силы Ополченцев сосредоточены именно тут. Нам придется бороться за каждое здание.

Брен: Имеют предположения о каких-либо явных стратегических точках?

Ильгар: Возможно, это будут многоквартирные дома, которые занимают значительную площадь у берега реки. Далее это торговый центр, расположенный в центре города. Возможно, еще где-то в прибрежных заведениях будет жесткой сопротивлением. Но в основном явных целей две.

Брен: Численность врага известна?

Ильгар: Точных чисел нет. Быть может, их осталось не больше десяти тысяч. Но сейчас площадь соприкосновений

как никогда маленькая.

Брен: Спасибо.

Ильгар: Это подойдет?

Брен: Да, хороший материал.

Ильгар: Тогда побежали догонять наших.

Брен: Да.

Камера выключилась.

Следующий кадр: Батальон движется по проселочной дороге. В каждый дом забегают солдат и выходят из него, крича „Чисто!“. Рядом с Бреном идут Рамис и Морти. Где-то впереди, в толпе, оглядывается Ильгар. Абзал в самом начале колонны. Джим где-то позади. Адам остался в лазарете.

Рамис: Мы уже подходим к реке, а сопротивления все нет.

Морти: Они засели где-то в одном месте.

Рамис: А ты-то какого черта пошел с нами?

Морти: Я перебыю всех этих тварей. Перебыю, уничтожу и буду танцевать на их костях.

Рамис: Ради Родины, да?

Морти: Ради будущего.

Рамис и Морти продолжили о чем-то говорить, отдаляясь от Брена. К оператору подбежал Ильгар.

Ильгар: Подходим уже к первому стратегическому объекту. Многоэтажкам. Пока ни единого выстрела.

Брен: Там есть гражданские.

Ильгар: Есть.

Брен: Живой щит...

Ильгар: Чтобы не использовали артиллерию. Хотя я слышал, что некоторых отправили в центр города.

Брен: Зачем?

Ильгар: Наверно, та же тактика.

Брен: Изверги.

Ильгар: Они такие.

Впереди послышались выстрелы. Все на секунду замолчали и стали разбегаться и прятаться. Когда на улице остались одни лишь тела с первых колонн, огонь прекратился.

Ильгар: Бьют из школы!

Брен: Откуда информация?

Ильгар: Узнаю этот район. Там на углу школа. Только оттуда можно выгодно вести огонь.

Наступило небольшое затишье. Кто-то кинул гранату, нов месте взрыва образовался густой дым, покрывший пространство перед одной из стен заведения. Все бросились в атаку. Пролезая через окна, солдаты падали от пуль, а если выживали, то в рукопашную дрались с врагом. Так началось освобождение школы. Кабинет за кабинет. Гражданских не было. Численность диверсантов оказалась незначительной. Когда последнее помещение было проверено, поредевший батальон вышел на школьный двор для построения. Вперед вышла группа для разведки. Посчитав всех, выживший Абзал сказал.

Абзал: Эх! На четверть разрубили!

Плюнув, он развернулся и повел солдат дальше. Подойдя, к дороге, через который застилали небо многоэтажные дома, Абзал остановил всех и стал просить к себе радистов. Человек с аппаратурой подошел. В то же время на противоположной стороне улицы послышались выстрелы.

Неизвестный солдат: Уже штурмуют.

Другой: С побережья?

Неизвестный: Вроде как.

Другой: Поскорее бы уже покончить с этим. Устал я.

Неизвестный: Все мы устали...

Абзал: Братцы! Остались последние рубежи! Нам нужно перебежать дорогу и взять первое здание. Бой будет долгим, но мы справимся! Действуем четко и ясно. Вперед!

Следующие события происходили стремительно. Здание, квартиры, стрельба. Враг прикрывался гражданскими. Действовать нужно было осторожно. Операция проходила медленно. Много жертв было. Все боялись заходить в новую квартиру, открывать новую дверь. Для членов бывшего отряда Джи случилось страшное. Под конец боя, когда оставались последние этажи. Все уже устали. Рамис штурмовал очередную квартиру. Противник отбивался, прикрываясь гражданскими. Среди живого щита была девушка. В перестрелке пуля задела ее лоб. Девушкой оказалась жена Рамиса. После этого весь батальон утешал товарища. Огорченный горем, он в отчаянии попытался застрелиться или

спрыгнуть с окна, но его удержали и отправили в госпиталь. На один день, во время отдыха, никто не произносил имя Рамиса. Все были подавлены.

Следующий кадр: Ночь. Берег реки. Абзал подходит к Брену, сидящему на земле и смотрящему за течением воды.

Абзал: Пошли уж. Пора переправляться.

Брен: Теперь и Рамиса с нами нет.

Абзал: Такое горе далеко не каждый переживет. Убить собственную жену... Это грех, но я думаю, его простят.

Брен: А Адам...

Абзал: Он сражен войной. С ним остался шрам, который будет до его смерти. Морти же то ли слишком глуп, то ли слишком юн, то ли просто не хочет осознавать происходящего.

Брен: Может, у него стальная душа.

Абзал: И это может быть.

Брен встает.

Брен: Почему же все они пошли?

Абзал: Потому что все пути к счастью у них в этом городе. Они борются за свое счастье.

Абзал взял под руку оператор и повел его к стоящим возле реки лодок, окруженных солдатами.

Абзал: Тебе, мой дорогой, никогда не будет суждено чувствовать то, что чувствуют они. Они боятся. А ты нет. Они идут в бой, не только из-за счастья. Они идут в бой, чтобы

посмотреть на смерть. Ощутить, что такое стоять на границе жизни и смерти. Но границы они не находят: она размыта. Они выживают, если по случаю судьбы оказывается на стороне жизни, и умирают, оказавшись рядом со смертью, сами того не понимая. У всех такое стремление тайное есть. Но не у тебя. Ты воюешь не ради счастья, любви, Родины. Ты воюешь ради получения впечатлений. Оттого ты не понимаешь, почему Ильгар, несмотря на переживший плен, хочет воевать, почему Морти, познавший в молодости ад, желает рискнуть еще раз своей юностью. Тебе, друг мой, просто не понять.

Брен: Что со мной не так?

Абзал: Ты потерял свет, друг мой. Вряд ли ты его найдешь. С детства твой мир уже стал черно-белым. Мне жаль тебя. Но тебе повезло.

Брен: В чем же?

Абзал: Ты главный герой многих историй. Даже сам того не замечая.

Брен: Историй...

Абзал: Дружок, не задумывайся над тем, чего ты все равно не поймешь. (Кричит вдруг на солдата, лезящего на переполненную лодку) Эй! Эй! Куда лезешь?!

Абзал быстро подошел к бойцу, взял его за шиворот и отбросил на землю.

Абзал: Ты куда, очумелый, лезешь? Тебе кто разрешал садиться? Ты не видишь, что судно переполнено? Так какой

черт заставил тебя туда лезть? А если бы лодка потонула?

Солдат пристыженно слушал грозную и простодушную речь Абзала. Кто-то окликнул Брена. Это Ильгар, сидящий вместе с Морти и другими солдатами в лодке.

Ильгар: Брен, тут место есть! Залезай!

Брен подбежал к лодке и залез в нее, раскачав судно.

Ильгар: Отлично! Джим уже должен быть на том берегу.

Мотор лодки завелся, и она помчалась поперек реке на противоположный берег. Легкое покачивание волн трясло камеру. Рядом с лодкой, где был Брен, плыли такие же судна. Спустя десять минут все сошли на берег. Впереди уже строились солдаты, готовившиеся к бою. Из толпы солдат вышел Джим.

Джим: Наш батальон там (указал пальцем), за мной.

Все пошли за товарищем к строю солдат. Встав в одну колонну, нечеткую и немного кривую, бойцы стали ожидать командира. Спустя пару минут послышался громкий голос Абзала.

Абзал: Батальон равняйся!

Все бойцы закопошились и встали в ровный строй.

Абзал: Смирно! Приготовились к атаке. Сейчас будем идти через парк, а уже оттуда перейдем к торговому центру и начнем штурм. Ясно?

Все: Так точно!

Абзал: Встали по местам и ждем команды!

Бойцы распределились вдоль искусственной роши парка,

готовый идти вперед. Наступила тревожное молчание. П слышался грозный голос.

Грозный голос: Вперед!

Батальон двинулся вперед. Огибая деревья и держа ружья наготове, солдаты вглядывались в темноту, старались увидеть противника. Но все было тихо. Впереди лишь виднелся какой-то тусклый свет, расходившийся по всему парку. Подойдя к дыму, бойцы увидели огромную и сожженную деревянную возвышенность, похожую на сцену. Рядом с пожаром ликовали в военной и обычной одежде люди.

Брен: Чему они так радуются?

Морти (Очарованно): Здесь все началось...

Брен: Что началось?

Никто ему не ответил. Весь батальон радостно подбегал к людям и о чем-то с ними оживленно разговаривал, смеясь и обнимаясь. Кто-то садился на землю, смотрел на огонь и плакал. Кто-то стоял в стороне и мрачно, словно вспоминая все плохое, наблюдал за людьми. Кто-то радовался и смеялся в толпе. Брен рассеянно оглядывался и не понимал всей радости.

Абзал: Воистину знаменательный момент.

Он встал рядом с Бреном.

Абзал: Здесь все началось. Здесь эти варвары устроили этот кошмар. Теперь тут радуются люди. Никто не хотел войны, кроме униженных и оскорбленных.

Абзал молча смотрел на происходящее со слезами радо-

сти на глазах.

Созерцание длилось долго. Прервал всеобщую радость один мужчина в лохмотьях.

Мужчина: Они стреляют! Стреляют!

Все обратили на незнакомца внимание. Первым к нему подбежал Абзал.

Абзал: Кто стреляют? Где стреляют?

Мужчина: Там! У каруселей! Засели, гады.

Абзал: Веди, родной. (Всем солдатам) Братцы! Дело еще не окончено. Готовь ружья!

Батальон побежал за гражданином по парку. Обежав пруд, солдаты встретили сплошной огонь из сломанных аттракционов. Завязался бой. Пули свистели совсем рядом. Брен, Абзал и Морти укрылись за высокими качелями с бетонной платформой. Ответный огонь не приносил результата.

Абзал: Ай! Откуда палят черти?

Морти: Из колеса!

Абзал: Откуда весть?

Морти: Доложил один.

Абзал: Плохо дела. Надо что-то делать с этим колесом!

Морти: Сапера зовите! Подорвать колесо!

Абзал: Мы ж сами грохнемся.

Морти: Отступим. А он пусть в обход идет.

Абзал: Ай, смысленый малый! Отвлечем их! (Кричит

солдату) Радиста! Радиста!

Сначала Абзала не замечали, потом не понимали его, но в конце стали мешкаться и искать кого-то. Парень с аппаратурой приготовился и побежал к Абзала, а солдаты, прикрывая его, стреляли из всех орудий. Бежавший почти добрался, но упал с простреленным боком, в двух шагах от укрытия. Абзал выдохнул, метнулся к трупу и притащил его в укрытие.

Абзал: Ай! Жалко пацаненка!

Командир снял аппаратуру, покрутил рычаги и прокричал в микрофон.

Абзал: Прием!

Оттуда послышалось.

Рацияб Прием!

Абзал: Срочной нужен сапер подорвать колесо. Прием!

Рация. Принял. Прием!

Абзал: Пускай обходит с флангов. Наша задача отвлечь. Прием!

Рация: Принято. Прием!

Аппаратура на некоторое время затихла. Но вскоре вновь включилась.

Рация: Сапер готов. Бежит. Прием!

Абзал: Прикрываем сапера! Прием!

Морти: Вон! Вон бежит!

Морти указывал на бегущего через аттракционы человека. Он, присев, перебирался под градом пуль, но все же дошел до основания карусели. Тут на него напал враг, и они

упали, сцепившись, на землю. Морти в волнении побежал.

Абзал: Э! Куда?

Морти быстро и стремительно помчался, и ни одна пуля его не задела. Бросившись на врага, он яростно бросился на него, а потом закончил врага. Постояв и посмотрев недолго на пол, солдат взял что-то и стал класть под колесо. Спустя пару минут Морти побежал назад с какой-то вещью в руке. Его задел снаряд. Он упал на вещицу. Пол под колесом грохнул и содрогнулся. Атракцион стал падать прямо в сторону Морти. Вдруг из укрытий выбежали Ильгар и Джим. Взяв под руки товарища, они несли его к своим. Огонь врага стих, и слышался его вопль. Колесо все ближе к земле. Солдаты разбегались.

Абзал: Боже...

Колесо упало. Огромное облако пыли скрыло все поле битвы. Когда оно развеялось, солдаты нерешительно пошли по обломкам. В тишине послышался стон. Подбежав к источнику звука, все увидели живых Ильгара, Морти и Джима.

Кто-то из толпы: Живы!

Все: Ура!

Солдаты радостно подхватили раненного Морти, а Джима и Ильгара, обступили.

Абзал (Стараясь перекрычать толпу): Братцы! (Еще громче) Братцы, послушайте!

Никто не обратил внимание на командира. Абзал выстрелил из автомата в воздух. Все тут же настороженно замолчал.

ли, и командир заговорил.

Абзал: Братцы, соберитесь! Мы еще не победили. Остался последний рубеж.

К солдатам подошел старик со старой винтовкой.

Старик: Они все в ТЦ заперты, но некоторые охраняют гражданских в домах возле парковки.

Абзал: Спасибо, отец. (К солдатам) Слышали? Война еще не окончена! Оставьте радость на потом.

Все недовольно, но покорно согласились и осторожно пошли к входу в парк. Дойдя до конца роши. Брен увидел широкую магистраль и огромный торговый центр впереди. Левее были дома, а позади их можно было разглядеть лица гражданских, стоящих мирно толпой. Рядом не было ни единого вражеского солдата.

Абзал: быстро, организованно и осторожно двигаемся к домам.

Солдаты четкой колонной двинулись через магистраль. Вдруг Ильгар побежал вперед всех и закричал.

Ильгар: Анна!

Девушка, стоящая в толпе, испугалась и обернулась. Увидев Ильгара, она еще больше ужаснулась и стала махать руками. Из домов вдруг начали стрелять. Ильгара пронзила пара пуль. Его тело упало на землю.

Камера неожиданно выключилась.

Последний кадр: Лицо главного редактора, которое пере-

вернуло объектив и направило его на Брена с перебинтованной рукой. Главный редактор: Карта памяти жива, но главное, что ты жив. В такую страшную мясорубку попал...

Брен: Материал принят?

Главный редактор: Некоторые моменты подойдут.

Брен: Хорошо, прощайте.

Главный редактор: Стой! Ты уверен в своем увольнении? Твоя карьера сейчас может пойти ввысь.

Брен: Да.

Главный редактор: Ты мог бы получить повышение.

Брен (Грозно): Я уверен. Прощайте.

Брен вышел и захлопнул дверь

Камера выключилась.

Сентябрь

Лес- удивительное место, где творятся настоящие чудеса. Сны и мечты в данных краях оживают, делая глаза свидетеля зрителями великолепного созерцания Всевышнего, в виде Природы, и простого, материального. Вместе они похожи на ребенка, играющего в игрушки. Все так неловко, оттого замечательно.

Я понял впервые эту истину давно и за долгие годы посещения многообразных и однотонных рядов деревьев я понял, что чудеса являются лишь инструментом для воспроизведения первого и ложного впечатления. Проживая так дол-

го в центре созерцания, мне довелось увидеть самое главное и важное в существовании леса. В нем оживают не только чудеса и мечты. Но и ужасы.

И являясь в самой сильной точке напора этих кошмаров, я не заметил, как сам стал последователем страха...

Зачем? Зачем я пошла именно сегодня в лес? Зачем я вообще пошла в лес? Зачем я поспорила с этими идиотами? Боже... Где я теперь? Мои глаза не открываются, а тело словно оковано чем-то. Неужели я умерла и меня съели волки? Нет! Нет! Нет! Я слишком молода! Я хочу жить!

Шаги... Кто-то идет. Скрип... Лестница?

Да где же я? Почему я все слышу? Он все ближе... Я чувствую его ауру... Пальцы развязывают мне голову... Мне страшно.

Свет! Я вижу свет. Господи, это лицо... Фу! Оно ужасно! Эти глаза сейчас выпадут из глазниц... Большие и красные, они смотрят на меня. Такие грязные... Еще небритая противная щетина с грязным морщинистым ртом. Где я???

–Боишься?– как же он хрипит... Почему мне вспомнился мой дедушка? Лишь бы он не плевался! Фу!

–Вижу, что боишься. И правильно. Я же маньяк. Так меня в новостях называют? Меня бояться надо.

Маньяк? Тот самый?! Его же поймали... Почему???

Нет, нет, нет! Пожалуйста, помогите!

–Ну-ну-ну. Чего брыкаешься? Чуть замки не сломала.

Они хлипкие, а ты еще вырываешься. Сиди смирно! Смирись. Ты уже покойница. Хотя если будешь сидеть ровно, твоя жизнь протянется дольше,— гадкий смех. Что же делать? Куда он пошел?

—Сразу говорю, цели моих злодеяний- это приказы Природы. И ее подумай, что я спятил? Нет. Относительно меня, это вы все спятили! ХА-ХА-ХА. Один лишь я услышал Природу, живя в этом лесу, в центре чудес. Так что не считай меня убийцей. Это моя работа. А работу надо выполнять хорошо...,— Он еще и чокнутый...

—Эй! Эй! Ты слушаешь меня?— хотелось бы не слушать.

—Я так давно не убивал, что забыл, каково это, разговаривать с людьми. Честно, наравне с Природой, как по мне, стоит Судьба. Она сводила меня с разными людьми. А теперь тут такая хорошенькая девушка,— хорошенькая?!

—Знаешь, да я некрасив. Зато твоя красота, сможет еще дольше продлить твою жизнь....— Не смотри на меня так. Не смотри! Убей! Лучше убей!

Стук? Стук в дверь?

—Опять... Повезло тебе, красавица, ты живучая. Но я скоро вернусь.

Да! Оборачивайся! Уходи!

—Тогда перенесем наше уединение на потом. Подожди.

-Долби громче, он дома!

Наконец-то мы поймаем этого ублюдка. Спору нет, это

точно он. Сколько уже можно? Ух, ему это с рук не сойдет. Из-за него у меня спокойной жизни офицера нет. Как только пришел в полицию, от тут как тут. Гад.

—Долби, долби!

Как же хочется ему врезать, связать, наорать. Ух, я отомщу. Как же я отомщу! Ради него, я весь лес обставил патрулем. Ловок, гад.

—Офицер, открывают!

Открывает.

—Доброй ночи.

—Здравствуйте, это вы Самуэль?

—Да, я. Смотритель леса. Самуэль.

—Мы имеем полное право обыскать ваши владения. Маньяк же бродит. Вот на вас подозрение. Вы не против?

—Что вы. Конечно, нет! Слышал, слышал. Страшное дело. Проходите. Смотрите, где хотите.

Ну и урод. А пахнет хуже некуда. Он вообще моется? Да и есть ли в его лачуге душ. А лохмотья! Точно он.

—Делайте все, что хотите.

Какой радушный! Тьфу. Он же вурвон. Этот гнусный народ. Понятно, почему лесники у них маньяки сплошные.

Лачуга оправдывает себя, что снаружи, что внутри. И там, и там одна слякоть. Убрано все- точно что-то прячет. Главное- где. Это, видимо кухня. Один нож. Посуда на месте. Как не хочется холодильник открывать... Ух! Фух, еда на вид адекватная. Да и комната сама опрятная. Ишь, чистоплот-

ный! Готовится. Знал, что мы приедем.

–В ванной ничего?

–Никак нет, товарищ офицер.

Черт! Осталась спальня. Ну, уж там точно что-нибудь припрятано. Этот гад не скроется. Ну-ка... И тут чисто. Кровать жесткая, а под ней... Ничего. На ковре никаких пятен. Топор и ружье, правда подозрительные.

–Когда последний раз орудиями пользовались?

–Ох, ну, вроде бы, два дня назад я топором обваленное на дорогу дерево рубил, а ружье давно не брал в руки.

Пыль на ружье и правда давняя.

–А вы...

Стук?

–Что такое? Офицер, вы хотели что-то спросить?

Еще стук. Откуда он?

–Подождите, вы стук не слышите?

–Я? Нет.

Врет. Стажер тоже услышал. Они снизу.

–Подними ковер, стажер!

–Сейчас!

Ага! Дверца в подвал! Что же там?

Скрипучая, черт ее дери! Тут темно, фонарик нужен. Мычание? О, господи! Вот, где черти водятся! Боже, тут девушка!

–Стажер, вяжи его!

–Уже, сэр, уйти пытался!

Надо развязать ее. Боже, у нее во рту какая-то дрянь. Надо снять это.

–Помогите! Он хотел... Хотел...

–Тише, мы его поймали. Тише...

Он ушел уже давно. Я должна как-то освободиться.
„...чуть замок не сломала...”

Точно! Надо только двигаться. Давай! Да! Они скрипят!
Нужно сильнее! Давай! Ломайся! Есть!

Я падаю... Ай! Черт, привязана ко стулу. Сил нет встать.
Черт. Нужно встать. Тихо! Я слышу голоса... Кто-то здесь!
Нужно подать сигнал. Как? Для начала... Нужно... Встать.
Давай... Так! Ух...Что это? Стол? Надо стучать. Точно! Я
буду стучать! Руки связаны. Головой. Ай! Еще. Ай! Нужно.
Стучать.

Свет! Кто-то открыл дверь! Спускается. А что если это
он? Нет! Тогда я погибну! Это не он. Полицейский! Боже,
как я рада видеть его! Слезы мешают видеть ее. Не могу го-
ворить. Но как я рада! Он вытащил что-то изо рта.

–Помогите!– я уже спасена...,– Он хотел,– меня,– Хо-
тел...

–Тише,– у него такой мягкий голос,– мы поймали его. Ти-
ше...

Я спасена...

Суд, тюрьма. Дали мне, честно говоря. Не самую хорошую

камеру. За мои праведные деяние в этом мире, обычно дают наилучшие условия. Говорят, завтра выдадут окончательный приговор. Понятное дело, что меня оправдают. Природа меня оправдает. Я уверен.

...Если так подумать, так даже лучше. Садясь в машину, я почувствовал, что ухожу от истинного зла. В тюрьме я хотя бы человеком стану. Да и, если я так хотел, оказывается, сбежать из леса, то зачем мне в голову пришла мысль о побеге из этой решетки? Или я не хотел уходить из леса... Природе, может быть, жаль было расставаться со мной? Я был нужен ей? Неужели, мое существование имело смысл? Значит, те убийства были очищением. Я- санитар! Да! Вот в чем мой смысл. Увы, но я слишком поздно это осознал. Но чувствую, что еще очищу этот мир...

Сейчас я нахожусь в бетонной коробке, где даже намек на солнечный свет нет, а значит, связь с Природой для меня отключена. Здесь я становлюсь человеком, унылым, задумчивым, бесполезным. Все же буду с нетерпением ждать завтра, и надеяться, что умру...

-Видал убийцу-то?

-Видал. Станный он.

-Да все они странные.

-Нет, обычно они еще и страшные.

-Ну, может быть.

-Тишина в суде!

Почему меня позвали быть свидетелем? Я обычный охранник. Поглазел-то я поглазел на этого маньяка. Жуткий, страшный, глаза его вечно куда-то бегают, так еще и вурвонец. Тьфу! Кто вообще дает права этим варварам? Пускай уматывают в свою страну и там убивают людей. Ужасный народец. Надеюсь, этому смертный дадут. Он этого заслуживает.

–Эй!– что ему надо?

–Чего?

–Он же вурвон?

–Да, не кричи.

–Понятно, что он в суде делает.

–Ага.

–Твои ставки: пожизненный или смертный?

–Надеюсь, смертный.

–И я.

–Да и вообще надо бы...

–Тише!

–Обдумав все, суд сделал свое решение. Самуэль Реву приговорен к смертному приговору. Публичное повешение! Исполнить решение сегодня же. Прощаться с кем-либо виновнику запрещено. Пока виновный ожидает наказания, запереть его в карцере. Суд окончен!

–Слава Богу...

–Это точно.

–С публичным они правильно сделали. Пусть эти ничтож-

ные инородцы видят, что с ними будет, если они позволят себе много.

–Давно пора закрыть границу для этих бездарей.

–Да.

–Ну, что, увидимся на обеденном перерыве?

–Да, только давай у входа?

–Договорились.

–До встречи.

–Давай.

–Сын, сходи за овощами к дяде!

–Мам, я работаю!

–твои безделушки никаких денег не приносят! Займись реально полезным делом!

–Но...

–Быстро!

–Хорошо...

„Безделушки”. Это самодельные вырезки, ничем не хуже из тех магазинов в центре. Просто они еще не поняли всего моего гения. Я покажу всем, что мое происхождение вурвонца не влияет никак на разницу между ними и мной. Они всегда поливали нас грязью. Всегда. Вчера две игрушки украли... Но я докажу, что мы тоже люди. Мы все одинаковы.

Сегодня как-то жарко. О, нет. Эти идиоты снова там. Придется идти через парк. Почему я родился именно тут? Почему отцу вздумалось переехать сюда? Разве он не мог остаться-

ся там, в Вурвонии? Там бы у нас была жизнь лучше. Там нас считают за людей. Мы одни люди. Так почему разница в происхождении меня биологию?..

–Куда прешь, животина!

–Ай!

Из-за угла вышел, гад. Не заметил. Надо скорее дойти до дяди. В парке как-то тихо... Для такого времени даже слишком тихо. Но как хорошо, когда не видишь этих презрительных взглядов. Можно спокойно наслаждаться жизнью. Уж лучше бы мы жили в лесу, нежели среди таких монстров, который считают нас за животное. Разве по мне видно, что я отличаюсь чем-то от них? Разве то, что прошлые мои родственники вурвонцы, делает из меня изгоя? Я же никак не связан с ними. Может, сбежать из этой страны, и быть свободным? Но как мама отреагирует... И братья...

Что за толпа впереди? Концерт? Музыка не слышно. Праздник?

–Дайте пройти.

Что там на сцене? Веревка?

–Что происходит?

–Маньяка поймали, вешать будут?

Вешать? Убьют? Маньяк?

–Тишина!

Кто-то на сцене. Надо подойти ближе. Еле... Протиснуться...

–Много горя произошло ща эти два года...

Ближе. Нужно... Ближе...

—Много совершенно преступления, много поймано преступников...

Дальше не пройти.

—Но главный злодей, который убил уже больше сотни людей, никак не попадался в руки правосудия. Долгие два года мы решали главное дело нашего города и даже целой страны. И два дня тому назад был пойман наглый маньяк! Убийца невинных граждан!

—Ура!!!

Я тоже! Я тоже хочу кричать! Счастье какое!

—Ура!— я не знаю, кто эти люди, не знаю, кто этот маньяк, но это наша общая победа! Почему мне так радостно? Это толпа? Ее настроение? Но мне так весело! Ура!!! Ой, он говорит.

—Тише! Он говорит.

Обрадуйте всех!

—Суд принял решение наказать подлого вурвонца!— вурвонца?— И пусть каждый, кто является потомком этого жалкого народца, что вечно унижает нашу страну, давшую вам приют, будет знать, какое наказание следует за их грязные выходки!

Что... Что ты мелишь? Это он правда сказал? Этот человек, который только недавно обрадовал всех нас, вдруг нас же оскорбил... Да как он посмел? Как он посмел оскорбить нас? Как они смеют вешать этого человека?! Он невиновен?!

И что, что он вурвонец, он имеет право жить?! Кем он себя возомнил?! Богом???

–Да как ты смеешь говорить так о нашем народе?!

Да! Как он смеет!

–Свободу вурвонцам! Убрать невинного с петель!

–Убрать!

–А теперь ведите сюда эту скотину. Пусть все увидят, кто не уважает коренных жителей этой земли, тот будет наказан! Как высоко вы подняли носы, убивая невинных людей!

Почему мы? Только потому что мы вурвонцы? Мы подняли носы?!

–Смотрите, это ничтожество намеренно убивало истинных хозяин страны! Оно думало, что может нагло истреблять людей! Так если кто-либо из вас решил делать то же с нами, одумайтесь: не высоко ли вы взлетели, ничтожества?

Наглец! Нахал!

–Только троньте его!

Да, только троньте! Он тоже человек! Он вурвонец! Мы не посмеем унижать вурвонцов!

–Убирай табуретку!

Убили... Убили вурвонца... Оскорбили нас, унизили. Мы устали! Это была последняя капля! Так нельзя! Надо... Надо...

–Бей гадов!

–Да!!!

–Бей тварей!

–Стойте на местах ничтожества! Не двигаться!

Мы будем бороться за наш народ, за наши права, за нашу свободу. Мы будем бороться.

Что я видел и чувствовал, когда убрали табуретку? Видал я толпу. Она такая большая, так много людей пришли посмотреть на мою смерть. Все смотрят на меня с разными взглядами, мне даже стало неловко. Когда надевали веревку, я замечал встревоженные лица. После моей смерти явно произойдет что-то великое. Хорошо, что меня уже не будет. Да и так смешно, что сначала все радовались моей казни, а потом возненавидели палачей. Знаю я, что все дело в этих народцах, и точка кипения достигла максимума, но забавно: моя личность очень быстро меняется в истории: от мелкого маньяка до идола и путеводной звезды революции. Люди такие мелочные. Им что убийца, что священник- все станет направлением судьбы. Дайте повод для идей. Что дальше будет, уже не мое дело. От меня остался только гнев народа. А я уже очистил этот мир...

Чувствовал я необычайную радость и облегчение. Видя парк и яркое Солнце, я простался с Природой. Она так же холодна, не подавала и каплю сострадания, но смотрела на меня слегка печально, ведь очередной ее инструмент пропал. Мне было приятно это состояние Природы. Могло показаться, что она в истерике и ненависти пытается сжечь людей ра-

ди меня. Но я-то знаю, что ей на меня все равно. Такая романтическая жизнь со мной происходила. Когда табуретку выбили из-под ног, я чуть не засмеялся от счастья. Увидев вдалеке птицу, любопытную смотревшую на меня, я улыбнулся. Но даже если бы я еще до повешения засмеялся и обливался хохотом, всем бы было все равно. Никто бы даже не заметил, кроме палачей. Правда, я чего-то испугался, поэтому лишь отдался течению...

Сколько бы человечество не старалось сделать всеобщее добро, покуда жива Природа, царить будет и зло. Все войны, споры, неравенства- ерунда по сравнению с Лесом. Все, что произошло после меня, осталось точно таким же. И разъяренная толпа, избивающая палачей, это лишь забава Природы. Увы, злодей не тот, кто убил, а тот, кто остается наедине с собой. Наедине с Природой...

И страшно одно: я боюсь...

Октябрь

В одном европейском городе двое мужчин мило болтали, сидя на улице у дорогого и престижного ресторана. Один хмурый, грозный, холодный и серьезный, а другой приветливый и расслабленный.

—Так вы писатель?— спросил холодный.

—Как тебе сказать... Я скорее журналист, но после всех моих приключений, единственная дорога для меня- это писательство.

–Какие приключения?

–Об этом ты сможешь прочитать в моей книге, которая скоро будет продаваться.

–Неприменно стоит почитать.

–Ну, не сказал бы, что это нечто великолепное и великое, просто сборник рассказов. Они копились у меня в течение всей жизни вот и выдался случай их напечатать. А вы, как я понял, домой возвращаетесь?– приветливый мужчина допил свое кофе.

–Да... Домой...– мрачно сказал хмурый.

–Что-то не так с домом?

–Нет! Нет. Все очень даже хорошо, просто...

–Воспоминания? Понимаю вас. Я тоже переехал сюда из-за не самых приятных воспоминаний о доме.

–Это я могу узнать из книги?

–Разумеется,– улыбнулся расслабленный собеседник.

Мимо проезжали машины, проходили незнакомцы, пахло пылью и камнем, которым были заставлены дороги. Обыкновенный европейский городок, не имеющий каких-то особенных отличий от других поселений „цивилизованного мира”.

Приветливый мужчина откашлялся и вдруг тихо произнес.

–Знаете, у меня есть материалы, которые не вошли в сборник.

–Почему же?– немного удивился серьезный.

–Там не самые приличные события задокументированы.

Да, именно задокументированы.

Он вытащил из своего портфеля, который все это время лежал у ножки стола, папку. На обложке было подписано лишь красным маркером: „Дело маэстро”. Положив эту папку на стол, он снял свои солнцезащитные очки и своими карими глазами серьезно посмотрел на собеседника.

–Я хочу дать вам это.

–Зачем?– снова удивился хмурый.

–Мне они не понадобятся. Да и если кто-нибудь в этом городе прочитает содержимое в папке, то меня в лучшем случае отправят в колонию на Альбиносе.

–Все настолько серьезно?– заинтересовавшись, спросил холодный мужчина.

–Здесь моя смерть,– у приветливого задрожал голос.

–Почему вы доверяете ее мне?

–Я достаточно с вами разговорился, чтобы понять, вам нет никакого дела до моей жизни. Но, я уверен, вам непременно понравится содержание этой папки. А если нет, то просто сожгите ее.

–А если я захочу сдать это в полицию?

–Разумнее будет напечатать это как книгу. Только исполните это сразу после моей кончины.

–Тогда прошу дать свой номер.

–Да, сейчас,– на салфетке приветливый мужчина стал писать карандашом цифры. Когда последний штрих был сделан и он протянул надпись собеседнику, к ресторану подъехало

такси.

–Ох,— улыбнулся приветливый мужчина,— это за мной.
Надо прощаться, друг мой.

–Прощайте, доктор Гизли.

–Прощайте,— и улыбнувшись он взял свой портфель, сел в такси и уехал.

Хмурый взял папку в руки, посмотрел на иностранные буквы, написанные красным маркером, и направился в неизвестную сторону.

23.10.2031

15:51

Приемная комиссия при штабе психологической больницы №18

Собеседование с потенциальным сотрудником Гизли
Неизвестно. Диалог был записан на диктофон и переписан дословно в документ ради более удобного способа фиксирования информации в бумажном виде.

–Добрый день, мистер Гизли.

–Здравствуйте.

–Мы приняли вашу заявку на рабочее место в психологической больнице №18. Сейчас мы проведем небольшое собеседование, по окончании которого определим ваше дальнейшее будущее в этом заведении. Вы готовы?

–Да

–Итак, почему вы решили подать заявку именно в психо-

логическую больницу?

—Я заинтересовался психологией и мне стало любопытно, какие особенности дефекта мозга способны сделать человека уникальным.

—Вы раньше где-нибудь работали?

—В журналистике и в прочих подобных профессиях.

—Вы популярны в данной сфере?

—Думаю, что нет.

—У вас имеется квалификация психолога. Где вы ее получили?

—Разве там не написано?

—Я хочу услышать от вас лично.

—Хорошо, в социально-психологическом университете
Неизвестно в городе Неизвестно.

—Прекрасно. Кем вы хотите у нас работать?

—Хотелось бы, конечно, кем-нибудь, кто ближе всего контактирует с пациентами.

—Почему?

—Детально изучить их поведение.

—А помочь вы им не хотите?

—Разумеется, и помочь тоже.

—Вы местный?

—Нет.

—Откуда вы узнали про данную психбольницу?

—Из газеты одной.

—Хорошо. Вы пришли сюда ради денег?

–Нет.

–Ради чего?

–Ради знаний.

вздых следователя

–Вы слышали что-нибудь про эту больницу кроме газет?

–Нет

–И чем тут занимаются вы тоже не слышали?

–Нет. А чем могут заниматься в больнице, кроме лечения.

–Ничем. Как вше психологическое здоровье?

–В полном порядке. Все справки находятся в пакете документов.

–Замечательно. Я думаю, вы заслуживаете место работы в психиатрической больнице №18. Приходите завтра, и мы все вам расскажем и покажем.

–Спасибо большое.

–До свидания.

–До свидания.

Конец записи

24.10.2031

9:55

Главное отделение психиатрической больницы №18

Запись с камер переведена в печатный вид для удобства документации происходящего.

–Доброе утро, мистер Гизли.

–Доброе утро.

–Я ваш управляющий, доктор Осмот. Моя задача- расска-

зять вам о структуре вашей работы и на практике продемонстрировать вашу обязанность. Вы же подписали все документы?

–Да, подписал.

–Я еще раз спрошу, с вашим ментальным здоровьем точно все хорошо?

–Абсолютно.

–Замечательно! Тогда надевайте халата и двигайтесь за мной. Мы пройдем в непосредственно корпуса, где и отдыхают все больные.

Мистер Гизли надевает халат и входит за доктором Осмотом в жилые корпуса. Они проходят первый этаж с самыми незначительными пациентами

–Это, мистер Гизли, первый этаж. Тут, в основном, отдыхают люди с незначительными психологическими болезнями, которые мы легко лечим. Комнаты быстро меняют своих жильцов. Здесь работают стажеры, нанимаемые нашей компанией из психологических и медицинских университетов для практики.

Доктор и мистер опускаются на второй этаж. Больные с более серьезными дефектами психики

–Прошу вас заметить, что данные пациенты уже имеют физические недостатки. Изначально вас хотели поместить работать именно сюда, но я сам захотел взять вас в свои помощники.

–Можно поинтересоваться, почему же?

–Как-то совпали события. Я как раз искал помощника, ведь мне попросту не хватает рук, чтобы справиться с Кодированными больными, да и мне, если честно, надо бы скоро на пенсию уйти.

–Разве вы не рисковали, беря неопытного на такую серьезную вакансию?

–Еще как рисковал! Но сейчас мало кто сам решается поступать на работу в нашу больницу. Слухи бродят тут не самые приятные для нашей репутации. А вы как раз под руку попались! Да и работа у вас будет не самая сложная, лишь вписывать в тетради исследования. Всю основную работу буду делать, разумеется, я.

Пациент Климфорд своей обнаженной рукой чуть не дотронулся до мистера Гизли. Раствор был введен через 3 минуты 37 секунд. Пациент успокоился. Мистер Гизли и доктор Осмот спустились еще на этаж ниже

–Ну, вот и он! Самый трудный для всех работников этаж. Пациенты здесь, та еще морока. Не зря мы их закодировали.

–Но здесь нет дверей...

–Все камеры обширные и находятся на достаточном расстоянии друг от друга. Этот этаж крайне секретен, так что прошу вас хранить молчание о всем том, что вы здесь увидите. Иначе нам придется прибегнуть не к самым гуманным методам.

–Хорошо. Не расскажу.

–Прелестно! Чтобы попасть к камерам, нужно лишь знать

правильную комбинацию чисел на панели.

–На панели?

–Да. Она находится внизу. Чтобы ее активировать, стоит только в правильно месте носком ботинка подтолкнуть стену. Вот так...

Доктор Осмот ботинком активировал панель управления

–Затем на появившейся панели вбиваем правильное слово и код. Вы его скоро запомните, я вам гарантирую это. У вас все хорошо с историей?

–Довольно неплохо.

–Тогда вы справитесь с этим кодом!

Доктор Осмот вбивает код в панель

–Запомнили?

–Восемь один ноль один девять девять три МОВ?

–Совершенно верно!

–Он что-либо значит?

–Год основания этой больницы.

–А последние буквы?

–Аббревиатура, которую придумал первый директор. Ох, он так любил детективы и агентов!

–И как переводится аббревиатура?

–Молчи обо Всем.

Доктор Осмот и мистер Гизли идет вдоль камер высокого внимания

–Я вам сразу скажу, что досье на каждого пациента вы

найдете в архиве и сможете прочитать про него много интересного!

—А почему некоторые камеры пустые?

—Некоторые пациенты... Излечились.

—Они нас видят через стекло?

—Ни в коем разе! С их стороны это зеркало.

—А кто этот мужчина весь в черном?

—А! Пациент 0011. У него странная форма расстройства личности. Он может менять цвет в зависимости от, как он сам говорит, того брата, который сейчас хочет увидеть мир. В общем, у него шизофрения, но она как-то странно влияет на физический мир.

—Как именно?

—Когда личность меняется, комната тоже почему-то начинает меняться. Незначительно, но меняться. Мы специально сделали такой интерьер обычной жилой квартиры, чтобы лучше фиксировать изменения. Раньше то окно, возле ванной, было на кухне. Но ни он, ни мы не передвигали его.

—Угу...

—Это очень сложно объяснить. Пройдемте лучше дальше.

—А кто-нибудь здесь еще работает? А то я больше никого не вижу... На первом и втором этаже сотрудников больше было.

—Ох, все смотрители находятся за стенами, там удобнее управлять комнатами.

—У вас есть свой личный пациент?

–Хо-хо-хо! Ну, можно сказать и так! Только слово „личный” здесь не очень уместно, так как я могу легко подменить своего коллегу и следить уже за другим. Да и вообще какой-либо привязанности к пациентам тут нет, хотя по документам должно.

–Физической или ментальной?

–Рабочей, мой друг!

Доктор Осмот и мистер Гизли подошли к камере с пациентом 0007

–Вот и он, мой пациент. Как вы сказали? „Личный”? Вот мой „личный” пациент. Ха-ха-ха!

–Но это же мальчик!

–Поверьте, мой друг, это необычный мальчик. Пациент 0007. Или как все любят его называть- музыкант.

–Почему музыкант?

–О, это особый мальчик! Он полностью зависим от музыки.

–Я думаю, восхищаться музыкой- это не повод сажать бедного мальчика в психушку.

–Постой же! Он слишком одержим музыкой. Его настроение, поведение, да даже жизненные потребности напрямую зависят от музыки.

–То есть он просто меняет настроение из-за музыки?

–Нет, друг мой. Он, в прямом смысле, жить не может без музыки. Если вокруг него будет тишина, он умрет.

–Что? Это правда?

–Самая истинная правда. Мы проверяли его мозг, и вправду, когда музыка выключается, он начинает задыхаться и умирать, словно мелодия для него- воздух, которым он дышит.

–Даже так...

–Да, друг мой. Я же говорил, что здесь особые пациенты. Вот за ним мы и будем наблюдать.

Господин Гизли и доктор Осмот зашли в помещение за стеной

–Вот здесь происходят основные исследовательские работы.

–Вы просто следите через окно за пациентом?

–Да, но еще способны следить за его реакцией на разную музыку. Вот, рядом с вами, на столе, лежит коробочка с кнопками- это аппарат, который способен менять музыку.

–Плеер?

–Да, плеер. Вы просто нажимаете нужные кнопки и следите за ним, записывая всю информацию в этот документ.

Осмот положил пустой документ на стол

–Доктор Осмот, а вы чем будете заниматься?

–Я, скорее всего, буду у других пациентов. Сейчас у нас сезон пандемии совпал с запланированными отпусками, поэтому многих сотрудников сейчас нет на своих рабочих местах, и я замещаю многих своих коллег.

–Получается, на мне основная работа над одним из самых серьезных пациентов?

–Не преувеличивай. Не такой уж он и серьезный пациент. Просто интересный, и болезнь у него необычная.

–Я ведь должен стараться как-то ее вылечить!

–Я тебя умоляю! Всех на этом этаже невозможно вылечить. Так что просто наблюдай и записывай. Приятной работы, мистер Гизли.

–Спасибо доктор Осмот.

Доктор Осмот вышел из исследовательской комнаты пациента 0007

24.10.2031

12:29

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

12:29. У пациента играет расслабляющая музыка. Сейчас подопечный сидит на полу и что-то рисует на листке бумаги. Очень заинтересован творчеством. Я тоже послушал музыку, и она оказалось очень воодушевляющей, словно сопровождает тебя в полете своих мыслей и толкает совершать новые открытия. Пару раз пациент отвлекался и смотрел в зеркало (которое по совместительству было окном снаружи), но руки его продолжали самостоятельно рисовать.

13:07. Случайно сделал музыку громче. Мальчик схватился за уши и стал кататься по полу и кричать от боли. Тут же выключил музыку. Пациент спустя минуту и тридцать семь секунд схватился за горло и стал просить включить музы-

ку. Я включил на минимальной громкости. Мальчик стал зевать и потихоньку засыпать. Музыка все это время оставалась той же, и все это время он руками пытался что-то рисовать в воздухе. Когда я удостоверился, что пациент спит, то решил выключить музыку. Мальчик тут же проснулся и стал задыхаться снова, и я незамедлительно включил обратно мелодию, но уже на изначальную громкость. Он снова сел и стал рисовать. Очень удивительный мальчик.

14:27. Все это время пациент рисовал на одном и том же листке бумаге, перерисовывая рисунок на рисунке. На холсте появляются уже дырки. Видно, что мальчику надоело, и он хочет прекратить. Я решил понизить громкость музыки и дать ребенку отдохнуть. Пациент уснул быстро, изредка продолжая шевелить руками.

14:44. Пришел доктор Осмот. Рассказал, что в ящике есть диски с определенными жанрами музыками, на некоторых есть описания реакции пациента на мелодию, на некоторых нет. Мы немного еще поговорили о болезни мальчика, и доктор Осмот ушел. Я взял диск с надписью «Классическая музыка». Музыка сменилась, а с ней и поведение мальчика. Он перестал рисовать. Играл вальс из „Маскарада”. Вдруг пациент встал и стал танцевать, танцевать и танцевать. Ему нравилось, и он смеялся. Так же мальчик с кем-то разговаривал, хотя в камере никого не было. Видимо, вместе с музыкой его воображение и ход мыслей тоже меняются. Он останавливался и ходил по комнате, постоянно подходя и спрашивая

кого-то о чем-то. Его лицо имело выражение приятного и светского удовлетворения. Мальчик вдруг переменялся в настоящего мужчину, который мило беседовал с воображаемыми дамами и превосходно танцевал вальс с несуществующей партнершей. Его глаза устремлялись куда-то вдаль, взгляд постоянно менялся, а голос всегда оставался громким, приятным и уверенным. В некоторых моментах, когда особенно четко исполняют момент тарелки и барабаны, его ноги сами подпрыгивают, будто взлетают на нереальную высоту. Он словно умеет летать! И когда, снова идет к основной мелодии, мальчик, как и в первый раз, танцует вальс, кружась в пустой комнате. С виду одинокий и грустный, но в его голове, я сам это вижу, так все радостно и ярко. Он живет в своих мирах! Музыка ему это позволяет! И когда дело дошло до конца, в записи люди аплодируют музыкантами, но пациент решил, что все овации прикованы к нему, и низко поклонился. Музыка без перерывов сменилась на очередную классику. На этот раз было написано, что это „Merry-Go-Round”. Начало оказалось спокойным, и мальчик устало сел на пол. Вступление было таким же расслабляющим и долгим, а потом пошел мотив вальса, мальчик почему-то стал плакать и улыбаться. Он был счастлив! Мелодия заставила его почувствовать его счастье! Удивительно! Обыкновенная мелодия, а столько счастья! Восхитительно!

17:59. Я наблюдал несколько часов за реакцией этого юноши на музыку. Все время был классика. Боже, как же он уди-

вителен! Давно я так не интересовался кем-нибудь. Пациент 0007 точно приковал мое внимание. И...

Вернулся доктор Осмот. Сказал, что я могу идти домой, ведь рабочий день до 18:00. Так же он объяснит мне, где кухня и комната отдыха. Сегодняшняя запись подходит к концу.

25.10.2031

9:09

Комната управления

Запись с камер переведена в печатный вид для удобства документации происходящего.

Перед столом директора третьего этажа психиатрической больницы №18 стоят доктор Осмот и мистер Гизли

–Мистер Гизли, почему вы мучали пациента?

–Прошу прощения, но я не мучал его, а проводил исследования.

–Вы дважды чуть не убили его.

–Это была неопытность.

–Тогда если это была неопытность, то где находился человек, который обладает опытом и должен был следить за вами? Доктор Осмот, объяснитесь.

–Вы... Директор, вы же знаете, что сейчас не хватает сотрудников и... я попросту распыляюсь на всех пациентов!

–Знаю, знаю, но почему тогда вы доверили самого ценного нашего больного новичку?

–Я посчитал, что для него эта работа будет легкой, ну и...

–Довольно. Еще одно такое происшествие, и мне придется двоих вас уволить, к моему сожалению. Я понимаю ваше положение, поэтому не стану вас сильно отчитывать, но будьте осторожны, прошу вас.

–Да, директор.

Мистер и доктор вышли из кабинет и направляются на третий этаж

–Осмот, почему Музыкант- самый ценный пациент?

–Это... *камера не может расслышать его голоса*

–Поэтому он так его назвал...

–Да, тише будь!

–Хорошо.

25.10.2031

9:53

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

9:53 Доктор Осмот объяснил мне, что восприятие на музыку у пациента 0007 крайне высокое, и стоит быть осторожным даже с такой мелочью, как громкость музыки. Еще немного рассказав об особенностях этого мальчика, доктор зачем-то встал на стул и стал ковыряться в стене. Я заинтересовался, спросил, что он делает, и получил ответ, Осмот перекрывает видеокамеру. Теперь в кабинете никто не сможет увидеть и услышать наш разговор, да и вообще действия в камере пациента 0007. Доктор великодушно поделился по-

дружески данной выходкой, объяснив каждый шаг. Он настолько наивен, что доверяет такие угрожающие секретные действия незнакомому человеку, или настолько устал и попросту не хочет ничего скрывать? Конечно, мне повезло. Ситуация такая, что я могу проводить свои исследования над интересующем меня пациентом, который находится на за-секреченном этаже, и не быть ограниченным властью высших лидеров. Однако доктор Осмот попросил меня только об одной вещи, записывать все свои действия, что я в благодарность выполню.

10:11 Доктор Осмот, наконец, ушел. Все это время мы с ним говорили о разных пустяках, словно сейчас и не находимся на работе в серьезной организации. Просто удивительно рассеянный и наивный человек! Как только его допустили на столь секретный этаж? Даже я, неизвестный человек, в достатке осознал всю секретность этой больницы. В этом месте совершается что-то очень таинственное, и мне доводится в настоящий момент лицезреть это нечто. Оно сидит за стулом, в пустой комнате, с белыми стенами, а напротив огромное зеркало, которое оказывается окном с противоположной стороны. На этого мальчика столько взглядов, но он так одинок. Может, оттого в нем зародилась эта проблема?

10:27 Я долго наблюдал за пациентом. Играла снова та же воодушевляющая мелодия, которая вчера познакомила меня с ним. Он что-то пишет. В тетрадке. И так много. Я уже

долго наблюдаю за ним. В голове моей возникла мысль- что если заговорить с ним? Он ответит? Тут же где-то был микрофон...

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

–Привет?-[Мальчик сильно испугался] []-примечания мистера Гизли.– Ты слышишь меня?

–Кто... Кто вы?!– [Пациент постоянно оглядывается, видимо, пытается найти того, кто с ним разговаривает. Во время общения продолжает писать]

–Я доктор. Твой лечащий доктор.

–Доктор?– [Мальчик радостно вскочил со стула, даже рука его на пару минут оторвалась от тетрадки]– Вы наконец-то пришли? Вас так давно не было! Вы сказали, что скоро вернетесь, я вас так долго ждал, но вас не было... Где вы были?

–Я... Должен был по работе задержаться.

–Вот как... А я многим чем занимался, пока вас не было! Я нарисовал множество картин! Они вот, в ящике, сейчас!– [Мальчик подбегает к шкафу и открывает нижние ящики. В руках у него толстый альбом]– Хотите я покажу вам свои картины?

–Очень хочу.

–А где вы?

–Я за стеной.

–А что вы там делаете?

–Наблюдаю за тобой.

—Почему вы никогда не выходите? Вы боитесь меня, как и мой папа?

—Нет, не боюсь, просто я не могу к тебе войти.

—Почему?

—Я... все еще ищу дверь в твою комнату.

—Дверь? Что это?

—Это как окно...

—Окно?

—Знаешь, есть в стенах иногда такие прорези, через которые можно войти и выйти.

—УХ ты! Прорези в стенах! Получается за комнатами есть еще одна комната?

—Да...

—А когда вы найдете эту дверь?

—Точно не могу тебе сказать. Наверно, скоро.

—Хорошо, я буду ждать! Я так скучал по вам доктор! Мне так было грустно... Я уже по несколько картин перерисовал. Хорошо, что листки сами приходят ко мне, и я могу снова рисовать!

—Ты очень талантливый.

—Спасибо! Я люблю рисовать. А еще я написал в честь вас роман.

—Ух ты. Целый роман?

—Да! Правда, сейчас работаю над его продолжением, но совсем скоро допишу!

—Я буду ждать.

–Вы когда дверь найдете и войдете в мою комнату, я вам дам почитать. Мы вместе будем рисовать! Ой, и танцевать тоже! Я ведь так люблю танцевать!

–Я видел, ты прекрасно танцуешь.

–Правда-правда?

–Правда.

–Спасибо доктор! А еще я...

–Постой я сейчас музыку чуть тише сделаю.

–Музыку?

–Ты не знаешь, что такое музыка?-[Неужели...]

–Это, наверно какой-то жанр письма, да?

–Нет.

–Тогда, может быть, картина?

–Это не описать одним словом.

–Тогда что это?

–Я думаю, ты скоро узнаешь.

–Скоро... А скоро, это когда?

–Это очень недолго еще.

–Вот как. А как у вас дела, доктор? Я просто давно с вами не разговаривал. Да и вообще, не разговаривал. Я так хочу поговорить!

–Я хорошо.

–Послушайте, а у вас есть папа?

–Был.

–А где он сейчас?

–Давно уже умер.

–Ой, простите...

–Ничего. Я уже не грущу.

–Почему?

–Я почти его не помнил.

–А я помню! Давно-давно он меня на руках держал! Я помню! Правда, я как-то здесь оказался. Но я думаю, что это мой дом. Скоро придет папа, и заберет меня. Ну, или не скоро...

–Скоро! Скоро заберет...,-[Он слишком меня трогает за душу...]

–Правда?

–Правда.

–Ура! Меня скоро папа заберет!– [Мальчик от радости бросил писать и стал прыгать, но потом, словно притягиваемый чем-то, сел за стол и стал писать]

–Да.

–Доктор, а что вы кушаете?

–Ты спрашиваешь, какая моя любимая еда?

–Нет, что вы кушаете на завтрак. Мне для романа надо.

–Ну, я обыкновенно пью кофе, заедаю, наверно, яичницей и закусываю хлебом.

–Спасибо!-[Мальчик записал что-то в тетрадь]

[Прошло пару минут молчания]

–Доктор, вы тут?

–Да, тут... Можно тебя снова спросить?

–О чем?

–Ты точно не знаешь, что такое музыка?

–Не знаю, а это что-то важное? Вы расскажите мне про музыку?

–Как ты меня слышишь?

–Я... Просто слышу ушами, а как еще я могу слышать вас?

–Почему же тогда ты не слышишь эту мелодию?-[Я стал прибавлять громкости музыки]

–Какую мелодию, доктор? Здесь тихо...

–Как? КАК?! Ты не слышишь, что ли? Ты смеешься?

–Доктор, мне страшно, мне плохо. Я не могу перестать писать. Мои уши- Ай!-[Пациент закрыл уши руками]

–Почему ты не слышишь музыку?!

–Я не знаю!

–Почему?!

–Я не знаю!!!-[Мальчик зарыдал. Я остановился, опомнился, сделал музыку комфортной громкости]

–Хорошо. Мне пора. Меня зовут.

–Что? Кто? Доктор, пожалуйста, не оставляйте меня! Я что-то сделал не так? Я обязательно узнаю, что такое музыка. Пожалуйста, не уходите! Я не хочу снова оставаться один!

–Прости, мальчик, мне надо идти.

–Стойте!

Далее запись микрофона прерывается, идут записи мистера Гизли

12:43 Я, наверно, слишком долго думаю о том, что произошло сейчас. Он чудовище. Он не слышит музыки. Он

просто смеется надо мной. Пациент 0007 зависим от музыки. Не может быть так, чтобы тот, кто зависим от музыки ... не мог ее слышать. Это как видеть глазами весь мир, но быть слепым. Его же уши слышат меня, мой голос, так почему он не слышит музыку? Почему он просто... игнорирует ее? Или это... его мозг? Надо подумать...

13:55 Точно. Для него музыка, как для нас кислород. Мы дышим им, но не замечаем, что дышим, так же и он с музыкой. Для него мелодия так же незаметна, но она влияет на него напрямую. Вряд ли это появилось внезапно: или он таким родился, или с детства этот мальчик слишком восхитился музыкой и слушал его до такого состояния. Тогда где была переменная линия между нормальным восприятием мелодии и... теперь. Мне еще надо проводить исследования долго....

16:37 Зашел доктор Осмот. Я попросил его последить за пациентом, а сам прогулялся по этажу. Все-таки здесь очень зловещее место. Такие люди... даже фантазеру не приснятся в самом отрешенном сне. Например, пациент 0001. Имеет постоянно веселое состояние, за которым скрывается тяжелая депрессия, и выражается все это в виде постоянного желания жарить яичницу, ведь именно в процессе готовки этого блюда, суицидальные мысли больного покидают его. Тело, замечу, у него такое же странное, как и болезнь. Тонкое тело, очень сильные ноги и огромная голова, с широкой улыбкой. Вид его довольно страшный и жуткий. Я наблюдал за

ним добрый час, а то и больше. Иногда он очень странно поглядывал в зеркало, которое являлось окном, и будто смотрел прямо на меня, хотя, в теории, он ничего не должен видеть. Неужели пациенты на этом этаже все знают? Очень странно. Сейчас я снова зашел в кабинет, чтобы заменить доктора Осмота. Мальчику включили успокаивающую песню, где присутствуют звуки природы. Как сказал мне мой коллега, именно эта песня воздействует на него усыпительно в любой громкости. Но если ее выключить совсем, то он, разумеется, будет задыхаться, что только подтверждает мои мысли о том, что музыка для него как кислород. Все же это было лучшее сравнение.

17:40 Я вышел опять из кабинета. Решил посмотреть на пациента 0002. Теперь же это был какой-то монах, постоянно сидящий в позе лотоса и не шевелившийся. Глаза его закрыты, а комната обустроена руинами. Я спросил у Осмота насчет этого больного, он мне ответил, что данный пациент находится в стадии сна, сидя в этой позе. Но в особенные моменты у него бывают вспышки ярости, и он начинает все крушить, рвать, метать вокруг себя. Такие моменты непредсказуемые, и длительности сна бывают разными. На данный момент сон у него длится уже год. Руины обусловлены его прошлыми яростными крушениями, где больной разнес свою и соседние камеры, так что приходилось перестраивать их в тишине, а также и укреплять, для лучшего противодействия гнева опасного психа. Хотя он еще остается мало

изученным, и сила его так же неизвестна и, быть может, имеет бескрайние возможности. Когда доктор Осмот рассказал мне основную информацию об этом пациенте, он так же посоветовал мне идти домой, но перед своим уходом, я решил написать последнюю запись за сегодня.

26.10.2031

9:22

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

9:22 Как только я зашел в комнату, сразу услышал громкую мелодию. Тут же подбежав к пульту управления, я увидел, как мальчик в камере, закрыв уши руками, катается по полу и хрипит. Я тут же убавил громкость музыку. Пациент не двигался. Мне срочно нужно найти доктора Осмота. Благо, он оказался недалеко, у камеры пациента 0006. Я тут же позвал его и попросил о помощи: мне нужно попасть в камеру мальчика. Доктор Осмот, выслушав все, в ужасе стал причитать, что это он вчера случайно сделал музыку громкой перед уходом. Значит, мальчик страдал всю ночь! Прибежав в кабинет, я тут же потребовал от доктора дать мне доступ войти в камеру. Осмот без возмущений открыл дверь, с помощью ключа. Дверь была спрятана за шкафом. Войдя в помещение, я тут же взял мальчика на руки и проверил пульс. Он был жив. Доктор Осмот с облегчением вздохнул и попросил моего прощения. Но он должен извиняться не передо

мною, а перед ним. Наши голоса разбудили пациента 0007.

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

–Кто вы...-[Он был еще сонный и измученный]

–Это я, доктор.

–Доктор?

–Да, да, доктор.

–Вы пришли забрать меня?

–Нет.

–Тогда что вы здесь делаете?

–Ты чуть не умер, что случилось?

–Умер? А мой папа тут?– [Он был настолько слаб, что не мог поднять головы]

–Нет. Скажи мне, что с тобой случилось?

–Я дописал... роман. Доктор, возьмите его, он на столе,-[Пациент хотел указать мне пальцем, но рука его не поднималась]

–Возьму, возьму. Тебя надо переложить на кровать.

–Зачем? Я все еще... могу... писать.

–Включи музыку для сна,-[Это я сказал доктору Осмоту]

–С кем вы разговариваете? С папой? Он тут?

–Нет, ни с кем.

–Врете, я же слышал, что вы с кем-то разговариваете,-[В это время я взял его на руки и аккуратно положил на жесткую кровать]

–Мальчик, просто верь мне, я ни с кем не разговаривал.

–Нет, я слышал... А еще у меня имя есть,-[Он сказал это обиженно]

–Какое?

–Дастан.

–Дастан...

–Да, это папа мне имя дал. Стойте же вы, дайте я еще кое-что напишу.

–Хватит. Ляг.

[Музыка сменилась на усыпляющую пациента 0007. Мальчик тут же потерял силы]

–Дастан, тебе надо поспать.

–Но...Я ведь...

–Дастан, прошу тебя, отдохни.

–Вы правы, доктор, мне надо отдохнуть...

–Молодец.

–Я что-то... устал... Наверно, надо... надо...

–Да, надо поспать.

–Да...

–Спокойной ночи.

[Пациент уснул]

Диктофон камеры

–Боже, Генри, прости меня!

–Вы слишком халатно отнеслись к своей должности.

–Прошу тебя, извини!

–Ты не передо мной извиняйся.

–Боже, он ведь мог погибнуть!

–Видимо, слишком долгое воспроизведение одной и той же мелодии губит его.

–Как я мог! Как я мог! Он ведь ребенок.

–Доктор Осмот, успокойтесь.

–Боже, мистер Гизли, может, мне уйти уже на пенсию?

–Не впадайте в крайности, доктор.

–Он ведь мог умереть!

–Но все же выжил. Да и без вас больнице будет не хватать сотрудников. Хотя бы тут никого не подведите.

–Боже, да! Как вы правы. Мне нельзя уходить! Я буду работать больше и лучше!

–Да, да. Непременно. Но вы забыли об одном еще деле.

–Еще? Опять! О каком же?

Молчание

–Точно! Ох, какой я растяпа...

Микрофон камеры отключен

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

11:27 Я вернулся после ругательств начальства о произошедшем. В основном, весь гнев директора был направлен на доктора Осмота. Жалко его. Видно, что человек немолодой, да и многое уже забывает. Но на пенсию ему еще нельзя. Без него, психбольница может и закрыться. Если это случится, то Дастан точно не выживет в этом мире. Он слишком чудной. Я не думаю, что здесь всем этим пациентам дадут те же условия существования, какие дает больница №18. Однако благодаря рассеянности Осмота, я могу еще немного понять

положение мальчика. Пациент 0007 такой же человек, как и мы, но его примитивные потребности отличаются лишь в одном: для него музыка- все.

15:31 Мальчик все это время спал. Я не хочу его тревожить этот день. Все же монстр из меня так себе. Пока он спит, я навожу порядки в шкафу. Тут кассеты были кое-как расставлены. На некоторых есть надписи, подтверждающие, что уже были сделаны эксперименты с данным жанром музыки. Где-то надписи стерты, а где-то их и вовсе нет. Мне придется сначала изучать его. Но это не так тяжело. Мне даже интересно пытаться понять мысль того, кто не понимает опасного своего положения. Лишь один вопрос возник в голове. Почему многие кассеты не проверяли на нем? Не успели? Я думаю, мальчик находится здесь довольно давно. Это опасно? Но ведь никто не проверял. Или здесь все куда проще, что мне даже ответа искать не надо. Может, этот вопрос настолько поверхностный, что я просто не вижу перед своим носом. Если это так, то в чем же простая истина. Быть может, мне она не ясна? Я ее не знаю? Тогда я буду вместе с ним пытаться ее найти...

17:55 Он так и проспал. Я не стал его будить. Громкость оставил комфортной. Завтра еще буду заканчивать уборку кабинета. Меня заинтересовали эти исследования очень. Надо, непременно, начать эксперименты завтра, иначе мое терпение меня удушит.

27.10.2031

9:18

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

9:18 Он не спит. Просто ходит по комнате, что-то приговаривая и жестикулируя руками. Говорит беззвучно. Я немного обеспокоен этим, но главное, что в целом он в порядке. Думаю, я могу начинать проводить свои исследования. Хотя сейчас, надо снова написать надписи на тех кассетах, которые уже были. Я оставил их вчера на столе, так что много времени это не займет. Еще я принес коробки, в которые буду сортировать кассеты по разной степени реакции пациента 0007 на мелодию.

10:00 Все сделано. Могу начинать эксперимент. Начну с классики. Думаю, включу вальсы, оперы, романсы, увертюры и прочее. Запишу только общую характеристику, которую попытаюсь составить из наблюдений.

14:34 Уже половина кассет прошла. В целом, реакция ожидаемая: на живую музыку, а в частности, на мелодии фортепиано и скрипки, мальчик реагирует спокойно, даже приходит в какой-то транс и, бывает, просто смотрит в стену, ничего не изображая. Так же он танцевал очень много, до отказа ног. Грустная мелодия, иногда доводила его до тоски, веселая- до слезного счастья. Опять же, реакция вполне ожидаемая и даже примитивная.

17:20 Ничего не поменялось. Все та же предсказуемая ре-

акция, какая бывает у всех нормальных людей. Скажу честно, я немного разочарован. Кассет с классической музыкой не осталось, все они отправилась в коробку со „Спокойной” реакцией. Бывало, он философствовал, но ничего из его раздумий не было революционным, гениальным или даже умным. Пустой бред сумасшедшего. Меня это не удовлетворило. Я очень огорчен. Классическая, даже самая депрессивная или экспрессивная, не вызывало в нем никакой бурной реакции, каких-либо взрывов чувств. Все очень просто, по-детски.

17:43 Собираюсь домой. Мальчик очень устал, оставил ему усыпляющую музыку. Смотря на него, мне стало очень жаль. Какое-то чувство одинокой тоски настигло и меня. Как ему тяжело, наверно, быть запертым здесь, в этой тюрьме. Но он не такой как мы, и его особенность поможет нам, обычным людям, узнать много нового. Эти сумасшедшие- дары науки. Их одиночество- плата за особенность. Все же, будь я на месте этого мальчика радовался, ведь я приношу хоть какую-то пользу. Пускай, меня мучают, пускай испытывают, но мои страдания- озарения науки... Как же он все-таки одинок... Как страдает... Не я ему помощник. Моя работа- исследовать, моя задача- несмотря ни на что, попытать особенных, доить их, чтобы помочь человечеству. Уж слишком я вжилась в роль доктора...

28.10.2031

10:25

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

10:25 Пришел довольно поздно. Проспал. Мальчик уже готов: бодр и полон сил. На этот раз я возьму что-нибудь из джаза. Таковы следующие кассеты. Думаю, он будет просто танцевать. Вряд ли черная музыка заставит в его душе проснуться чему-то неординарному. Пациент 0007, я надеюсь, что ты окажешься очень необычным.

13:13

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

–Доктор? [Мальчик во время всего разговора танцует]

–...

–Доктор, вы тут?

–Откуда ты знаешь, что я здесь?

–Я что-то услышал.

–Что именно?

–Честно, не знаю, когда я танцевал, я услышал странные и красивые звуки.

–На что они были похожи?

–На ваш голос, доктор.

–Тебе показалось, я ничего не говорил.

–Но вы оказались здесь.

–Это ничего не говорит.

–Нет, это значит, что вы все-таки рядом. Почему вы не

сказали, что вы пришли.

–Я все еще занят, мальчик, не отвлекай.

–Доктор, пожалуйста, зовите меня Дастаном.

–Хорошо. Дастан, прошу тебя, не отвлекай меня от работы.

–Как скажите доктор, плодотворного труда.

Далее запись микрофона прерывается, идут записи мистера Гизли

13:27 Совпадение или нет, но он что-то услышал. Может ли быть это музыкой? Возможно, тот инцидент с доктором Осмотом сломал его уши? Значит, становясь глухим пациент 0007 обретает возможность слышать музыку... Странно. Если он оглохнет, он умрет, но также способен исцелиться. То есть можно найти грань, где он почти полностью исцелен, однако станет на пороге глухого человека. Или это так на него повлиял джаз? Стоит продолжать эксперименты.

16:44 Никакого результата. Та же реакция. Почти все записи джаза, даже блюза прослушаны, но пациент 0007 все танцует. У него судорога, а он танцует. Псих! Почему он просто не может остановиться? Музыка не способна настолько угнетать людей! Он попросту лжет! Ах, я начинаю уже изводить себя. Я слишком заиклился на работе. С этой музыкой скоро в этой психбольнице окажется новый пациент. Для меня удовлетворительным результатом будет что-то необычное, не знаю, резкое бешенство при спокойной мелодии, наплывы памяти при определенной мелодии, что угодно, лишь

бы это не были пустые танцы, да подпевания. Его вдохновляет творчество создавать творчество. Тогда зачем он вообще нужен? Он больной, находится в психбольнице и обязан быть необычным. А пока это музыка вместо кислорода. Мне нужно нечто необычное, новое, ведь... Скучно! Просто скучно! Нечего делать и скучно! Разве это работа? Я приходил сюда, чтобы узнать человека, а в итоге смотрю, как псих танцует под разные песенки. Черт.

17:32 Снова разочарованный ухожу. Мне это не нравится. Даже нечего записывать в эти документы, все настолько скучно. А ведь в первые дни пациент 0007 меня заинтересовал. Нужно продолжать. Продолжать в любом случае. Если ничего не получится я... Я буду разочарован.

29.10.2031

9:11

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

9:11 Как только я пришел, увидел пациента 0007 танцующего и что-то говорящего себе под нос. Очень удивился. Музыка, кажется, расслабляющая, но он танцует... Джаз? Да, он так же танцевал вчера. Неужели он запомнил мелодию? Или только танец... Мне нужно... мне нужно его допросить.

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

–Мальчик, что ты делаешь?

–Доктор, что вы здесь делаете? [Голос пациента был на удивление уставшим и сонным, и постоянная отдышка его вздымала хрупкую грудь]

–Я решил поинтересоваться, что ты делаешь?

–Я танцую.

–Почему? Разве ты не должен спать?

–Не знаю, я захотел танцевать и стал это делать.

–Тогда почему твои губы шевелятся?

–Я читаю стихотворение.

–В твоей голове есть мелодия?

–Что такое мелодия?

–Под что ты танцуешь?

–Под стихотворение.

–Расскажи его мне.

[Мальчик пропел одну из джазовых песен]

–Ты... поешь... Ты поешь!

–Пью? Я не пью ничего.

–Нет! Ты поешь! Ты сейчас пропел мелодию!

–Но... это стихотворение.

–Нет! Мальчик, это музыка!

–Музыка? Это?

–Да!!! Ты сейчас поешь!

–А петь это... создавать музыку?

–Да! ДА! Ты прав! Да!

–Значит, вы о той музыке говорили? [Его голос был все таким же сонным и усталым]

–Да! Боже, да!

–Я смогу узнать, что такое музыка?

–Ты еще не понял, но ты близок, мальчик! Ты близок!

[Пациент сонно стал прыгать и радоваться устало]

–Ты молодец! Я сейчас же должен все это записать.

–Куда записать?

–В специальную тетрадку.

–Вы тоже пишете роман?

–Да, да... роман.

Микрофон камеры отключен

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

9:31 Поразительно... Поразительно! Он может слышать музыку! Он способен петь! Ему доступна мелодия! Значит, все-таки он может слышать прозрачный свой кислород! Удивительно! Все это время он мог слышать музыку! Или не все... нужно срочно проверить новые кассеты. Вдруг, он сможет точнее опознать что-то более выделяющееся или даже... агрессивное и экспрессивное. Я должен проверить. Нет, я обязан! Я слишком близко к его пику болезни. Остался лишь шаг.

9:50 Попались под руку кассеты с каким-то роком. Признаюсь, подобная музыка не самая моя любимая, однако мальчик очень интересно на нее реагирует, в какие-то моменты он начинает бить по столу, полу, стене, хотя мелодия крайне спокойная. Да, иногда вставляются моменты с довольно жесткой и грубой тематикой песни- в такие пери-

оды пациент особенно яростно старается бить по поверхностям. Именно бить, не крушить или ломать. Он ничего не переворачивает, не кричит, а с каменным лицом просто бьет по столу. Даже головой не мотает. И параллельно он способен вести... обычную жизнь! Немного пописать, устать, потанцевать, лечь, снова встать, сочинять, рисовать. Если же с определенным жанром мальчик делает первые приходящие в голову при первых звуках мелодии действия, то с роком 0007 полностью непредсказуем. Это что-то удивительное в сравнении с прошлыми жанрами. И что же в ней удивительного? Тот драйв? Почему же мальчик так необычно реагирует?

13:22 В один момент попалась не прошлая энергичная и яркая рок-песня, а какая-то мрачная и тяжелая композиция. Я испугался от такого количества бесполезного шума, хотел было выключить, но мальчик... Он снова меня удивил. Вдруг пациент 0007 стал выкрикивать какой-то несвязанный бред, но это на первый взгляд, ведь среди всего потока негативных слов, я понял, что больной хочет кого-то встретить и напомнить о смысле. Это было очень необычно. Он рвал стену. На этот раз на лице его был гнев, страх, ненависть, презрение. Это впервые, чтобы пациент 0007 показывал такой большой спектр эмоций. Такая тяжелая музыка, видимо, дает его чувствам выйти на волю. Спокойная наоборот сдерживает тот порыв, что губит его. На него подобная отвратительная музыка действует, как адреналин на животное.

14:04 Я старался находить подобные тяжелые песни, но тут неожиданно явился доктор Осмот, которого я не видел последние дня два-три. Оказывается, после отчета директора, ранимый коллега заболел и слег. Теперь он выздоровел и вернулся, но стал слабым и вялым. Былой веселости в нем не было.

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

—А что с пациентом 0007?

—Ах, все прекрасно! Я смог, кажется, найти ту музыку, благодаря которой мальчик сможет показать весь спектр своих спрятанных эмоций.

—А что это за музыка?

—Да, какой-то тяжелый рок.

—Смотрите, мистер Гизли, для него такая музыка может стать губительной.

—Я вас умоляю, он наоборот высвобождает все накопившееся. Разве это не хорошо?

—В случае высвобождения всех чувств, он может совсем ослабеть. Вы не замечали, что он такой щуплый и хрупкий?

—Нет...

—У него здоровье очень шаткое, в любой момент может умереть от всего. С ним нужно обходиться, как с цветком, а вы...

—Доктор Осмот, не вам мне говорить об аккуратности с пациентами.

–Чт... Да, вы правы, но все равно будьте осторожны. За пациента 0007 отвечаю я. Пожалуйста, сохраните его здоровым.

–Конечно.

–Замечательно. А теперь мне нужно проверить всех остальных больных.

–Давайте. Удачи вам.

–Спасибо.

Запись микрофона оборвана

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

14:14 Хрупкое тело... ведь и правда, пациент 0007 слишком слабый физически, не говорю уже о ментальном здоровье. Видимо, стоит дать отдохнуть немного мальчику. Пусть восстановится. Он слишком устал, я думаю.

15:24 Уже больше часа у него играет расслабленная музыка. Мне нечем заняться. Мои руки страшно чешутся. Я хочу продолжать эксперимент. Боже, почему я стал так одержим пытками мальчика? Он такой интересный. Он так... манит меня. Я близок к чему-то удивительному. Как человек нетворческий, мои интересы никак не пересекались с музыкой тесно, но после всех посещений пациента 0007, в моем доме тут же оказалась отдельная полка винтажных виниловых пластинок, которые в наше время найти почти невозможно. Я отдал огромную сумму за них и все ради того, чтобы просто их слушать. Это даже не коллекция. Я могу спокойно скачать с интернета любую песню, но вместо этого по-

купаю неоправданно дорогую вещь. Неужели этот смешной фанатизм по семи нотам затронул меня. Даже смешно. Руки так и тянутся сменить кассету. Да и почему здесь кассеты? Видимо, с самого основания этой больницы современные технологию сюда даже не думали завозить. Думаю, от этого даже лучше. Мне нужно отвлечься. Пойду посмотрю на других пациентов, не знаю.

16:44 Заметил, что при переключении кассет пластинка начинает немного заедать. Нужно связаться с доктором Осмотом еще раз. Хотя... проблема не очень весомая. Быть может, дело в самих кассетах. Мне скучно.

17:55 Иду домой.

30.10.2031

12:22

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

12:22 Писать нечего, пациент отдыхает. Мне скучно.

13:34 Смотря на то, как мальчик спит, я вдруг понял, что здесь необычная ситуация пациент-доктор. Здесь что-то большее, высокое. Я задумался о том, почему именно моя жизнь переплелась с жизнью пациента. Почему среди множества больных, которые находятся в соседних камерах, меня свели с мальчиком. Это явно непросто так. Наши судьбы слишком разные, они могли бы быть параллельными, но резкий поворот линии создал точку пересечения во временной

линии существования двух тел. Возможно, в этом скрывается какой-то потаенный смысл? Его хрупкое тело, словно тело зверька, хранит в себе что-то необыкновенное. Дело не в музыке. Музыка- это случайность, которая стала причиной его болезни. В пациенте 0007 хранится секрет, который поможет всему человечеству или... уничтожит. Почему уничтожит? Его болезнь так же непредсказуема, как шаг незнакомца на улице. Все идет 50\50. Один толчок, одна сильная эмоциональная тряска, и он откроется. Тряска... Да, ему нужна тряска. Его нужно вывести из зоны комфорта, иначе исследования не продвинулись. Все, что мне нужно, это заставить мальчика выплеснуть эмоции. А исходя из предыдущих опытов понятно, что агрессивная и тяжелая музыка заставляет его чувствовать стресс, способный снять с его притворной личности маску страдальца и открыть... нечто. Чувствую, что сейчас я написал бред. Мной, наверно, овладела болезнь. Стоит уйти пораньше домой. Вылечится. Но все же пускай и бред- но эта мысль имеет место в этом мире оказаться правдой. Что если, в этом невинном чаде живет что-то сверхъестественное. Оно выжидает, прячется и специально прокляло душу мальчика на вечно страдание. Тогда... Все становится на свои места. Пациент 0007 способен слышать музыку, но не осознавать ее, так как его сознанием управляет монстр, который дурманит невинный ум. Ха! Бред, а ведь правда!

14:22 Я просмотрел много кассет в поисках того жанра

музыки, способного выплеснуть эмоции мальчика. И во время этих поисков, меня настигла мысль: а не бред ли все это? Кажется, я уже писал, что это бред, но теперь значение этого слова имеет настоящий смысл. Мне стоит отдохнуть. Видимо, у меня жар. Так много работать после нескольких лет застоя вредно. Пойду домой...

31.10.2031

3:24

Исследовательская комната пациента 0007

Запись из наблюдений за пациентом 0007 мистера Гизли.

3:24 Я не могу так. Мне нужны исследования. Я хочу видеть его реакцию. Мне нужны данные, мне нужны знания о нем. Пусть он задохнется, пусть свалится с судорог, я выжму из него все до последней капли. Я пробрался в психбольницу тайно. Здесь я один. И он. Пациент 0007. Нам никто не помешает. Да, да, никакие Осмоты, директора и прочее. Я добьюсь той реакции, которой хочу увидеть. В нем живет дьявол, и скоро его настоящая сущность будет раскрыта. В его душе живет истинное зло. Оно захватило бедного мальчика в самом его рождении, и теперь мучает, одарив таким смертельным даром. Я спасу Дастана. Я смогу. Я сделаю это. Я знаю, что в нем живет это. Я чувствую, что скоро... скоро все свершится...

4:07 Наконец, я нашел кассеты с тем самым жанром, что заставит появиться на свет настоящую личность этого мон-

стра. Ужасная музыка для ужасного существа. Да, я смогу узреть дьявола и ощутить всю его настоящую мощь. Мое исследование заключалось не в психологии, не в попытках спасти здоровье уже умершего существа. Моя работа заключалась в поисках той самой адской души, которая незаметно вырыла себе проход из-под земли и погубила живую душу ребенка. Как я был слеп вчера! Это Господ дал мне прозрение сегодня. Во сне я видел тот Божественный образ, что помог мне наметить мою истинную цель, которую я уже почти взял в руки. Я найду и убью дьявола. Убью его во что бы то мне не стоило. Но сначала, нужно выманить его в реальный мир. Он засел в душе мальчика, скрывается именем Дастан и специально ведет игру невинного существа человеческого, но я знаю, знаю, что скрывается под оболочкой прогнившей кожи этого самозванца. Мне поможет музыка преисподнии, ее я так долго искал. Мои принципы блокировали возможность подобраться к этому шуму, но Господь озарил меня, даровал возможность согрешить и сделать великое благо. Я его сделаю.

5:10 Все идет прекрасно. Пациент рвет и мечет. Кричит, ругается, ломает все. Одна стена ободрана до бетона, но тело мальчика, подчиненное дьяволу, продолжает до крови исцарапывать сухие преграды комнаты. Зеркало разбито, но не сломается. Его постоянные мотания головы, наверно, оставили его мозг в нокауте. Невольно и я сам начинаю кивать, но это все влияние ада. Мне нужно справиться с этим на-

пором грехов и дать миру Божью милость. Музыка, может быть, слишком громкая, но в психбольнице никого. Это и есть мое предназначение. Ради этого я пережил все эти скитания, все эти неопределенности. Постоянный поиск себя привел меня сюда. Бог знал, что именно мне присвоена роль спасителя мира. Именно я убью того, кто совершает все плохое. Лично мне дьявол ответит за ту неопределенность в жизни, из-за которой страдали я и все мои близкие и родные. Осталось совсем немного.

7:54 Как же глубоко в теле мальчика засела эта тварь. Долго она не хотела выходить. Метала, рвала, ломала руки, но не хотела выходить. Но потом оно выдало, спустя сколько... два часа, ту фразу, которую я так долго ждал. „Отец, я ненавижу тебя”. Я знал! Ха-ха! Я знал, что он монстр. Вот и появился этот губитель мира. Да, скоро я убью его. Все готово. Осталось войти, задушить и спасти мир, не подвести Бога.

Следующая запись была переведена из микрофона, ради удобства документации

[Я вошел]

–Ну, что, ничтожество мира сего. Я убью тебя!

–Отец? [Мальчик орал, метался и дико смотрел на меня]–
Я убью тебя!

[Пациент 0007 накинулся на меня и с невероятной силой оттолкнул меня к двери. Я упал и был немного сконфужен, но встал и увернулся от еще одного молниеносного скачка мальчика. Это было нечеловеческая сила и ловкость, особен-

но для его щуплости]

–Ах, ты ничтожная тварь. Вот ты и проявило свой настоящий облик!

–Ты бросил меня одного! Запер в этой комнате. Заставил страдать! Ненавижу тебя!

[Мальчик собирался вцепиться мне в лицо, но я откинул его ударом в челюсть. Тот отлетел к зеркалу. Я взял стул и оторвал от него деревянную ножку так, что конец стал заостренный с щепками. Пациент яростно закричал и побежал на меня, маневрируя на ходу, чтобы запутать меня. Один поворот, я его потерял, улетел на пол. Вот уже почти мальчик разорвет меня, но тут послышался голос доктора Осмота]

–Что здесь происходит?

–ОТЕЦ!!!

[Мальчик яростно набросился на старика и повалил того на пол. Осмот не успел вскрикнуть. Затем Пациент руками начал рвать на куски тело доктора. Я почему-то в тот момент сильно перепугался и стал убегать к выходу. Залетел в кабинет и закрыл дверь. Мальчик продолжал медленно и яростно рвать на куски уже мертвое тело Осмота. Окровавленное пальто его распласталось вместе с телом на полу. Рядом со столом, за которым я сидел, стоял портфель доктора. Он только-только пришел на работу]

Запись микрофона оборвана

8:59 Дьявол- истинное зло. Сейчас я увидел что-то ужасное. Сейчас я увидел не человека, а монстра, способного

уничтожить мир. Нужно с ним покончить сейчас. Пока не поздно. Если сюда кто-то придет, то будет сложно сделать это в одиночку, так требует от этого судьба. Я и он. Никто не будет стоять между, позади, спереди. Только воин Бога и Дьявол. Нужно сперва заблокировать вход в этаж. Уже 9, а значит рабочий день начался. Благо, больных и отпускных стало больше. Надо, надо найти способ заблокировать двери.

10:01 Вернувшись в кабинет, я увидел, что пациент 0007 ломится прямо ко мне в кабинет. Он нашел дверь. Его сила сможет ее когда-нибудь разорвать. Надо пока думать, что делать. Общую дверь я заблокировал. Никто не приходит. Сегодня идеальное время, чтобы закончить начатое. Но что мне делать?..

Музыка... Точно. Его болезнь. Вдруг дьявол не проклял мальчика вечной зависимостью от мелодии, а до захвата души пациент 0007 всегда был в нездоровом ментальном состоянии. Тогда... Тогда и он тоже зависим от музыки. Ха-ха-ха! Если это так, то настоящее зло является настоящим идиотом. Нужно сменить жанр на спокойный...

Проигрыватель сломался. Он не хочет останавливать музыку ада! Черт, эта машина стала подконтрольной злу! Тогда я сломаю ее! Я...

Следующая запись была переведена из виде формата в письменный, ради удобства документации

[Громкой падение двери]

-Ты! Ты все-таки пробрался. Чудовище!

—ОТЕЦ!!! Ты меня ненавидишь! Ты меня презираешь! Я люблю тебя! ОТЕЦ!!!

[Пациент 0007 накинулся на меня. Я увернулся и взял портфель доктора Осмота. Дастан моментально собирался нанести второй удар, но он был отбит. Невероятная ловкость больного позволила ему сделать какой-то неопиcуемый трюк и оказаться под моими ногами. Один удар, я на полу, меня избивает пациент, полный гнева. Мое сознание постепенно стало уходить, как вдруг рука нащупала ножку металлического стула. Я изо всех последних сил потянул мебель и ударил больного. Тот ненадолго сконфузился. Я с трудом встал и с трудом, не разбирая, где я, вошел в разбитую камеру. Сзади пациент уже собирался нападать на меня. Я обернулся и упал на пол, тем самым уклонившись от прыжка мальчика. Сил моих больше не было. Больной взял опрокинутый и сломанный стул и бросил его в кабинет. Стенка была пробита насквозь]

—Отец. Почему, почему ты меня бросил??? Почему ты просто не мог меня любить таким, каким я был и есть??? Моя болезнь для тебя позор? Почему же ты меня не любишь... Я убью тебя!!!

[Музыка стала замедляться, зависать и заедать. Спустя несколько секунд мелодия выключилась. Наступила тишина, которая оглушила меня. Мальчик вдруг истошно заорал. Схватился за горло. Упал на пол и стал ползти]

—Папа... Папа, помоги... Я не хочу умирать. Я не хочу к

маме, она меня не любит. Папа... Папа, помоги... Папа, я люблю тебя, папа, где ты...

[Мальчик зарыдал и стал задыхаться]

–Нет... Нет ничего. Где все? Где свет? Где я? Папа, где ты? Папа, почему ты меня оставил? Папа, я люблю тебя. Папа, помоги...

[Мальчик взял лежащие на полу карандаш и ручку и проткнул себе уши. Кровь полилась медленной струей из его ушных раковин. Он ртом пытался поймать больше воздуха и плакал]

–Папа, я люблю тебя... Папа... помо...

[Мальчик упал. Больше не вставал. Я после этого без сил потерял сознание]

Запись видеокамеры оборвана

Записка господину Брену Т.

Честно, не знаю, почему именно тогда на меня снизошел весь этот религиозный жар, но событие произошло. Я убил невинного мальчика. После этого случая мне приходилось долго скрываться, но во время нашей встречи все подозрения на меня благодаря связям были сняты. Вам повезло, что наши души встретились именно в то время, в том самом месте, иначе при любых других условиях встречи я бы ни за что не отдал вам эти документы. Но теперь они у вас. Я знаю, что вы никому ничего не расскажете, что вам нет дела до меня, моей судьбы, моей смерти, но я надеюсь, что один повод

жить в вашей жизни все же найдется. Уверен, вы найдете ту нитку, которая заинтересует вас до смерти. Поверьте мне, я также уверен, что именно эти документы, эта история станут для вас предметом крайней задумчивости, даже несмотря на столь официальный и сжатый вид письма. Не все чувства были переданы, но вам, господин Брен, все понятно. Поэтому, мой милый друг, помните меня, когда станете умирать и поблагодарите меня. Ваша благодарность станет единственной в моей жизни.

Не думаю, что стоит задумываться о всяких формальностях и подозрениях, мол, незнакомому человеку уже доверяет столь судьбоносный и важный документ, способный заставить страдать бывшего его владельца. Мы знаем, почему я доверился именно вам и почему вы так послушно выполните мою просьбу. Это последнее мое послание к вам, в этой жизни с вами прощаюсь. Скажу еще, что да, я стал религиозным человеком и в скором времени планирую отправиться в монастырь после печати книги. Судьба- удивительная вещь, так что просто примите это как должное.

Ваш неизвестный друг,
Мистер Генри (Доктор)

Ноябрь

Я его увидела, когда он вошел в вагон с единственным небольшим чемоданом. Мужчина этот был неуклюж, небольшого роста, с короткими каштановыми волосами. Точно не

красавец, но меня он привлек своей милой неуклюжестью. Не знаю почему, но мне мила эта сторона. Мужчины становятся такими беззащитными, когда не могут нормально завязать галстук или не замечают, что их волосы торчат в ужасной причёске. Я сидела у окна, скучающе смотря в окно. Было серо, дождливо. Осень. Ноябрь. Такой быстрый месяц. Он словно призрак: на самом деле числа идут, но по ощущениям его не существует. Бросив чемодан на свою койку, мужчина повернулся ко мне. Его лицо показалось мне очень знакомым, словно я видела его всю жизнь.

–Здравствуйте,– его голос был робок и прерывист. Он постоянно набирал воздух, чтобы выговорить несчастные три слова. Но это мне тоже показалось милым.

–Добрый день,– сказала я тихо. После скучающего созерцания в серость меня немного увлекло в свои мысли, поэтому как-то не заметила, что проговорила слова приветствия слишком негромко.

–Извините за неудобства,– он слегка улыбнулся и повернулся раскладывать свои вещи. Достал металлическую кружку, ложку, полотенце и книжку, а потом положил свой багаж под кровати.

–Ничего страшного.

Знакомое лицо село на кровать напротив меня и взглянул украдкой на окно. Затем смело зацепил мои глаза.

–Как вас зовут?

–Валентина.

– Меня Макс, будем знакомы.

– Будем знакомы.

Он повернулся к окну. И только сейчас я заметила притворство его улыбки. Макс смотрел на окно и хмуро глядел на ноябрьский пейзаж серой станции где-то в глубинке страны. Его неуклюжесть тут же исчезла, брови сгустились к векам, а лицо стало более выразительным и красивым. Я смотрела на него и думала, что же печалит его, ведь только секунду назад он был приветлив и радостен. Знакомое лицо еще долго смотрела в окно и печально вздыхал. Я все больше углублялась в воспоминания о том, где же могла видеть его, а потом вдруг, под туманом дум, спросила:

– Ваш что-то печалит?

– А... – он сначала не понял моего вопроса. Я выкинула его из печальных мыслей в реальный мир. – Да... Произошел один случай...

– Извините за наглость, но какой?

– Мама моя умерла...

– Ох... – в моей груди что-то заколола. Его боль передалась мне, и так странно было это чувствовать. Между нами какая-то связь была, но назвать это чем-то близким, наподобие дружбы, я тогда не решалась. – Как я вам сочувствую... Терять близкого человека очень тяжело.

– Да... И ведь я знал, что когда-нибудь это произойдет.

– Гнали себя на мысль, что вот-вот и...

– Да. Но куда легче было это представлять. Сейчас появил-

ся какой-то диссонанс реальности: твои мысли вдруг оживают. Очень странное и утомительное чувство.

—Понимаю вас. Со мной тоже такое происходило.

—И ведь я еще и на похороны не успеваю.

—А куда вы направляетесь?

—В город С,— в моей голове вдруг возникла мысль, а вдруг я его видела в родном городе.

—И я.

—Вы из города С?

—Да.

—Как тесен мир. И какими судьбами вы едете в город?

—Продать дом своих погибших родителей.

—Так у вас тоже...

—Давно. Уже не так больно. Раньше я сдавала дом разным людям, но вскоре они разошлись и больше никто брать не хотел. Вот он и пустеет, так что я решила его продать.

—Понятно...

И после этого между нами завязался долгий разговор на всю поездку. Больше никто из нас не смотрел в окно на этот печальный ноябрьский вечер, и мы впервые за день оторвались от наших печальных мыслей. Оказалось, что у нас неприлично много одинаковых черт. Да и жизни наши переплетены не только одним городом, но и похожими сценариями детства и юношества. И все это было так чудесно, словно судьба сделала невероятно великодушный подарок, и нам суждено навеки соединить обыкновенные наши жиз-

ни. В первый же день нашего знакомства я поймала себя на мысль, что люблю... Никогда не любила, а тут люблю. И так стыдно, так смешно, так страшно было об этом думать, что я просто мечтала и надеялась, что это не был наш последний разговор. Он был особенным человеком, тем паззлом, который идеально вставлялся в мои неровные грани, а вместе мы образовывали циклический круг, где все наши чувства и мысли самодостаточны. Это была удивительная встреча, и я чувствовала, что она знаменательная. Со всеми другими людьми ты в той или иной степени чувствуешь себя одиноким, а с ним твое одиночество исчезает. Я перестала стараться вспомнить, где же я видела его лицо...

Когда мы прощались на перроне, я чуть не заплакала. А после того, как его маленькая спина удалилась, посмеялась с самой себя. Ты плачешь по человеку, которого знаешь один день! Один! Одумайся, Валентина! Пускай это и шепотка любви, но она окажется ложной и быстро сдуется беглым порывом реальности. Забудь эту поездку, есть дела поважнее!

Но даже если это и мимолетная любовь, она первая... Макс оказался самым родным мне человеком за долгие-долгие годы. Я так давно не чувствовала такую близость с незнакомым мне человеком. Или знакомым? Все-таки это лицо показалось мне очень знакомым. Такое чувство, что я его видела всю свою жизнь, но так и не могу вспомнить четких очертания места, где именно оно попадалось мне. Такое зна-

комое лицо...

Я простояла в своих мыслях и слезах несколько минут, после заказала такси и направилась в старый дом. Я так долго не была в городе С... Кажется, вот знакомый дом культуры, вот тот самый памятник, который посвящен героям гражданской войны, вон парк, и все деревья ничуть не изменились, аттракционы работают в полную силу, река течет плавно и спокойно, высокие многоэтажные квартиры застилают небесный пейзаж, являясь уродством человеческого искусства, широкая магистраль, через которую я в детстве перебежала постоянно, чтобы встретиться с подругой, поворот на загородные дома, школа на угле, в которой было все и улица, дома. Таксист уехал, я расплатилась. Теперь передо мной стоит старый дом. По нему можно сказать, что в нем прошли жизни многих поколений. История рушила все, а он стоит на том же самом месте. Только я взяла сумки и решалась открыть калитку, как к двору подъехало еще одна машина. Тоже такси. А из нее вышел Макс. Он с изумлением посмотрел на меня, а мое сердце билось часто-часто. Таксист толкнул его и стал кричать, чтобы он расплатился, но Макс только после контакта очнулся. Он расплатился с шофером, забрал маленький чемодан и подошел ко мне.

–Здравствуй, а ты чего тут стоишь?

–Я... Это мой дом! Что вы тут делаете?

–Как ваш дом? Здесь жила моя мама. Теперь это мой дом.

–Постойте, это какая-то ошибка... Я ведь...

–Давайте лучше обсудим все внутри... этого дома.

–Да... Давайте.

Он уверенно открыл калитку, и нас встретили пару елей-старожил, которые были старше самого здания. Заросшая плитка и сад, который являлся настоящим лабиринтом. Я помню, как что-то делала в этом саду: то ли убирала в нем, то ли ухаживала за цветами, то ли подметала, а может, и все вместе. Раздвинув колючие ветки деревьев, мужчина пригласил меня пройти первой. Мое сердце громко стучало, и я робко подошла к двери, достала ключи от входной двери и...

–Ух ты, у нас одинаковые ключи. Какие странные дела,– его голос был близок. Я испугалась.

–Да... Очень странно.

–Вы не заболели? Вчера вы были куда общительнее и громче.

–Нет, просто не проснулась еще...,– и правда, все казалось сном.

–Понятно,– Макс улыбнулся и открыл дверь. Запах пыли и старой древесины первым делом разбудил ностальгию во мне. Я осматривалась и вспоминала каждый предмет в этой комнате: что-то пропало, что-то новое осталось на его месте, а что-то не поменялось.

–Как здесь ухоженно,– я ожидала куда больше пыли.

–Конечно, ведь здесь проходили прощание с моей матерью. Прибрались. Пройдемте на кухню.

Он положил свой маленький чемодан в прихожей и, пове-

сив черную осеннюю куртку на крючок на стене, зашел в дом. Я сняла свое желтое пальто и прошла за ним. Эти маленькие размеры давно вылетели из моей памяти. Раньше все казалось больше и просторнее, но сейчас потрескавшиеся обои давили на меня. Первая комната- это рабочий кабинет на перекрестке всех остальных помещений. Справа через тесную арку виднелась кухня. Все было до боли знакомо и тепло. Пригнувшись, я прошла к Максусу. Он сидел за столом на диване, вдоль стены, который теснил без того небольшое пространство. Напротив мебели был маленький квадратный столик, а рядом же кухонная плита с раковиной. Дальше только дверь в еще меньшую ванну. Мужчина расслабленно сел на диван, предлагая мне расположиться рядом, но я села на стул, между столом и плитой, иначе сердце мое выдохнется.

—А теперь давайте думать, чей дом.

—Возможно, это какая-то ошибка... Может, ваша мама снимала этот дом, а я и не знала...

—Этот дом, как и здешняя территория, принадлежит нам, насколько я себя помню. Я еще в детстве играл в этом саду.

—Как и я...

—Странно, я вас не помню. Сколько же лет вам было, когда вы здесь находились в последний раз?

—Точно не скажу... Наверно, лет 10, может 15 назад.

—Как давно. Я вот был, помню, лет 5 назад, точно.

—Сколько же вам лет?

—27.

–Так вы такой молодой...

–А по вам и не скажешь, что вы старше меня. Скорее я какой-нибудь сгорбленный старик.

–Что вы! Совсем нет!– он засмеялся. Так чудесно, но тяжело.

–Спасибо. Надо сегодня съездить в администрацию, да проверить все документы. Может, правда какая-то ошибка. Довольно странное происшествие.

–А как же ваша мама...

–Ничего. На похороны я уже опоздал, так что смысла лишний раз смешить нет. В любом случае, я увижу ее только могильную плиту...

Его лицо было таким печальным, страдальным. Я взяла теплую руку этого молодого человека и чуть улыбнулась.

–Не печальтесь, она всегда будет рядом.

–Да...– он заворуженно на меня смотрел,– Да, вы правы. Она будет со мной. Спасибо вам за поддержку. Я думаю, что поеду прямо сейчас.

–Сейчас? Но вы же устали в дороге!

–Уж лучше решить все проблемы сейчас, чем потом мучатся. Думаю, на вас можно оставить наш общий дом,– Макс улыбнулся. Я смутилась.

–Да, можно.

–Хорошо! Я вернусь совсем скоро,– он встал и быстро пошел в прихожую, там оделся и на прощание крикнул.– Не скучайте!

Дверь закрылась. Я осталась совсем одна. В этом странном доме, который явно что-то поменял в этом мире.

Он уже давно вышел, мое тело еще сидело на стуле, но сознанием я видела все, все: куда бы он не пошел, я видела его силуэт, его четкий профиль или даже светлое рассеянное лицо, которое входит в торжественные и вечные двери администрации. Странное происшествие, странный дом... Еще позавчера я была в столице, грустная, одинокая, подавленная, готовая вот-вот совершить нечто ужасное. Страшно подумать, что мои руки могли оборвать их же жизнь... И ведь этот коварный мозг специально продумал, что сначала я должна продать все, связанное с моим прошлым, настоящим, будущим; деньги у меня есть - план казался совершенно бессмысленным даже в низкой человеческой материальной выгоде, но душа моя дала оправдание грешному мозгу, что все средства я пожертвую куда-то в несчастный детский дом или поликлинику, где эти бумажки просто своруют. Даже высокая моя нравственность сошла с ума от одиночества и бессмысленность быть высокой - она отдалась глухой рациональности... А сейчас я тут... Мое прошлое оказалось не моим, а общим с молодым человеком, которого я вижу... впервые, а все мысли о будущих последних мгновениях сменились бурным сердцебиением горячего органа, который неумолимо твердит одно, одно, одно... Люблю, люблю, люблю...

И как же плохо с этим рационализмом! Я осуждаю себя,

но почему? Все хотят любить, а я что ли не все? Я ведь тоже могу просто взять и полюбить незнакомца. Того, кто способен стать мне роднее себя, своей этой чертовой рациональностью! И что же... Я тут. Сажу на деревянном стуле. Нахожусь уже в не в своем прошлом и думаю о нем. Почему я думаю о нем? Что меня в нем привлекает? Его рассеянность? Смерть матери? Одинаковые ключи дома? Боже, я ужасна!

И я решила встать. Встать с этого стула вечных мыслей. Он словно пропитан многолетними страданиями какой-то старушки, скучающей по всему свету. И эта печаль мне так знакома... Аж противно! Я прошла в небольшой рабочий кабинет. Шкаф подле стола, на котором стоят всякие старинные вещи и учебники на иностранном языке. Эта женщина была учителем? И какие знакомые переплеты... И выцветшая обложка уродливых картинок с неизвестными крючками мне знакома. Или нет, не неизвестными, я потихоньку понимаю эти буквы. Да, вот слово „Кухня”, вот „Плита”, а здесь... Откуда я знаю эти символы? Я знаю этот язык? Неужели в прошлом я имела случай изучать эти коряжки? Мое прошлое... Я ведь помню только детство, да последние пять лет, а между всем этим была... пустота. Где моя юность? Почему я про нее забыла? Что же со мной сделалось? Надо было просто вспоминать... Я оглянулась. Этот дом поможет мне понять. Он еще в администрации. Время есть. Я прошла в комнату, напротив выхода из прихожей. Спальня. Теснее предыдущего перекрестка. И так мно-

го хлама... Всякого... Высокая кровать. В ней легко утонуть! Кто спит на такой кровати? Но запах... Мне вспомнился какой-то мальчик. Да, мальчик. Он был такой маленький, неловкий и несчастный. Кто же теперь это? Знакомое лицо... Может, это Макс? Нет. Нет-нет-нет. Точно не он. Не может быть. Тут другое. Нечто другое. Мне нужно искать. Я...

Макс... Я так люблю его... Откуда же я тебя знаю?

Другие мысли! Мое прошлое! Оно пропало! Опомнись, Валентина!

Я быстро вышла из спальни и прошла в последнее помещение. Просторный в сравнении с прошлыми комнатами зал. Два дивана, да кровать. Телевизор... Стол. На этом столе я что-то писала. А рядом сидел кто-то... И все так смутно помнится... Это не детство. Это что-то другое. В моей голове появилось нечто новое, ранее мне непонятное. Этот стол не был таким маленьким в прошлом, он был большим, но сейчас... словно я только вчера здесь была, жила, скучала, мечтала. Что же это такое?

Я прошлась по комнате и заметила небольшую тумбочку, на которой стоял телевизор. Небольшая ручка от полки- мой палец еле открыл ее. А в ней было бумажка. На ней что-то написано... Я читала, и плакала. Боже, он... Так несчастен! Бедный, бедный Макс! Боже, я скажу ему, скажу, все расскажу, и он...

–Валентина, вы тут?– звук открывающейся двери испугал меня. Меня пробило током. Я встала со стула, на котором

просидела все время, что ждала его. С его голосом мое сердце успокоилось. Все было хорошо... Он зашел на кухню, озабоченный, но счастливый.

—Представляете, они тоже ничего не понимают. Оказывается, прописка этого дома где-то затерялась, и теперь им приходится составлять новую. Этот процесс затянется до завтрашнего дня, говорили они. Так что я думаю пока съездить на кладбище, попрощаться с матерью,— на его лице не было ни грусти, ни сожалений.

—Вы так спокойно говорите теперь о смерти...

—Поверьте, с вашим знакомством, стыдно признаться, я и вовсе забыл об этом горе. Оно уже даже не царапается. Так чудесно! И странное дело, вы стали мне совершенно родным человеком. Как странно, не правда ли?— он как всегда прямолинеен. Ему легко выражать мои чувства. Удивительный человек...

—Я ведь незнакомый вам человек...

—Не несите ерунды. Мы же уже знакомы с вами.

—А что делать с домом?

—Пока будем жить вместе. Комнат много, найдем, где спать. Думаю, на первые дни этого хватит, а там разберемся с бумагами и решим все дела. Давайте собираться.

—Как? Куда?

—На кладбище?

—Но почему я?

—Я хочу, чтобы вы были рядом,— он чуть смутился. Ох,

неужели и он любит? Неужели и он...

—Как знаете... Я не против, но ваша мама...

—Ей будет приятно видеть, с каким человеком я познакомился.

—Хорошо.

Он опять подошел к выходу. Я, наспех одев пальто, вышла за ним на улицу. Мелкий дождь кончился. На небе сквозь угнетающий ковер серой безнадежности появлялись пятна освежающего голубого неба, яркого и мечтательного. На иглах двух елей-сторожей летели вниз оставшиеся капли. Сырая земля пахла весной, холодный ветер напомнил о приближающейся зиме. Я закрыла калитку. Посмотрела и вспомнила надпись. Медленно проведя по ржавому металлу слезы хотели медленно катиться по щеке, но я последовала за родным человеком. Такси уже стояло рядом. Я залезла в салон, пахнувшим резиной, темный, мрачный, он никак не сочетался с водителем, который свободно разговаривал с Максом. Их разговор сбивал мысли, а взгляд, устремленный сквозь затемненное окно на старый дом, наводил глухую меланхолию, без каких-либо осознанных чувств, иначе я отсюда больше не уеду...

Машина тронулась. Я запоминала каждую мелочь, попадавшуюся на пути: она была родная мне, как и человек, сидящий впереди на пассажирском сиденье. Мы ехали по городу. Плавная дорога. Медленное настроение людей. Ноябрь. Давление осеннего чувство опустошенной безнадежности было

в сердцах каждого чувственного человека. Жаль, что меня провожала бессмысленность улиц и сконфуженное поведение пешеходов. Мы выехали за город.

Такси приехало к низкой оградке, где-то поломанной, где прогнувшейся, где-то мирно стоявшей. Я вышла на грязь. Обувь немного испачкалась. Небо окончательно стало голубым, а облака нежно-белыми. Очень романтическая обстановка. Макс повел меня к могиле. Вокруг возвышались, как руки мертвецов, памятники погибшим. Я особенно внимательно рассматривала их. Где-то легонько провела по бетону, надеясь услышать шепот древних, но лишь шероховатая поверхность бетона или гладкий холод мрамора словно били электрическим током и отбрасывали руку. Нельзя трогать мертвых. Они находятся в вечном сне. Кое-где места тел ухаженные, словно находятся в саду, где сядешь на лавочку, а рядом ходят давно мертвые знакомые, они тоже присядут рядом, и завяжется между вами разговор о чем-то далеком, простом, обыденном... Словно и не умирал собеседник. Но все равно дойдет до разговоров о жизни и смерти, где мертвый скажет: „Смерти нельзя бояться. Когда мы умираем, ее нет, когда нас уже нет, она небрежно опоздала”. Ты лишь посмеешься с неправильно сказанной цитаты, но поймешь его. А потом заплачешь... Ведь там, где смерть, там и жизнь. А жизни с этим человеком больше нет.

Другие же могилы оставлены потомками. Здесь люди мертвы по-настоящему. О них все забыли. Только ободран-

ная табличка, да сорняки скажут, что здесь кто-то есть, но кто он, никому нет дела. А ведь, умирая, этот кто-то хотел, чтобы над ним был сад, где он будет бродить и ждать собеседника, с которым поговорит по душам. А, может, мертвые ничего не хотят. Все равно спят. Зачем их будить?..

Мы пришли к небольшой могилке из черного мрамора. Я посмотрела на свой портрет, на дату жизни и улыбнулась. Так мало, и так много. Максим нагнулся, чтобы положить цветы, а я тихонечко мутнела в этом мире. Мое время вышло. Я провела тот день, о котором молилась каждый день. Теперь мне не о чем жалеть. Я всех увидела. И все со мной прощались...

Жизнь моя была такой же, как и твоя. Я жила спокойно, зная, что умру. Я делала все без каких-либо переживаний, потому что знала, что все равно не успею. Меня не интересовали те заботы, что станут неважными. Я верила ни во что и ни в кого. Моя жизнь- это жизнь человека. Без веры, без суеты, без лжи...

Декабрь

С приходом первых подарочных свечей является в ночном тумане снег, и буря общей радости и встреч укроет в теплое пальто от зимних нег, чтоб погрузится в полуночный свет. И в этот день особого настроения, когда благие мысли скажут нет печальным чувствам угрюмого застоя, воскреснет в

снеге дивный оберег, который очарует дивный свет.

Ах, Рождество! Святое дело Бога. В тебе нет места обыденным застольям. И на просторах улиц ты не встретишь вора, способного украсть и зимнего раздолбя. Все чудно! Здесь особый быт. Коробки оживают новой жизнью, и каждое животное не спит, оно живет одною жаждой мыслью. „Скорее подарить кому-нибудь кларнет, или другой какой-нибудь подарок, а, может, им вручить торжественно конверт с желаниями искренне написанных Сократом? Вот будет удивление, когда они узнают вдруг, что от великого поэта, доставил им письмо их друг. Иль не философ он... Какая ерунда, ведь главное подарок, а остальное все беда!" И все здесь полно суетой, и каждый мчится в магазины, но только тихий наш герой, с опущенной и грустной головой, блуждает мимо украшенной витрины.

Среди толпы есть мальчик тихий, он мирно голову пустил по тротуарным перипетиям, не может взгляд свой отпустить. Вокруг толпа его бредет, не видит мелкое создание, и крики слышно наперед, не обратят никак внимания. Вдруг мальчик наш упал неловко, столкнулся он с месье суровым.

—Куда ты прешься?— рявкнул он, а мальчик не поднимет взгляда.— А ну, смотри!— добавил яда, за воротник схватил он яро.— Ты на меня смотри! Ты понял?

—Да, месье,— лишь тихий звон младого голоса услышан, а взгляд никак не хочет быть все выше.

И тут совсем уж вышло из себя неадекватное творение,

рождение желчи и тленья:

–Нет, ты не понял! Ты смотри в мои глаза!– и мальчика бесстыдно поднял, и он скорей отвел глаза.– А ну, смотри!

–Да отпусти!– не выдержало гордое сердечко. Он посмотрел. И лишь колечком в его глазах зрачки вдруг стали. Перед ним был монстр, сделанный из стали: на голову наденут был мешок, а вместо глаз заделанные скотчем крест, похожий на дьявольскую порчу. Он ужаснулся. Стал брыкаться. Суровый мистер оконфужен, остановился, покачнулся и лишь с вопросами глазами все провожал младое чадо.

Мальчик бежал и голову невольно поднимал на незнакомцев, все провожали взглядом, но праздничное настроение туманило сознание в ночи. И некуда сбежать ему от тошноты. Он проклят! Он не видит лиц. Он молит Бога, чтобы не заметить улиц и людей, от них все тошно, и друзей, увы, но нет, а оттого, что невозможно ему узреть всю красоту людей, страдает мальчик- в центре иудей. Герой бежит, а праздник все в разгаре, он тихо плачет, и пахнет перегаром дыма труб. Повсюду колокольчики звенят, и все нормальные винят этого мальчика во лжи, что он не видит их в ночи. Не раз он наткался на прохожих, не раз встречал и крики, столь похожих на стаю чаек. А рядом эльфы не раскрывают баек, чтоб интриговать идущих ребятишек, на елочках не видно шишек за яркими полосками гирлянд, но ярко за сто ярд блестит огромный Дед мороз, не описать его словами обыкновенных проз, народ к нему стремится, чтоб поглядеть да подивится.

Прижав к стене главу уютно, наш мальчик опечаленно и хмуро глядит на праздничный мольберт, стоящий где-то на витрине в каком-то чудном магазине, а рядом продается бокалами вино. Вдруг среди толпы он ощущает чей-то взгляд, его смущает неизвестность из-за гирлянд.

–Ты здесь один?– спросила громко молодая женщина, и звонко звенит в ее пакете что-то.

Герой наш промолчал.

–Чего грустишь? Какое чудо! Чего не смотришь? Вот же чудно! Ты заблудился?

–Нет,– отрезал грубо мальчика ответ.

–Что делаешь тогда?

–Стою.

–А может быть, грущу?

–Ну... Нет,– смущенно отвернулся, чтоб скрыть свое лицо от света.

–Тогда пройдем в кафе „Равенна”.

–Я не хочу.

–Ну что за бука! Пойдем- пойдем!

–Ну что за мука! Оставьте вы меня!

–Какой ты непослушный. Возьми-ка руку и молчи, ты хочешь кушать? Помолчи! Не спорь со старшими! Пойми, что я добра тебе желаю, ну, иди!

Мальчик замялся, сквозь множество усилий все же ступил за дамой милой в большой проход торжественного заведения. Его слепило все. Здесь платья модные, всего на све-

те здесь в избытке, мужчины полные, и их губу не оторвать от горлышка бутылки. И вот среди всего богатства, в центре гламура и страстей, где начинается свое пьянство толпа бесстыжих королей, проклятый ходит меж толпой, следит за дамой, не поймет, как оказался он с толпою, в богатой кучке сих вельмож.

—Садись сюда,— проговорила и спросила „Пол стакан вода” на ломанном английском. Хоть понимают слуги тут на устаревшем языке, но все здесь свищут и поют на иностранной ерунде. Взгляд мальчика упал на вилку, глаза его смотрели пылко на неприглядный инструмент, а пианист играл сонет гостям в престижном заведении „Равенна”.

—Что будешь?

—Ничего.

—Как так?

—Я есть не буду, отпустите.

—Какой однако же ты пылкий.

—Какой я есть, уж извините.

—Ты посмотри в глаза.

—Я не хочу.

—А почему так?

—Не хочу.

—А может быть, не можешь?

А в женском голосе ехидно слышна насмешка, терпеливо ждала победы над юнцом, чтоб насладились вы концом.

—Нет... не хочу.

–Ты врешь бесстыдно.

–Нет, я не вру!

–Какой ты милый! Скажи мне, что мешает взгляд тебе поднять, да поменять свое унылое воззрение? Быть может, травма детства или страх?

–Оставьте вы меня, прошу!

–А может, я тебя хочу убить вопросами пустыми, все для того чтоб понял ты, как жалок мир.

–Ну что за стыд! Вы убиваете ребенка!– он говорил, потупив взгляд, не отпуская глаз от вилки.

–Однако же ты милый, но я хочу сказать, что мне твой страх давно известен.

–Откуда? Как? Какой?

–Нетерпеливый ты душой. Так слушай, я старуха- ведьма, и видела я множество людей, что многие из них напрасно зреют проклятый образ невиданных зверей. Их очи видят наш волшебный мир, граничащий меж реальностью и сном, и вместе с вами мы богатый пир устраиваем в Рождество. И я заметила одно. Боишься взгляд ты свой поднять, и сразу все быстрее понять, в чем страх твой, где его обитель.

–И в чем же мысль...

–Как же в чем? Тебе всего лишь нужно взять и взгляд скорее свой поднять.

–Я не могу... Мне вмиг мерещатся чудовища, каких не видел свет...

–Ты видишь тех, кого не видеть должен. Отринь его,

взгляни на белый свет, поймай мой взгляд, мы справимся, я буду здесь рядом защищать невинный первый снег, священной юности твоей.

—Я не могу...

—Нет, можешь, милый. Оставь свой страх и всю силой заставь его кричать во тьмах.

Мальчик зажмурился, и сердце его забилося, словно слиться готовы в нем и страх и мрак. Он сдался. Готов был шею опустить, но вдруг услышал тихий клич.

—Не поддавайся! Бей смелее! Ты справишься, он еле-еле стоит пред красотой и обречением. Не отступайся перед целью.

Открыл глаза. И перед ним карие очи, как стрекоза, все на него глядит, пророчит, что вот он дивный свет. Застыл наш мальчик, будто бы валет. Красоты женские не описать, их нужно видеть, постигать, чтоб ощутить рукою пылкой всей мягкости щеки. Она глядела, улыбалась, и сверху мир казался радость, в нем столько света, красоты, лишь чувства здесь одни вольны бросаться счастьем-скакунами.

—Привет,— послышался с улыбкой знакомой девушки ответ. А мальчик робко очутился во спокойном мире, где нет бед...

И Рождество всех одарит, даже несчастных покорит своей любовью к чудесам, чтоб люди верили часам и в полночь подняли бокалы за радость, спящую в амбаре на мягком се-

не в тишине. Так праздник сделайте себе, друзья мои, ведь полон счастья окажется вся ваша жизнь, лишь хоть какого-то участия от вас все ждут, поторопись!

Но как же просто оказалось от страхов всех своих уйти и обрести свободы власти, чтоб к лучшей жизни подойти. Наш мальчик с девушкой душистой прошел по улице с лицом и взглядом полного открытий, пьяненный ярким Рождеством.

Таков конец. Наверно, что же, не сможет вас он в миг той ночи воодушевить, однако верю я ничтожно в светлое будущее всех читающих вот это лиц.

Январь

–Мусорщик, это Земля, ответьте... Мусорщик, это Земля, ответьте... Мусорщ...

–Мусорщик на связи.

–Доложите обстановку на орбите.

–Было убрано около пяти тонн мусора. В основном, все те же спутники.

–Мы заметили поломку в правом крыле Уборщика.

–Что именно сломалось?

–Задет корпус, за которым находится навигационная система. По данным особого нарушения движения корабля не замечено. Что послужило причиной поломки?

–Возможно, мусор. Я чувствовал тряску, наверно, час назад.

–Срочно устраните поломку, иначе Уборщик может

сбиться с курса.

–Понял.

...

–Корпус выровнял только с внутренней стороны, в открытый космос не выходил. Навигационную систему немного задело, но все должно работать исправно.

–Через три часа будет выпущен буксировщик.

–Значит, моя смена окончена?

–Да. Вас кто-нибудь встретит в больнице?

–Да, у меня есть семья.

–Приготовьте вещи.

–Разумеется. Зарплата останется той же?

–Не переживайте. По контракту вам выплатят вашу зарплату после контакта с Землей.

–Хорошо. До связи, Земля.

–До связи.

...

–Земля вызывает мусорщика, срочно! Земля вызывает мусорщика, срочно!

–Мусорщик на связи, что случилось, Земля?

–Вы отклонились от курса! Выправите ваш Уборщик на орбиту!

–Что?... О, мой Бог... Я отдаляюсь от Земли! Куда? Зачем?

–Мусорщик, успокойтесь. Вся проблема в вашей навигационной системе. Я пока на связи.

–Пока?

–Пока связь не будет задержана до промежутков с паузой в час. Тогда коммуникация окажется в затруднительном положении. Да и вряд ли мы сможем вас вызволить.

–Я возле навигационной системы. Земля, что делать?

–На аппарате горит зеленая точка?

–Нет, красная.

–Понятно, Уборщик перешел на ручное управление.

–Ручное управление?

–Да, вам нужно отыскать руль, он находится под блоком навигационной системы.

–Под блоком... Вижу, здесь какой-то рычаг.

–Возьмитесь за него, но не дергайте.

–Взял.

–Вибрирует?

–Да...

–Ожидайте, сейчас нам надо рассчитать направление вашего корабля, чтобы вернуться на Землю или хотя бы плавно упасть на нее.

–Быстрее! Я... О, Боже, я же улетаю в открытый космос! А как же Марго... Моя дочка... Жена... Срочно возвратите меня на Землю, Земля! Вы тут?

–Поверните рычаг на 30 градусов вправо.

–30 гра... Земля, рычаг не двигается.

–Как не двигается?

–Я изо всех сил давлю на него, но никакой реакции... Земля?

–Спокойно, уборщик. Верните навигационный блок на место и посмотрите рядом с красной точкой маленький рычажок опущен вниз?

–Земля, я не вижу никакого рычажка рядом.

–Не может быть такого, что вы видите?

–Справа пять кнопок, а слева одну.

–Слева должен быть рычажок.

–Нет, это...

–Мусорщик?

– Рычажок сломан, Земля...

–В каком смысле?

–Край переключателя просто вырван. Его нет. Я стараюсь пальцем его двигать, но не достаю. Земля, я не вижу ничего. Земля!

–Успокойтесь. Как вы ничего не видите?

–Все размыто, Земля.

–Вы плачете, снимите шлем.

–Сейчас... Слезы превращаются в такие мячики... Аж смешно.

–Уборщик, очнитесь!

–Земля, что делать?

–Сейчас. Ожидайте.

...

–Земля?.. Земля?.. Земля все дальше... Она все дальше, Земля. Что делать? Я же не вернусь... Я же просто здесь останусь. Земля, спасите...

–Мусорщик...

–Да, Земля!

–Вы слышите меня?

–Да!

–Пристегните себя к сидению.

–Сейчас!

–Вы пристегнулись?

–Так точно, Земля! Что дальше?

–Прощайтесь со всеми...

–Что?

–Прощайтесь с Землей. Выхода нет.

–Земля, что это значит? Постойте! Как это, выхода нет?

Земля!

–Ваше положение крайне бедственное.

–Крайне?

–Извините. Не так выразился. Оно безысходное. Ваша семья будет обеспечена государством. Ваше имя не будет забыто, оно останется в списках космонавтов.

–Земля, прошу вас, хватит...

–Хорошо, мне помолчать?

–Я хочу наговориться напоследок с человеком...

–Как скажете. О чем с вами поговорить?

–Какая погода сейчас на Земле?

–Облачно. Осадков нет.

–Какой сейчас месяц?

–Январь.

–Как прошло Рождество?

–Очень хорошо. Все были счастливы.

–Даже моя семья?

–Им не хватало вас, но да, они тоже были счастливы.

–Как моя Марго?

–Она в полном порядке. Ждет вас.

–Ждет...

–Передать ей что-нибудь?

–Нет... Хотя... Да. Скажите, чтобы выросла хорошим человеком и смотрела чаще на звезды.

–Хорошо, я передам.

–Как мне покончить здесь с собой?

–Никак. На Уборщике нет ни огнестрельного оружия, ни холодного.

–А яды? Здесь же есть аптечка.

–Они скорее приведут к наркотическим воздействиям, но до смерти их не хватит.

–Почему же на вашем аппарате нельзя просто покончить с собой? Это же неуважительно.

–Исправим эту проблему.

–Только тщательно спрячьте, иначе люди в космосе тоже начнут убивать.

–Учтем. Спасибо за отзыв.

–Хоть где-то мой случай пригодился.

–Ваш случай уникальный. Мы многое сейчас анализируем и стараемся учесть в будущем.

–Как много за мной наблюдают?

–Все космическое отделение.

–Может, послать вас?

–Как хотите. Там вас точно никто не достанет.

–И я запомнюсь всем, как грубиян, улетевший в открытый

космос.

–Я считаю, это не самая лучшая память о погибшем.

–Тут ты прав. А игры тут есть?

–Нет.

–Это тоже исправьте.

–Хорошо.

...

–Какой-то ты неразговорчивый.

–Ситуация не самая комфортная для разговоров.

–Она необходимая. Как ты связался с этим космосом, даже не побывав в нем?

–Вакансия была заманчивая.

–Деньги. Как странно, что для меня деньги еще имеют значение.

–Люди остаются людьми везде.

–Какая у тебя была мечта?

–Наверно, стать известным диктором.

–Да, голос у тебя красивый. А моей мечтой было попасть в космос.

–Вы ее осуществили. Поздравляю.

–Спасибо. Только эта мечта привела меня к одинокой ги-

бели.

...

–Слушай, как быстро я улетаю?

–Вы отдаляетесь в каждую секунду на несколько сотен километров.

–Много.

–Относительно космоса мало.

–Когда прервется связь?

–Не знаем. По предположительным данным через десять минут.

–Как мало.

–Относительно космоса еще меньше.

–Относительно космоса и это событие малое. Чтобы ты пожелал перед смертью?

–Наесться до отвала, я думаю. А вы?

–А я отметить Новый год и день рождение еще один раз.

–Почему?

–Люблю атмосферу этих праздников. Они особенные. Тогда все вокруг становятся хорошими.

–Хорошее пожелание.

–А почему ты хотел бы наесться?

–Я люблю еду. Да и в голову ничего не пришло. Вопрос слишком философский.

–Наоборот, довольно простой.

–Почему?

–Перед смертью мы бы все пожелали бы жить.

–Как же самоубийцы?

–Они тоже, только хотели бы лучше жить.

–Разница в одном слове.

–Но она весомая.

...

–Мы гордимся вами, мусорщик.

–Земля, я тоже вами горжусь.

–В таком положении вы шутите.

–Я не знаю грустных песен. Сигареты рядом тоже нет.

–Вы курите?

–В такой бы ситуации любой закурил.

–Согласен.

–Сколько осталось времени?

–Примерно, минута.

–Одна минута...

–Хотите еще что-нибудь сказать?

–Ничего в голову не влезет.

–Вы будете жалеть, если поймете это уже в одиночестве.

–Ты прав. Знаешь...

Февраль

Ярая, кусачая метель царапала хмурые деревья, который образовали длинную лесную аллею с широкой протоптанной сельской дорогой. Этот путь ведет прямо к морю, где древние люди, какие населяли каждый уголок планеты, пригодный для жизни, основали небольшое поселение, гордо сохра-

нившее свое описание и по сей день. Каких-либо исторических личностей в близлежащих территориях не рождалось, да и в целом это была большая деревня маленького города. Конечно, общественный резонанс застал беспечных жителей непримечательного населенного пункта, когда хмурые стены обжитых домов стали центром настоящей революции, провалившейся бесславно и позорно. В лесу неподалеку гуляли свои маньяки, топились свои моряки, влюблялись свои герои, но чего-то особенного и великолепного не было. Вся прелесть этого города заключалась в его обыденности. Время шло своим чередом, один час сменялся третьим, а времена года не старались оригинально войти в жизнь местных жителей. Все казалось до отчаяния обычным.

Естественно кого-то такая цикличность и бессмысленность потраченных дней сводила с ума, но как-то по странным течениям обстоятельств они смирялись и подчинялись мягкой руке скучной посредственности. Однако каково же было удивление хмурых лесов, когда по узкой аллее, засыпанной снегом, среди яркой метели, заставляющей всех адекватных сидеть дома, шел неизвестный в шубе, сгорбленный под тяжестью холода. Его мрачный и хмурый стан даже в нечетких профилях тела, окутанного снегом, излучал ауру угнетающего уныния и разочарования, все будто бы боялось его и отодвигалось как можно дальше, и лишь одна страшная метель увлекала его за собой.

Кто это был, почему он пошел по такому морозу- никто

не мог дать точного ответа. В городе о нем не вспомнят, да, наверно, даже не знают, что он жил в одном из домов деревенских кварталов. А неизвестный шел, пока и вовсе не пропал под бархатом снега. Хмурые деревья облегченно устилали узкую проселочную дорогу, а метель сыто шумела все громче и громче...

Мерцедоний

Утро.

Я проснулся под невероятно громкую трель будильника. Голова раскалывается... Слишком много снов завладели мной ночью... Вот бы вспомнить их... Дряблый и потрескавшийся потолок. Вот-вот и он развалится. Значит, вся эта грязь с соломой упадет прямо на меня. Что ж, тогда мир лишится не самой важной фигуры. Надеюсь, что после моей смерти здесь построит дом мужчина, который заведет счастливую семью, и будет приносить пользы куда больше, чем я.

Я тяжело встал и уселся на грязный матрас. Вокруг одни бутылки, шприцы, да банки. Как же скудно я живу... Ни черта не могу понять, день сейчас или ночь. Совсем цветов не различаю. Одни лишь черные да белые оттенки. Даровал же Бог мне такую особенность...

С детства я не мог различать цвета. Болезнь какая-то, однако сильно не мешала жить. Только те краски, которыми все так восторгались для меня были всего лишь черно-белым фильмом. Невыразительный и скучный, он постоянно

окружал меня, однако в начале детская беззаботность, затем пылкая юность помогли мне не обращать внимание на мой дефект. Начало своей жизни я провел, как обычный человек. Однако уже после стало понятно, что мне будет очень трудно жить с моими чертиками.

Я встал с кровати и медленно подошел к столу. Единственный стол, который стоял напротив единственного окна в этом чахлом сарае. На столе- хлам. Хлам, который во мне. Проведя пальцами по бардаку, я нащупал небольшую тетрадку. Точно... Под старость лет решил написать рассказ о том, чего никогда не испытывал. Любовь. Меня никогда не привлекали люди. Я в них видел что-то пустое и интересное. Их постоянно равнодушные глаза, переменчивые эмоции и абсолютный холод к чужому не создавали во мне какого-то особого трепета души. Однако эти бездушные животные способны совершать иррациональные вещи: влюбляться, убивать, разговаривать, творить. Возможно, это абсолютный баланс, который был плохо рассчитан. Теперь же то, что должно было навести порядок в мире, творит хаос, прекрасное и невероятное. Странно, что именно эти существа, слабые и беспомощные, стали могущественными и властными. Они стали покорителями мира. Весь их вид держится на нескольких особенных личностях, которые привели их к этому всеобщему величию.

Я никогда не испытывал любовь. Перечитывая мимолетом строчки в этом худом рассказе, я удивляюсь самому себе:

человек, которому чужда симпатия, так тепло и нежно описывает это далекое чувство. Воображение- главный и единственный инструмент, позволивший нам прийти к тому величию, которое мы имеем сейчас. Буквально из ничего родилось несуществующее, а из реальности свершается фантастика. Удивительно, как жизни многих слепляются в одну большую эпопею, где главными героями являются время, любовь и ненависть.

Тонкая тетрадь упала на пол. Руки совсем перестали чувствовать. Наверно, стоит что-нибудь поесть... Краем глаза я заметил папку. „Дело маэстро”. Ужасный человек, этот мистер Ридл. В папке лежала его книга. „Творческая жизнь мистера Ридла”. Ужасная безвкусица. Почему я не сжег это? Тем более его записку, где он старается оправдать себя? Жизнь этого человека куда хуже и противнее, чем моя. Он утверждал, что мы чем-то похожи, но между нами нет ничего общего. Я, кто достоин самой наихудшей смерти, презираю этого монстра. Это чудовище сдохло, а вместе с ним и все те ужасы, которые он принес в этот мир. Благо, о его работе ничего неизвестно. Всем было плевать на него. И слава Богу... Возможно, парочку произведений кому-то да понравились, но вся книга осталась зарыта в земле забвения. В этом мире, несмотря на все ужасы, существует хромая справедливость.

Нога задела провод. Компьютер включился. Старый, запыленный, давно не используемый, он высветил мне какой-то текст. Точно... Это же тот фотограф, что верил в

жизнь, а потом понял, что все не так просто. Мне понравилось читать про его судьбу. Особенно момент, когда он потерял наивность и осознал всю тяжесть настоящего. Я удивлялся тому, как человек в таком возрасте способен мыслить глазами ребенка, ушами младенца и сердцем... своим. Кто знает, что с ним случилось, однако его перемены личности меня позабавили. Юмор- странная вещь, а я смеялся как ненормальный с истории этого фотографа. Пока все смеются с шуток, всегда основанных на оскорблении, я смеюсь с чужой печали. Все это так смешно, так весело. Жизнь крутится, несмотря на чужое горе, жизнь вертится, несмотря на абсолютное зло, всегда преследующее невинных лиц. Судьба способна уместиться в обычный текст, когда обычное слово невозможно описать чувствами.

Я попытался посмотреть в окно. Стекло настолько покрылось пылью, что невозможно ничего рассмотреть, однако слабый свет соседнего дома виднелся, как маленький мотылек, который летом греется около лампы на улице. В этом доме жила, по-моему, старушка какая-то. Репетитор. Сколько бы я тут не жил, она вечно заводит детей в свой дом, где и просвещает наукам. Я смотрю, как ребята разных возрастов заходят в эти двери с двумя типами лиц: расстроенными из-за предстоящих мучений и радостными. И мне снова смешно. Они тратят беззаботное свое время ради того, чтобы получить знания, малая часть из которых забудется уже ко второму десятку. Старушка добрая была. Умерла, по-моему, де-

сять лет назад, может, меньше... Нет, десять лет назад умер кто-то другой. Вроде, ее муж. А сама она скончалась два года назад. Точно, к ней еще приходили люди - все в черном, а потом какой-то мужчина сюда приехал. То ли сын ее, то ли просто незнакомец. Теперь здесь живет семья. Семья... Это самый верный способ оставить о себе память. Если про тебя помнят, ты продолжаешь жить. Все до безобразия просто, однако так сложно присосаться, как паразит, в память к людям. Нужно что-нибудь оставить. А мне оставлять нечего...

Я снова, черт возьми, смеюсь. Под старость лет, видимо, мне впервые хочется смеяться, но не от счастья, а то отсутствия чего-либо. Кажется, моя жизнь комедия, но как сказал какой-то клоун, эта гребаная трагедия. Однако, когда грустно, то все плачут, а я и этого делать не способен. Все безразлично. Все темно. Все пусто.

На подоконнике стояли таблетки для сна. Таблетки для сна... Я несколько лет не мог нормально поспать. В итоге, вся жизнь превратилась в какую-то мешанину без реальности и без сна. Я был между двумя мирами, но потом, благодаря этим таблеткам, выбрался из чертового колеса. Теперь сплю и хочу это делать вечно...

Я отошел от стола, а передо мной уже возвысился единственный шкаф. Эта лачуга настолько тесная, что и одного шага сделать нельзя. Открыв шкаф, я первым делом увидел фотоаппарат. Давно сломанный, давно все повидавший. Тут же в голове война... Повезло тогда, что пуля в плечо попала,

а не в голову. Хотя лучше бы в голову... Бедный Ильгар свалился чуть ли не первый. Если бы не та засада, которую мы не заметили, жена бы увидела его живым, а не мертвым... Сколько было слез... Все плакали, почти все... Остальные, слава Богу, отправились по домам. Абзал уехал к родным, Морти как герой войны вступил в эту жизнь, что стало с Джимом мне неизвестно. Слышал только, что Рамис связался не с теми и был убит. Однако это только слухи. После войны мы потеряли друг друга, но кто-то даже себя. А началось все так нелепо, так абсурдно, что... еще хуже становится. Все жертвы, в итоге, были ради монстра, которого полюбили все в один миг, и в один миг полилась кровь многих. Все к лучшему... Теперь страна в спокойствии уже чуть ли не полувек, но все ли так хорошо?..

Слева от фотоаппарата висел костюм, одинокий, а за ним на стенке приклеена фотография морского пейзажа. Это еще от прошлых хозяев этого шкафа осталось, но я тут же вспоминаю свое постыдное влечение к морю... Это было после войны, я чувствовал, что еще могу начать жить, искал себя и увидел море. В нем я увидел спасение... Но мои глаза ведь все видят в черно-белом. Спасибо тому старику, что спас меня и одновременно похоронил. Он продлил мою жизнь на долгие несколько десятков лет. Я успел уехать в путешествие, где увидел в первый и последний раз дрянного Ридла. Надо его уже забыть... Затем вернулся обратно. Теперь я здесь. Но хорошо, что, хотя бы не я выкопал себе могилу. Хотя бы

не я...

Я закрыл шкаф. Что же меня интересует? В этой жизни я никогда не находил себя, своего призвания. Я смеялся с печалей, переживал многое, оставался вечно за кадром. Мой черно-белый фильм скоро закончится. Но в нем нет ни завязки, ни развязки. Одна вечная кульминация, которая так и не достигает своей точки кипения. Мой взгляд поймал череп, который скромно лежал в углу и пустыми глазницами смотрел прямо на меня.

Точно... Смерть. Недавно была новогодняя ночь. Я сидел у себя в сарае и все так же прожигал свою жизнь стеклом и металлом. Под агонией пьяного бреда в мою горячую и тупую голову пришло озарение. Смерть. Как она выглядит? Мне нужно было увидеть, как выглядит эта баба с косой. Что она из себя представляет? Война не дала мне увидеть, как на самом деле выглядит смерть. Она показывала лишь ее мгновение, когда в уже мертвом от пули теле еще теплилась жизнь. Но это не то. Я жаждал совсем другого. Самое страшное это то, что я знал, чего именно хотел.

Кладбище. Ночь. Все празднуют новый год. Я тихо прохожу в усыпальницу мертвых. Здесь таится настоящий облик смерти. Повсюду надгробные плиты с разными именами, но мне нужно было конкретное имя. Я тихо пробежал мимо пугающих колонн мрамора, всматриваясь в каждую букву, и, наконец, нашел. Лопата шумела громче всего мира, земля падала грандиознее водопада, а мое дыхание было более

нервным, чем у океана. Я достал череп своей матери, давно погибшей, однако теперь в ее пустых глазницах я видел смерть. Она была не покрашена, потому что не ожидала, что я загляну, и полностью оцепенела. Я смотрел на эту гниющую кость с опарышами внутри и долго думал. Но к какому-нибудь итогу моя голова не смогла прийти, и я пошел домой. Но сейчас понимание, чего, наконец, хочет это неутомное тело, пришло.

Я медленно надел старую шубу, лежащую на полу рядом с черепом и открыл дверь. На улице был лютый мороз. Я ступил на мягкий снег и теперь уже никогда не прекращал идти, ведь впереди меня ждал последний, самый крепкий и долгий, он принесет мне долгожданное успокоение и первое счастье, станет спасательным кругом и избавителем от всех мучений, которые терзали меня всю жизнь, все шло именно к этому, и он знал это. Он ждал. Он специально сегодня меня посетил. Сон.